

2026-88
А 84
П 75

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ПРИАМУРЬЕ

858

1998

698

В выпуске представлены живописные работы Юрия НАКОНЕЧНОГО из серии " Архитектура старого Благовещенска"

"Ранняя осень".
Холст, масло.

"Банька".
Холст, масло.

На первой странице обложки - "Никольская церковь". Картон, масло.

А847
175

Комитет по культуре администрации Амурской области
Отдел культуры администрации города Благовещенска
Амурская организация Союза писателей России

Выпуск
посвящен
140-летию
города
Благовещенска
и Амурской
области

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ**

ПРИАМУРЬЕ

1998

№ 3 (21)

Приамурье. Литературно-художественный альманах, № 3 (21). – Государственное редакционно-издательское малое предприятие «РИО», Благовещенск, 1998. – 72 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Илюшин. СТАРОЕ ДЕРЕВО. Очерк.....	2
«ВЕРНУСЬ ДОМОЙ – ДРУГОЙ ДОРОГИ НЕТУ...» (Стихи о Благовещенске Леонида Шишкина, Виктора Суходольского, Марины Толиной, Натальи Гаськовой).....	4
Олег Маслов. ТОЧКА ОПОРЫ. Невыдуманные врачебные рассказы.....	6
ДЕБЮТ. Стихи Анны Аниховской, Инги Соколовой, Евгения Еремина.....	28
Виталий Останин. ОПЕРАЦИЯ «ПЛОТИНА». Повесть.....	30
Антон Геут. БОГИ. Рассказ.....	55
Галина Тарасова. ЖИТЕЙСКАЯ МОЗАИКА. Рассказы.....	64

Редакционная
коллегия:

**А.В. Рубцов
Г.П. Лопунова
А.А. Дворников
И.Б. Жукова
И.Д. Игнатенко
С.А. Борзунова
О.К. Маслов**

Редактор-
составитель –

В.Г. Лецик

**Благовещенск
1998**

На обложке – репродукции работ благовещенского
художника **Юрия Наконечного**.

**ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР**

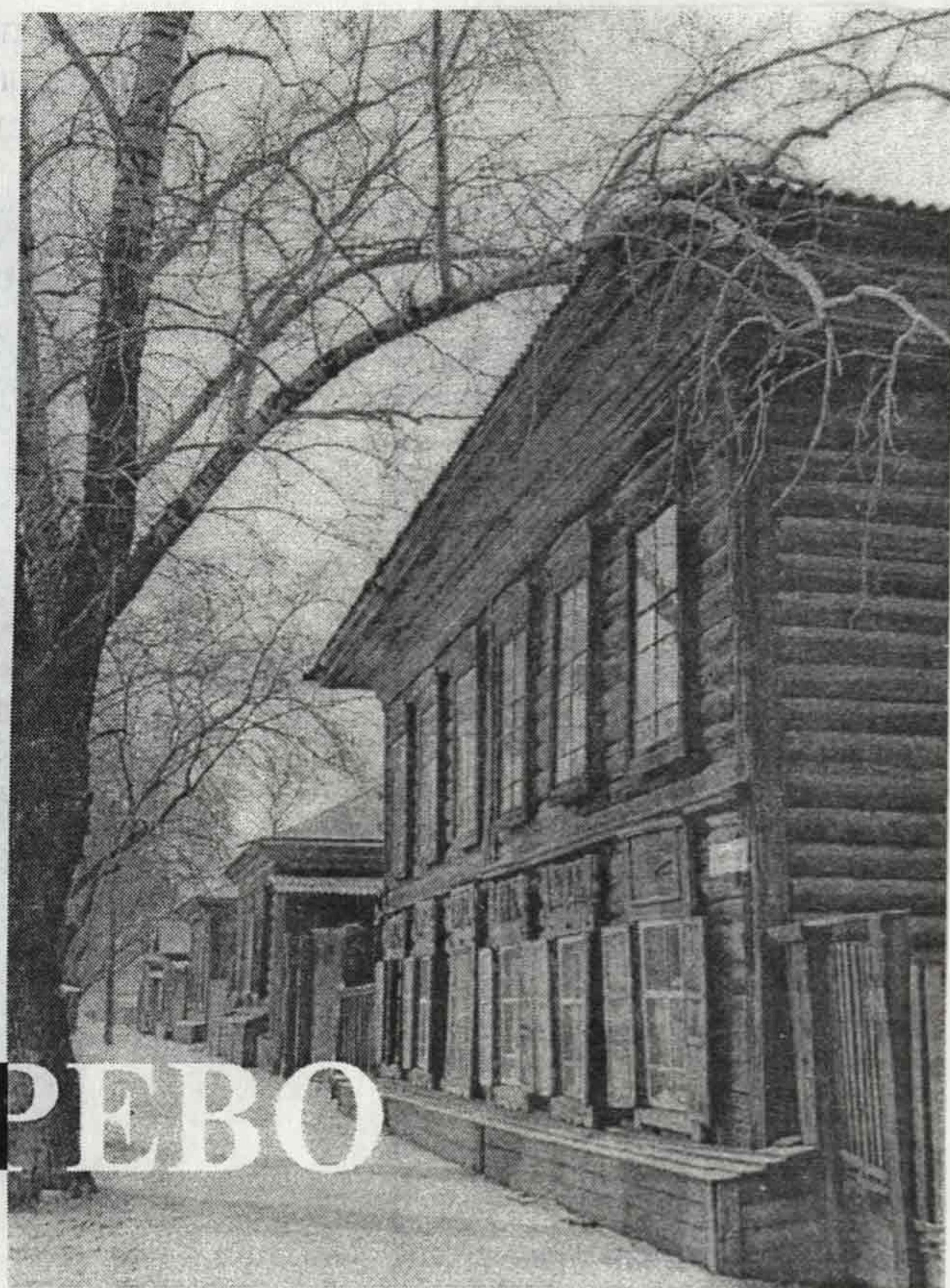
Ф 926388

Владимир ИЛЮШИН

ОЧЕРК

Владимир Илюшин родился в 1960 году. Его первая книга - сборник повестей и рассказов «Тихоокеанское шоссе» - вышла в свет в Амурском отделении Хабаровского книжного издательства в 1986 году. Позднее там же был издан роман «Письма осени». Его повести, рассказы, очерки печатались в журнале «Дальний Восток», в коллективных сборниках, в газетах. Член Союза писателей России. В настоящее время живет в Хабаровске.

СТАРОЕ ДЕРЕВО

Русская жизнь есть жизнь деревянная. Кондовая, как кряжистое сосновое бревно, горькая, как смола. Горькая и горячая. Поднеси только спичку - и пыхнет красный петух, и пойдет гулять, выжигая целые кварталы. Не успеет оглянуться человек - вот он опять один в голом поле и надо начинать все сначала. Бог мой, была ли жизнь, иль приснилась? Хорошей ли была, иль скверной? Где свидетельства? Чему верить? А верить в стране нашей, где историю сочиняют, как роман с продолжением, можно только памяти.

И вот она память, доносит - раннее летнее утро, год 68-й, из сонных сумерек потихоньку выплывает несуразно высокая тесная комнатка с огромной печью в углу. У купца, когда-то занимавшего весь наш громадный деревянный скандальный дом, нарезанный перегородками на отсеки-клетушки, тут, наверное, была кухня. А сейчас мы живем втроем - я, мать, брат. Клетушка разгорожена шкафом надвое, в тесноте столов, стульев, этажерок оставлен узкий проход, в котором ложатся на ночь деревенские родственники, приезжая на выходные. Сейчас заорет радио, зашевелится, заругается, зазвенит посудой дом, начнется советская власть, а пока тихо, на мокрой от росы крыше чирикают воробьи, и слышно, как по асфальту улицы 50 лет Октября стучат копыта - это с молокозавода повезли мороженое на рынок.

Значит, по улицам еще ходили лошади. Странно, не так ли?

А рынок - кто не помнит? - занимал тогда боль-

шой квадрат, где нынче универмаг и почтамт. Да и не рынок то был, а самый настоящий базар, деревянный, расхлябанный, со скобяными лавчонками, с полупустыми рядами, где скучали над урюком и орехами среднеазиаты в стеганых халатах, с тиром и чайной, где законно выпивали свои сто грамм деревенские степенные мужики, приехавшие прицениться к холодильнику или мотоциклу. Тут, в магазине уцененных товаров, работала наша беспутная, гулящая соседка, тетя Галя, это она, уже году в 73-м, по знакомству, рублей за двадцать, справила мне, рано вытянувшемуся подростку, шикарное зеленое пальто с каракулевым воротником. Учительница ругала мать: «Зачем вы покупаете ему такие дорогие вещи! Он и так воображает из себя черт знает что!».

Мать краснела, бледнела и боялась признаться. Стыдно было. Скажут, мол, в уцененном покупают, а это уже клеймо... Боже мой, какая была нищета. С каким скрипом и вздохом еженедельно выдавался мне рубль. На что? Ни за что не угадаете! На сыр! «Он у меня, как мышь, сыр любит!» - смеялась мать. Что было, то было. Зажав в кулаке рубль, я бежал в молочный. Или в тот, что был на Амурской, в подвальчике, или на Горького. Сыров в ту пору стояло сортов пять-шесть. Да столько же масла, начиная с простого, крестьянского, кончая шоколадным. Вообще, магазины конца шестидесятых годов, особенно продовольственные - это отдельная тема. Сейчас, глядя на красочные прилавки нынеш-

них «шопов», с трудом найдешь что-нибудь отечественное. Разучились, что ли? А в те времена всякая иностранщина была в великом дефиците, и только нашим известным низкопоклонством можно объяснить идиотскую моду на болоньевые плащи и синтетические рубашки, при том, что в магазинах и ателье были и хлопок, и лен, и шелк, и кашемир. Впрочем, при тогдашнем относительном благополучии и избытии, можно было позволить и покапризничать. Так я всем сырам предпочитал «Пошехонский», а дед мой курил исключительно «Беломор» фабрики Урицкого.

...Буквально напротив нашего дома, через дорогу, открыли тогда магазин «Сельхозпродукты». И мы, ребяташки из нашего дома-корабля, бегали туда, как в музей. Чего там только не было! Неопципаные тушки глухарей и рябчиков, орехи лесные и кедровые, грибы соленые в бочках и сушеные, дичина всех возможных сортов - лосятина, кабанятина, медвежатина.

И вот что интересно - вроде еще промышляют охотники и где-то на севере области пасутся олени стада, но не то что дикого мяса, дикой ягоды в помине не сыщешь, будто перевелась на мшистых марях северных районов голубица, будто захирели богатые брусничники по Селемдже.

Что говорить, Благовещенск был совсем другой. И был в основном деревянный. Старые, добротные дома из вековых бревен соседствовали с развалюхами и бараками, а среди них редко, островами, виднелись кирпичные и блочные пятиэтажки. Жители домов деревянных обитателям пятиэтажек завидовали. Еще бы! Воду носить не надо, тепло дармовое, туалет на дому, да еще - ванна! Это ж надо... По-родственному, семейно, обитатели деревяшек ходили к счастливицам в «баню». Сие экзотическое помытье, как правило, перерастало в благостные застолья с бутылочкой и телевизором. Было за что тихим прочувственным словом вспомнить власть советскую! Вот, дескать, пятиэтажек настроим и проживем. А чем было не жить? В магазинах все есть, зарплата небогатая, но если не шиковать, то можно и на хорошую мебель скопить, и на машину. Тишь, гладь, божья благодать, все на годы вперед расписано.

Жизнь эта - блочная, чистенькая, холодноватая в своей безликости, казалась предвестием нового. Коммунизма, что ли?..

А рядом, в дерьме и дереве, в собачьем лае и угольной пыли ворочалась жизнь другая, казавшаяся уходящей.. И в ней достаточно было еще татуированных жуликов, крови, мата, скандала. Эта жизнь несла в себе тревожное воспоминание о пожаре, голоде, боли. Старые, осевшие в грунт дома угрюмо смотрели из-под насупленных наличников, будто все пережившие старики, ничему не удивляясь и ничему не веря.

Еще не было кинотеатра «Россия», а там, где

нынче белеют холодные камни микрорайона, синели озерца, стреляли уток и ребяташки плавали на плотках, таская ротанов. А за Амуром, за увитой «путанкой» набережной, в тягучей, одуряющей азиатской музыке ворочался нелепый китайский городок, поражавший обилием труб и огромными красными цитатниками. Облампочкованный, весь в каких-то флажках и лентах допотопный колесный парходик долго-долго тащился вверх по течению под ту же заунывную слабоумную музыку, и люди в синих и черных робах на его палубе по команде выкрикивали что-то, помахивая красными книжечками.

Да было ли это на самом деле?!

Год Даманского...

Кажется, именно тогда, а может, чуть позже, началось в Благовещенске массовое строительство. Деревяшки сносили кварталами, квадратами. Ах, как стонало и кричало старое дерево, когда работяги ломками выворачивали из пазов до звонкой сухости выдержанные бревна. Как укоризненно смотрели окна, будто стыдясь голызы пустых проемов, обнаживших вдруг прах прожитого.

Ребяташки стайками сбегались на эти деревянные побоища, лезли в самую пыль. Их гнали: «А ну уйдите, зашибет». Но лезли, выхватывая из развалин «сувениры» и хвастались друг перед другом. Среди хлама находились интересные вещи - штык от японской винтовки, истлевший обреза, чугунная ручная кофемолка и чугунный китайский фонарь, а то вдруг связка пожелтевших писем, сухих, как осенняя листва. Раз нашли даже чуринскую баночку из-под монпансье, полную серебряных монет. Баночку, впрочем, тут же конфисковал некий подвыпивший дяденька, объявив, что это клад, а клад принадлежит государству.

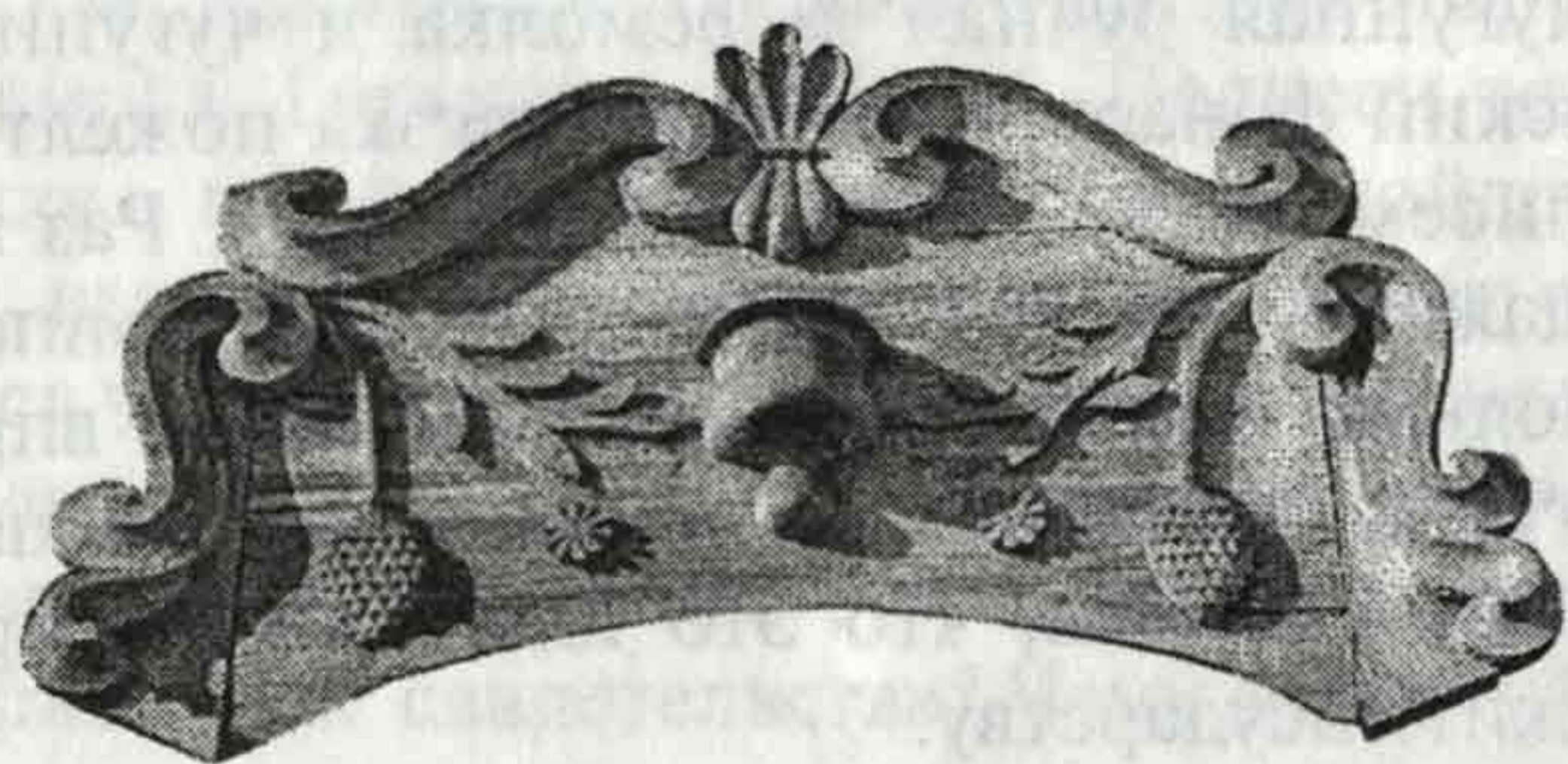
Много в человеческой природе удивительных свойств... Ребяташки радовались, что ломают старые дома, энергия разрушения наполняла их неким возбужденным азартом. Когда случился пожар на старом рынке - тоже радовались, бегали, кричали, таскали из огня потекшую, расплавленную карамель. Народу, помнится, сбегалось много. Многие мужчины были пьяны. Вид пожара, огня возбуждал, заводил людей. Тушить бы надо, да куда там! Прямо какая-то языческая вакханалия, а не пожар.

Если как следует понять эти наши национальные качества (только наши ли?), то можно многое понять и в прошлом, и в будущем.

Может, в том и кроется разгадка «загадочного русского характера», что в многочисленных пожарах войн и революций, нация будто сбрасывает давящий груз прошлого, избавляется от надоевшей инерции и всякий раз вынуждена начинать свою жизнь как бы наново, с чистого листа. Историю мы пишем, как роман, сочиняем, будто сказку.

Нет нашему прошлому никаких доказательств. И блочные пятиэтажки, рассчитанные на полвека, вряд ли переживут ныне рожденных. Хотя, как сказать, как сказать... У нас все возможно.

И все же, когда я хожу сейчас по забурхановским переулкам и тупичкам, будто пытаюсь отыскать собственные детские следы на снегу, странное чувство не покидает меня. Ощущение некой текучей вечности, что ли... Все стирается, рушится, горит, возрождается, меняется, но вот только приложишь руку к нагретому солнцем венцу, и тебя бьет током родовой памяти, немислимой, немой, бездоказательной. И безумным озарением мелькнет вдруг шальное... Что жизнь наша, деревянная, завитушечная, оболваненная, топором укрощенная. Паклей проконопаченная, соломой и дранкой крытая. В лапу, в угол, «замок» сложенная. Что жизнь эта, безмятежная в бездумной жестокости своей, вечна, как небо и земля, как природа. Это русская жизнь. И не быть ей другой, что бы там ни орали, как бы ни заклинали. Бревно, а не доллар есть символ нашей веры. И пока есть на Руси дерево, не будет на ней ни римских руин, ни горечи по хламу прожитого, неведомой уже следующему поколению...

«Вернусь домой —
другой дороги
нету...»

Леонид Шишкин

Шли наши предки сюда, к Амуру,
Со всех губерний и волостей,
Кто за деньгами, кто просто сдуру,
Шли от закона и от властей.

Порой и сами-то удивлялись,
Куда их, к дьяволу, занесло.
Но в труд привычный и здесь
впрягались —
В земледелие, ремесло...

Да все вздыхали: "У нас в Расее,
У нас в Расее уже тепло,
У нас в Расее давно уж сеют —
А здесь сугробы понамело..."

И я на верность не присягаю:
Быть может, завтра уеду я,
От надоевших забот сбегая,
Куда-то в сказочные края.

Но там, под пальмой, от солнца щурясь
И глядя в медленную волну,
Вдруг заскучаю я по Амуру,
По Благовещенску я вздохну...

Виктор Суходольский

ОСЕННИЙ БЛАГОВЕЩЕНСК

Сквозь багряную осень
Я иду на закат,
И мой город заносит
Листопад, листопад.

А в нахмуренном небе
Слышен крик журавлей.
Вторит им грустный лепет
Тополей, тополей.

И порталные краны
В тучах скрылись на треть —
Но им вслед караванам
Не взлететь, не взлететь...

Парки стали сквозными,
Карусель заперта,
И гуляют над ними
Лишь ветра, лишь ветра.

Бьется зыбь у причала,
Ледостава страшась.
Бьется сердце, отчаясь
Встретить Вас, встретить Вас.

Сколько зим, сколько весен
Я живу с той мечтой,
Что и жжет, и возносит
Над собой, над судьбой.

Не с того ль в поднебесье
Птицы горько кричат,
Что в душе, как и в песне,
Листопад, листопад.

Марина Толина

ПЕРВЫЙ ДОМ

Перебирая снимки зданий старых,
Рука остановилась на одном.
Одноэтажный деревянный дом,
В восьмидесятых он пошел на слом,
Ему не до печалей запоздалых.

Когда-то, много лет тому назад,
Он первым стал в рождающемся граде.
О лучшей он не помышлял награде,
Чем, в колокольню-храмовом наряде,
Достаток в городе хранить и лад.

Он видел столько лиц и столько дат,
Переживая войны, и пожары,
И перемен крушащие удары,
Он слышал панихиды и фанфары.
Но разве дом хоть в чем-то виноват?

Город - это не дома
И не тротуары.
Это лица, имена,
Тихий звон гитары.

Станет мертвым без людей, -
Что красоты зданий?..
Жизнью правит ритм идей
Преобразований.

Город строит человек,
Человека - город,
Рек неторопливый бег,
Шум речных моторов,

Улиц людных кутерьма,
Все, в чем жизнь искрится.
Строят жители дома,
Значит будет житься.

Наталья Гаськова

Неумолим и предсказуем глобус,
И в пять часов уже темно совсем,
И лязгает замызганный автобус
По нудному портовскому шоссе.

И наизнанку вывернули душу
Тигриные глазищи встречных фар.
Так холодно, что иней сел на уши
И из ноздрей драконий валит пар.

А сзади город новогодней елкой
Подмигивает, словно невзначай,
И я смотрю назад кормленным волком
И не даю охотнику на чай.

Я сберегу свою седую шкуру,
Я прутья разломаю и сбегу,
Не попадусь в капкан коварный сдуру
И буду осторожна, как могу.

И сколько ни вертелась бы планета
И годы с циферблатов ни текли,
Вернусь домой - другой дороги нету
Ввиду шарообразности Земли.

Когда в этом городе солнце -
в нем желтый асфальт,
И лица ясны, и улыбки на них неподдельны,
И голос кондуктора - старый рассохшийся
альт -
Орфеевой лирой поет... Но об этом -
отдельно.
Когда в этом городе ливень звенит без конца
Иль мелкая морось иным неудавшимся
летом,
И капли, как слезы (иль вместе) стекают
с лица, -
Он тоже прекрасен, поверьте.

Но я не об этом.
Когда в этом городе любят - он словно
Гель-Гью,
И радуга аркой из сердца к другому струится.
Об этом его состоянии я и пою,
И пусть оно нынче в стотысячный раз
состоится.

Возвращаю письма,
Прекращаю споры,
Поджигаю листья.
Что мне этот город?
Сумку собираю,
Избегаю взгляда.
Ночью удираю
(Что же я не рада?)
На пути к вокзалу
Повстречала лето.
... И не понимала,
Как сдала билеты.

Олег МАСЛОВ

Олег Константинович Маслов родился в 1932 году в Благовещенске. Окончил Хабаровский мединститут. С 1955 года работает в Благовещенске. Основатель службы анестезиологии - реаниматологии Амурской области, кандидат медицинских наук, доцент. Издал восемь сборников стихов и рассказов. Член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

ТОЧКА ОПОРЫ

НЕВЫДУМАННЫЕ ВРАЧЕБНЫЕ РАССКАЗЫ

Вечный двигатель

В июне 1955 года я закончил Хабаровский медицинский институт и вместе с дипломом получил направление, в котором было означено место моей будущей работы: Амурская область, район целинных и залежных земель. Но поскольку ни целина, ни залежь во мне не нуждались, я без особых хлопот устроился хирургом в областную больницу.

Тут было у кого поучиться этому святому ремеслу, и я с безотчетной радостью окунулся в напряженную, рисковую, но до самозабвения увлекательную стихию хирургической жизни. Сначала работал на подхвате, но через год уже самостоятельно вел две палаты, дежурил по десять-двенадцать суток в месяц и даже летал в районную глубинку по санзаданию. Дни и ночи пропадал я в отделении - оперировал, ассистировал, перевязывал, давал наркозы, переливал кровь, принимал и выписывал больных, делал обходы, писал истории болезни. А когда случилось вырваться на волю, встречные морщины и отворачивали носы от исходивших от меня больничных запахов, а сам я пьянел от свежего воздуха.

Счастливая пора - все впереди, полная увлеченность делом и никаких других забот! Благо, ни семьи, ни квартиры у меня тогда не было и в обозримом будущем они не предвиделись.

Но пристанище, хоть и временное, надо было все же иметь, и я скитался по частным квартирам. И вот в канун третьего лета моего бездомного жития судьба привела меня на улицу Ремесленную к старикам Маркиным.

Хозяева мне попались хорошие, да и я был неплохим квартирантом - платил регулярно впе-

ред за месяц, из коего почти половину вообще не показывался хозяевам на глаза, а в остальные дни приходил только к вечеру, ужинал и отсыпался.

Дом у Маркиных был свой, с двором и огородом, обнесенными дощатым забором, с большими обветшалыми воротами, через которые в прежние времена свободно проходил воз сена. Застекленная веранда и летняя кухня были увиты цветами. От калитки к дому вела узкая ухоженная дорожка, тоже утопающая в цветах, которые так благостно отвлекали от всех больничных дел. Но как ни мимолетны были наши встречи, при всей моей отрешенности от мирских забот через пару месяцев мы с хозяевами настолько знали друг друга, что пользовались взаимным расположением и доверием.

На первый взгляд жизнь их была ничем не примечательна. Константин Никодимович работал в речном порту механиком, Агафья Никитична хлопотала по дому и хозяйству, которое, помимо огорода, состояло из десятка кур и поросенка. Жили у них две внучки, чьи родители трудились где-то на Севере. Старшая, Октябрина, работала на швейной фабрике, младшая, Светлана, училась в строительном техникуме. По утрам рабочий люд расходился кто куда, к вечеру все собирались, вместе ужинали, обменивались новостями. Затем сестры удалялись в кино или на танцы, старики завершали хозяйственные дела, ждали возвращения молодых, после чего калитка и двери запирались и все укладывались спать.

Однако за этой семейной общностью каждый из обитателей дома жил своей собственной жизнью. При ближайшем знакомстве я не без удивления узнал, что Константин Никодимович - старый большевик, а Агафья Никитична - молоканка (внучки, естественно, были комсомолками). Но поскольку никто из домочадцев не страдал фанатизмом, никаких конфликтов на

идеологической почве не возникало: каждый совершал свои «обряды» и уважал духовный суверенитет других. Константин Никодимович выписывал «Правду» и раз в месяц ходил на партсобрание, но никогда не рассказывал о чем там говорилось - хранил партийную тайну. Агафья Никитична еженедельно отправлялась на молебные сборы, после чего дома становилось известно обо всем, что творилось в городе. Внучки жили скрытно, и к ним предьявлялось единственное требование - приходить с танцев не позже одиннадцати. Распорядок этот был неизменен, и жизнь в доме шла, как хорошо отлаженные часы.

Лишь один раз пришлось мне стать свидетелем конфликта в этом дружном семействе, который возник потому только, что Агафья Никитична нарушила свой устав.

В общине, которую она посещала, за несколько лет до этого вышло послабление - сектантам разрешили ходить в кино, чем моя хозяйка пользовалась с ритуальным постоянством. Всякий раз после моления она с близкими подружками отправлялась в «кино» (она произносила это олово с ударением на «и»), после чего я на этот фильм уже не ходил, так как знал его содержание во всех подробностях. Константин Никодимович относился к таким походам терпимо, ибо совершались они в благопристойной компании и на дневные сеансы.

Но так уж повелось, что одно послабление открывает путь другому, а малый грех влечет за собой более тяжкий. Какая-то их дальняя родственница устроилась в ту пору контролером в драмтеатр и однажды при встрече поманила: «Приходи, пропущу без билета». И Агафья Никитична, будучи человеком крайне любознательным, не одолела соблазна, пришла тайком от семьи и единоверцев и четверть часа из темной ложи смотрела на сцену.

Можно только предполагать, что творилось в ее душе на протяжении последующих суток. Впечатление от впервые в жизни увиденного представления, раскаянье в грехопадении, вина перед мужем и неистребимое желание поделиться с кем-то обо всем происшедшем переполняли ее до краев. И на завтра я оказался тем, кто принял от нее эту исповедь, клятвенно заверив ее в том, что никогда никому не скажу об услышанном ни слова. Покаявшись, она постепенно успокоилась. А через неделю уже без особого волнения пересказала мне целый акт новой комедии. Подобное повторялось еще раза три-четыре и всегда завершалось заговорщеским: «только никому - ни-ни».

Неизвестно, сколько бы еще продолжались эти тайные культвылазки, если бы однажды Константин Никодимович, придя домой крайне взволнованным, не потребовал всем собраться на ужин раньше времени. Агафья Никитична сразу почуяла недоброе, но, не подавая виду, быстро собрала на стол. Когда все сели, хозяин еще несколько минут помедлил в сенях, потом решительно вошел, сел на свое место и в упор немигающе уставился на хозяйку. Все прекратили жевать и застыли в ожидании. Тогда Констан-

тин Никодимович побагровел, весь затрясся, грохнул кулаком по столу и изо всей мочи крикнул: «Шансонетка!».

Взрыв этой «бомбы» ошеломил, пожалуй, больше всех его самого. Он встал, хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и быстро вышел во двор. Агафья Никитична не знала, что означает это слово, но тотчас сникла, опустила голову и заплакала. Внучки, ничего не понимая, кинулись к ней с расспросами и утешениями, но она только отмахивалась и молча утирала слезы. Я тоже, как побитый, встал из-за стола и молча побрел в свою комнату. На том эта театральная история закончилась и о ней больше никогда вслух не вспоминали.

Но если Агафья Никитична, эта проворная, аккуратная и общительная старушка, жила вся на виду и секреты ее были не мудренее рассказанного, то Константин Никодимович казался и впрямь личностью весьма загадочной. По специальности механик-самоучка, он работал в порту чуть ли не с дореволюционных времен и, судя по всему, мастер был ценный, потому как во время войны имел крепкую бронь, а теперь, давно уже перешагнув пенсионный рубеж, и не помышлял об отставке. Невысокого роста, слегка сутулый, неторопливый в движениях, всегда в грубой куртке и сапогах, он принадлежал к породе жилистых людей, которые и в семьдесят лет не знают, что такое одышка, хотя курил много и только самосад. В общении был человеком немногословным и скромным.

Загадочность же его проявлялась, прежде всего, в том, что по вечерам он выносил из спальни большую толстую книгу в темном переплете без названия, садился в кухне за стол, надевал очки, зажигал крохотную настольную лампу-грибок и читал. По невесть когда установленному правилу в этот час все в доме переходило на полущёпот, и никто никогда не спрашивал его, о чем она и чем ему интересна. Поддавшись общему гипнозу, я тоже не осмелился заглянуть в нее и до сих пор не знаю, что это была за книга, которую он читал, как мне казалось, всю свою жизнь. Чтение продолжалось недолго, после чего, бережно положив книгу на место, Константин Никодимович выходил во двор покурить перед сном. Возвращаясь, он иногда, как бы между прочим, сообщал, что Млечный Путь нынче шире обычного, а в созвездии Скорпиона куда-то девалась одна звезда.

- Все романы, романы читает, - делая ударение на «о», ворчала ему вслед Агафья Никитична, не в силах скрыть переполнявшую ее гордость за своего ученого мужа.

Чудаковатость старика проявлялась и в иных житейских мелочах. Как-то понравилась ему пластинка, которую в числе других крутила Светка. Не помню названия игривой песенки, но припев ее кончался возгласом: «Мой Вася».

- А ну-ка заиграй эту... - ну, ту, где «мой Костя», - попросил он ее однажды.

- Какой еще Костя? Мой Вася, - рассмеялась Светка. Константин Никодимович недоуменно уставился на внучку. Та поставила пластинку и

включила радиолу. Певица отчетливо пропела: «Мой Вася».

- Вот видишь, - облегченно вздохнул Константин Никодимович, - мой Костя.

- Да как же Костя, когда Вася, - кипятилась Светка, - Слушай дальше...

Опять прозвучал припев и опять раздалось торжествующее дедово: «Мой Костя»! И вслед за ним отчаянное внучкино: «Да Вася же, Вася, слышишь...»

Но все это было лишь присказкой к той главной тайне его души, которую однажды достоверно поведал мне сам Константин Никодимович.

Как-то поздним августовским вечером мы стояли во дворе, курили и изредка перекидывались ничего не значащими словами. Небо было густо усеяно яркими звездами. Поскольку мои астрономические познания ограничивались лишь точным знанием Большой и Малой Медведиц, я, отчасти из любопытства а больше из желания поддержать разговор и заодно польстить учености моего хозяина, стал задавать ему вопросы насчет созвездий. Он скупно отвечал и, видимо, желая поскорее покончить с этой темой, знания которой, как выяснилось, у него были тоже весьма ограничены, сам перешел в наступление и задал несколько вопросов о долголетию.

Время близилось к полуночи, но Константин Никодимович снова вынул кiset и сел на ступеньку крыльца. Я тоже достал «Беломор» и устроился рядом. Помолчали. Потом старик глубоко вздохнул как бы собираясь с духом, еще помолчал и вдруг безразличным тоном, за которым чувствовалось плохо скрываемое волнение, произнес:

- А вы знаете, у меня ведь тоже есть изобретение.

- Какое?

- Вечный двигатель.

Ночная темнота скрыла мою невольную улыбку, и, видимо, опыт общения с безнадежными больными помог мне подавить в себе желание тотчас объявить смертельный диагноз его творению.

- Да-а..., - протянул я неопределенно, - и где же он?

- Пока в голове. Вот все не хватает времени и кое-каких железок, чтоб довести его до ума, но как-то надо заняться. И, явно предупреждая мои дальнейшие расспросы, торопливо поднялся.

- Пора и спать, вам завтра тоже рано на работу.

Весь следующий день этот разговор не выходил у меня из головы. С одной стороны, мучила совесть, что я, образованный человек, зная о заблуждении другого, утаиваю от него истину и тем самым оставляю его в ложном положении, а сам невольно превращаюсь в обманщика. Ведь в конце-то концов речь идет не о жизни и смерти, а всего-навсего о каком-то механизме. Но в то же время внутренний голос подсказывал, что механизм этот не более как предполагаемое материальное воплощение чего-то уже реально существующего в идеале и требующего к себе деликатного отношения.

Последующие вечерние перекуры убедили меня в правильности моего поведения. Оказывается, идея эта родилась у него давным-давно, но он явно не спешил с ее осуществлением. (Кстати, выяснилось, что вечность двигателя зиждилась на вечности течения Зеи). К тому же при каждом новом разговоре о двигателе ответы Константина Никодимовича становились все короче и неохотнее. Я понял это как нежелание его продолжать эту тему со мной, чему очень обрадовался.

Однако с той поры я другими глазами стал смотреть не только на хозяина, но и на все его семейство и обнаружил, что у них напрочь отсутствует стандартный обывательский комплекс. Все мелочи жизни обходили этот дом стороной или воспринимались именно как мелочи. Там никогда не ругались, не говорили о болезнях, ни на что не жаловались, никому не завидовали, никого не осуждали. Старики не ворчали на молодежь, с пониманием относились к ее насущным заботам, а внучки, в свою очередь, уважительно относились к ним. Каждый занимался своим делом и решал собственные задачи. Но это отнюдь не было сосуществованием чужих людей, объединяемых лишь общей крышей и узами фамильного родства. Пассажиром был только я, а они все представляли единую команду, где был капитан, всегда трезвый, знающий курс и цель плавания ведомого им корабля. Не знаю, известен ли был Агафье Никитичне секрет мужа, но уж она-то, как никто, ощущала его одухотворенность и готова была разделить с ним звездный час.

Со временем я окончательно уверовал в благость своего молчаливого обмана и от души желал своему хозяину до конца дней его не найти этих недостающих болтов и гаек. Однако было непонятно - зачем ему понадобилось делиться со мной своей тайной без всякой пользы для себя и к тому же опасаясь ее разглашения. Но вскоре и эта загадка разрешалась сама собой.

Первая почуяла беду Агафья Никитична.

- Что-то с нашим дедом творится неладное, - сказала она как-то в его отсутствие.

- Что-нибудь случилось?

- Спрашивала, говорит, ничего не случилось, но вот уже с неделю ходит сам не свой.

И в самом деле, в последнее время Константин Никодимович ни разу не раскрыл свою книгу, стал замкнутым, раздражительным, и большие мечтательные глаза его как будто полиняли. Меня он, казалось, вовсе перестал замечать, но иногда во взглядах его, помимо отчуждения чувствовалась и явная неприязнь. Я делал вид, что ничего не замечаю, но всерьез стал подумывать о смене жилья, так и не понимая причины разлада.

Однако после разговора с Агафьей Никитичной меня осенила догадка, что он, наверное, обнаружил у себя симптомы какой-то болезни, но, считая ее неизлечимой, таит от своих, а на меня злится за то, что я врач, но не могу ему помочь.

В тот же вечер я без обиняков спросил, как у него со здоровьем.

- Какое там здоровье - помирать пора, - ответил он просто и серьезно.

- Ну, это всегда успеется, - попытался я разрядить обстановку, - у вас ведь еще такое дело не закончено ...

- А вот смеяться над старым человеком нехорошо, - резко оборвал он.

- Как смеяться? - оторопел я.

- А так, как вы умеете, ученые. Что же вы, не знаете, что вечный двигатель - химера?

На этот раз вечерняя мгла скрыла пожар моего стыда. С минуту я только судорожно затыкался табачным дымом, не зная, что делать - то ли сразу покаяться и попросить прощения, то ли искать какой-то компромисс.

- Кто вам сказал это слово?

- Наш главный инженер. Так и сказал, что каждый школьник знает, что это химера по самой своей сути.

Все прояснилось. Конечно, Константин Никодимович и сам знал, что он далеко не первый изобретатель вечного двигателя. Но знал он это понаслышке, и у него сложилось представление, что причина неудачи его предшественников заключалась не в отсутствии корней создаваемого ими дерева, а в неверном способе его выращивания. Загоревшись однажды этой идеей, он, видимо, из-за боязни быть осмеянным, не обратился сразу к толковым, знающим людям, а попытался разобраться во всем сам. Но, воспитанный на энтузиазме и не имея даже элементарной технической грамоты, он попросту ничего не понял из того, что прочел, ибо прямого ответа на мучивший его вопрос, который он, наконец, получил от своего главного инженера, в ученых книгах не было.

С годами эта идея заполонила душу и стала целью его жизни. Пестуя ее в одиночку и зная цену своим возможностям, он, сколько мог, откладывал решающий шаг. Но когда-то его все же надо было сделать, и этот час настал. Однако, прежде чем решиться предстать перед высшим судом (а главный инженер и был для него самым большим авторитетом), ему для моральной поддержки необходима была апробация на стороне. Этим пробным камнем и оказался я - не отвергнув идею с ходу, я тем самым благословил его на раскрытие своего замысла, за что и получил теперь по заслугам.

Но, скрывая от него правду, я вовсе не думал о самой истине, которой, кстати, ничего не угрожало. Мне открылся в своем глубинном самообмане очень старый человек, у которого ни сил, ни времени для исправления заблуждений молодости уже не было. И я посчитал за лучшее оставить его в счастливом неведении. Но вот нашелся доброхот, который сказал ему эту правду и открыл глаза. На что?

Вновь почувствовав внутреннюю правоту, я сказал спокойным тоном:

- Константин Никодимович, вы же сами знаете, что ничего вечного на свете нет. Ну, пусть это будет не вечный, но долго работающий механизм, ведь вы же столько над ним думали.

- Долго работающих механизмов и без меня навалом - вон их сколько везде. Так что куда уж

мне до них..., - он растоптал окурок и побрел в дом. Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Надежда на то, что время утолит боль утраты и вылечит его, не оправдалась. Оно работало против него. Старик потерял интерес ко всему, день ото дня дряхлел, стал поговаривать об уходе с работы. Словом, перед ним во всей своей безысходности обозначился старческий тупик, где впереди - только смерть, с которой он остался один на один.

И в самом деле, увлекшись несбыточным и всю жизнь простояв в нерешительности у его порога, он так и не сумел приобщиться духовно ни к чему вечному на земле. Конечно, он всегда трудился много и честно, но всегда был только исполнителем и, если бы его спросили о сделанном за многие годы, то скорее всего он бы только развел руками - мол, работал и все. Где-то на севере есть сын, но живет своей, неизвестной ему жизнью. Внучки тоже, хоть и рядом, но растут сами по себе, не нуждаясь в его житейском и трудовом опыте. И вот теперь, когда заветная мечта обернулась для него химерой, он почувствовал себя совершенно отрешенным от того, что будет после него. А приближающаяся смерть вызывала у него не страх, но горькую досаду на себя - вот прожил такой долгий век, а самого главного не сделал, не приобщился к вечному миру.

Константин Никодимович угасал, а страдала от этого больше Агафья Никитична. Она часто вздыхала и даже перестала ходить в кино. И только внучки ничего не замечали, были так же веселы и каждый вечер удалялись на танцы.

Уже тогда озадачивал меня временами вопрос, на который я не находил ответа: почему же Агафья Никитична избавлена от подобных мук рефлексии - ведь они же находятся вроде бы в одинаковом положении? Ответ пришел позже, когда я окончательно убедился в том, что ни один человек на свете, зная, что он смертен, не хочет уходить из мира навсегда и нет для него большего несчастья, чем не найти при жизни путь к своему вечному аду или раю. Молодые об этом не думали, ибо впереди у них была сама вечность. Не беспокоило это и Агафью Никитичну, потому что она верила в бессмертие души. И ничто на свете не могло лишить ее этой веры. Но она не знала, как избавиться от страданий своего ни во что уже не верующего мужа, и потому мучилась муками любящего человека. Он же сам всю жизнь мечтал воплотиться в своем иллюзорном творении - вот почему сейчас ему нужен был не долго работающий, а именно вечный двигатель, так как все другие виды приобщения к миру казались ему ненадежными и несущественными. В этом и была трагедия человека, не сумевшего за вымыслом разглядеть свою настоящую жизнь, хотя одного того, что он сделал за полвека в своем порту, было достаточно, чтобы умереть спокойно.

Как раз в это время вызвала меня к себе главный врач Марина Васильевна и торжественно вручила с боем выбитый ордер на комнату в девять квадратных метров. Радости моей не было

предела, и в тот же день, уложив все имущество в единственный чемодан, я въехал в свою первую в жизни квартиру.

Несколько раз после переезда я навестил своих бывших хозяев, но вскоре меня отправили на специализацию в Ленинград, а спустя еще немного времени я на полгода укатил в Москву. Двигатель моей жизни набирал обороты, и я, весь переполненный новизной и устремленный в будущее, на какое-то время просто забыл обо всем, что было со мной прежде. И только года два спустя я спросил у своей однокашницы, которая и устроила меня к своим соседям, как они, и узнал, что их уже нет в живых - первая умерла Агафья Никитична, а вслед за ней покинул свет и Константин Никодимович.

Сейчас на том месте, где мы когда-то жили, стоит пятиэтажный дом, белый с синими ромбами на балконах. Когда я прохожу или проезжаю мимо него, всегда с благодарностью вспоминаю старичков Маркиных, милых добрых людей, которые навсегда остались в моей памяти.

Жизнь продолжается

2 сентября 1955 года я получил первую получку - 600 рублей. Пока я шел от больничной кассы до дома, чувство горделивой радости не покидало меня. Но едва я переступил порог и отдал квартирной хозяйке 500 рублей - месячную плату за комнату и стол - как радость моя мгновенно улетучилась и уступила место тревожной грусти, ибо на личные расходы у меня осталось всего лишь сто рублей.

Повышения зарплаты в ближайшем будущем не предвиделось, самостоятельных дежурств мне еще не давали, а за несамостоятельные ничего не платили. Задумался я над своим бытием, и размышления эти указали мне единственно верный путь - на станцию «скорой помощи».

На следующий же день, получив на то согласие своего больничного начальства, подался я на «скорую» и был принят там в качестве ночного совместителя.

В те годы штатными медиками на «скорой» были только фельдшера. Молодые же врачи, вроде меня, работали каждый в своей больнице, а здесь лишь подрабатывали, считая эту службу второсортной и вообще неврачебной.

Однако, вопреки изначальным представлениям, при первом же выезде я сразу ощутил свою неполноценность и понял, что только острая нехватка врачей в городе позволяет нам свысока смотреть на это заведение, а главного врача станции вынуждает быть неразборчивым при приеме нас на работу. Слабые знания в смежных специальностях, неумение быстро ориен-

тироваться в домашней обстановке без рентгена, лаборатории и прочих больничных привилегий в сочетании с почти полным отсутствием общеврачебного опыта, так необходимого в работе «скорой помощи», - все это порождало чувство неуверенности в себе, а иногда и полной растерянности.

Нередко, возвратясь с вызова, из «Справочника практического врача» и общения с опытными людьми я убеждался в том, что действия мои были неверны. Но судьба на первых порах меня хранила - никаких тяжких последствий от моего врачевания не было, все обходилось благополучно. А там, где я совсем ничего не мог понять, выручала машина, на которой я увозил больного в какой-нибудь стационар - пусть разбираются там. За это, правда, частенько получал нарекания дежурных врачей, но зато за больного был спокоен - мол, в больнице не пропадет.

Прошло около года, пока я, наконец, освоился настолько, что перестал носить с собой на дежурства «Справочник» и начал мало-мальски ориентироваться в стандартных ситуациях. Жизнь пошла проще и веселее, и опять работа на «скорой» стала казаться мне заурядной и мало что дающей в профессиональном плане. И вот тогда наступила та памятная для меня ночь, о которой хочу рассказать.

Как-то летом в самом начале дежурства я получил задание съездить к умирающему больному, который в последние дни сильно «отяжелел». Я знал его. Он лежал в нашем отделении, где у него был обнаружен неоперабельный рак пищевода. Месяца два назад, с целью избавить несчастного от голодной смерти, ему сделали операцию - через брюшную стенку в желудок ввели специальную трубку для вливания пищи. Теперь он, сильно истощенный и измученный болями, лежал дома на попечении родственников. Днем его посещал участковый хирург, делал перевязки и следил за положением трубки, а ночью в случае надобности приезжала «скорая». В последнее время ночные вызовы стали регулярными, и мне пришлось побывать у него раза три-четыре, чтобы облегчить его страдания инъекцией морфина.

Ехал я к нему, как и в прошлые разы, с неохотой - чему радоваться, если бессилён чем-либо по-настоящему помочь человеку? Но, с другой стороны, не мучили и сомнения. Тут все было ясно - диагноз известен, прогноз тоже. Если мучают боли - впрысну морфия, сердце едаёт - введу камфору. И все дела.

Уже темнело, когда мы, поплутав немного из-за непроезжих от грязи дорог, на одной из окраинных улочек отыскали за высоким забором деревянный дом со ставнями, каких тогда в Благовещенске было большинство.

Выйдя из машины, я обнаружил, что нас никто не встречает, хотя вызов поступил не более получаса тому назад. «Просто привыкли, наверно, к ежедневным нашим посещениям» - подумал я и вошел во двор. За мной с кассетой в руке шла санитарка Клавдия Ивановна, расторопная женщина, часто заменявшая мне при

проведении различных манипуляций недостающую медсестру. Во дворе никого не было. Мы поднялись на крыльцо и, войдя в сени, увидели через открытую дверь, как по кухне прошла дочь больного, крупная женщина лет тридцати, всегда встречавшая нас у ворот и проявлявшая максимум заботы во время наших прежних посещений. Теперь же она только мельком бросила взгляд в нашу сторону и быстро прошла в дальнюю комнату, где лежал больной. Постояв немного в нерешительности и убедившись, что никто не спешит нам навстречу, мы вошли туда же, и тут только я понял что произошло.

На кровати с запрокинутой головой и подвязанной косынкой нижней челюстью лежал мертвец. Руки его были сложены на груди, на глазах лежали медные пятики. У изголовья кровати на стуле спиной к нам, склонив голову и часто сморкаясь, сидела его жена. Рядом с ней, положив на плечо ей руку, сидела дочь, с которой мы только что виделись. В ногах сидели еще две женщины, и у дверного проема рядом с нами, прислонясь к стенке, стоял зять умершего, рослый мужчина с загорелым лицом и густыми сросшимися бровями. Все молчали и смотрели перед собой в пол, женщины вытирали платком глаза.

Вначале я было бросился к труп. Но какая-то разумная сила удержала меня на месте - стой, зачем, что ты можешь сделать - и я только приподнялся на носках и опять опустился.

Я впервые столкнулся со смертью человека вне больницы, и на несколько мгновений мне стало не по себе от ощущения вины - появился я немного раньше и, может, сегодня не случилось бы этого. Но тотчас же отлегло - ведь я выехал сразу, как только поступил вызов, и, судя по тому, что здесь было уже сделано, в то время, когда зять нивесть где набирал в автомате «03», больного наверняка уже не было в живых. К тому же всем было ясно, что ни я, ни кто другой не в силах был бы предотвратить роковой исход.

Однако время шло, а я стоял, совершенно потерянный и лишний, и не знал, что мне делать дальше. Я понимал, что им сейчас не до меня, понимал и бесполезность своего пребывания здесь. Но повернуться и уйти просто так, не обмолвившись ни с кем ни единым словом, было унижительно и тяжело. Приехал-то я все-таки сюда не сам по себе, а по их просьбе. Ну ладно, жена умершего находится сейчас в шоковом состоянии. Но дочь и тем более зять вполне могли бы обойтись по-человечески.

Вдруг меня осенило - я ведь должен засвидетельствовать его смерть, и с этим намерением направился к покойному. Но когда подошел к нему почти вплотную, передо мной возникла спина его зятя, который поспешил мне наперерез и отгородил собой от кровати. Я подумал, что он просто решил подойти поближе и попытался его обойти. Тогда этот мрачный верзила повернулся ко мне и посмотрел в упор таким взглядом, что до меня дошло - прояви я еще хоть какую-нибудь активность, он возьмет меня за шиворот и выбросит вон из дома. Я резко по-

вернулся и, стыдясь встретиться глазами со своей санитаркой, как ошпаренный, выскочил на улицу.

Всю ночь преследовал меня этот взгляд, полный нескрываемой и еле сдерживаемой неприязни. За что? - мучил и жег мне душу единственный вопрос. За то, что умер близкий им человек? Но я-то тут причем? В чем моя перед ним и перед ними вина? Ведь в том, что мы оказались бессильны перед его болезнью, виноваты все и никто. Неужели это не понятно? Сказать, что мы вовсе ничего не сделали для него - тоже неправда. Ведь продлили мы ему жизнь на два месяца. Продлили, да не спасли... А кому медицина вообще спасает жизнь? Только новорожденным - у них она, действительно, вся впереди. А остальным? Остальным она ее только продлевает - на месяц, на год, на десять, на двадцать лет - кому на сколько удастся.

И ведь еще вчера они были нормальными людьми, все это прекрасно понимали, соглашались с тем, что никто не повинен в его болезни, что сам он затянул с приходом к нам, благодарили за операцию, за ежедневные перевязки, за обезболивающие уколы. А сегодня? Что изменилось в них сегодня? Что-то, видимо, изменилось - не могли же они все так долго притворяться. Сегодня умер дорогой им человек. И весь гнев протеста против неизбежности смерти, несовершенства медицины и своего беспомощного отчаянья они, как в громоотвод, выстрелили в меня, представителя профессии, которая призвана бороться со смертью. Так что же это за профессия, которая ставит обыкновенного смертного человека в положение бога перед другими людьми, и они требуют от него то, чего он не может и никогда не сможет! Нет, если уж выбирать, то надо выбирать себе земную профессию и всегда оставаться только человеком...

Такие мысли бушевали во мне до самого утра, когда я сидел в машине, в диспетчерской, курил на станционной веранде. С ними бы я, наверное, и ушел с дежурства, если бы не произошло еще одно событие, которое ночь превратило в день и все поставило на свои места.

Уже рассвело, когда диспетчер попросила меня отвезти в родильный дом роженицу. Проще этого задания не придумать, тут и делать ничего не надо - привези да сдай. И принимают в роддоме, не чета другим больницам, безотказно.

Войдя в сопровождении встретившего нас мужчины в квартиру и убедившись в том, что у жены его действительно родовые схватки следуют одна за другой, я кивнул санитарке. Та под руки увела ее в машину и уложила на носилки. Я сел в кабину и снова погрузился в свои невеселые раздумья.

- Да, много на свете еще грубости, - вдруг задумчиво, как бы сам себе, произнес водитель машины Иван Яковлевич, пожилой осторожный шофер, много лет проработавший на «скорой» и повидавший на своем веку всякого разного.

Я насторожился.

- Плюньте, доктор, и берегите нервы, они вам еще пригодятся, - без обиняков обратился он

ко мне, - что поделаешь - люди есть люди...

Мне стало стыдно за себя. Ведь я за все дежурство не сказал ему почти ни слова, и вид мой, видимо, был такой разнесчастный, что вызвал сочувствие этого человека. Наверно, и на станции меня сейчас жалеют...

- Угу, - только и смог ответить я ему, не находя других слов для продолжения разговора.

До родильного дома оставалось еще кварталов пять, когда сзади затарабанили в стенку кабины. Иван Яковлевич свернул к обочине дороги и остановил машину.

- Опоздали, - сказала Клавдия Ивановна, - придется принимать роды здесь. - Меня как жаром обдало. Я быстро осмотрел женщину и убедился, что помощница моя права - не довести. Всю мою философию - как ветром сдуло. Принять первый раз в жизни самостоятельно роды да еще в такой обстановке! И ведь не мое же, хирурга, это дело! Пропади ты пропадом, эта «скорая», и зачем я только связался с тобой!

Я стал лихорадочно вспоминать акушерские ситуации и приемы, но в голове был полнейший сумбур. То небольшое, что я знал из этой области в институте, уже основательно забылось, а разрозненные остатки воспоминаний о практических занятиях в родильном зале слились в одну общую неразбериху. Более тревожного состояния у меня, кажется, в жизни не было.

Однако деловой настрой Клавдии Ивановны и необходимость действовать помогли мне хоть внешне взять себя в руки.

- Ну, дорогуша, теперь слушайся нас, и все будет в порядке, - сказала она роженице, достала из кассеты родильный пакет, плеснула мне и себе на руки спирт и устроила на носилках подобие родильного стола.

Я почувствовал, что не один, со мной рядом находится бывалый человек и, внимательно наблюдая, как она оценивает мои действия, приступил к делу.

Роды протекали нормально. Роженицей командовала Клавдия Ивановна и достаточно было двух-трех ее подсказок мне, чтобы через четверть часа младенец благополучно оказался в моих руках и еще через минуту огласил машину своим первым криком.

Не знаю, насколько верно то, что третий крик петуха изгоняет нечистую силу, но готов поклясться чем угодно, что первый крик новорожденного ребенка изгоняет из души человека все мрачное, наносное, дурное. Его ни с чем не сравнить - это сама жизнь возвещает о себе, о своем бессмертии, ибо во все времена и у всех народов этот крик всегда одинаков. Человек всегда рад любому полезному результату своего труда. Но какая радость на земле может сравниться с той, когда в руках у тебя новый живой человек! Нет, не я сотворил его на свет - это сделала природа в лице его родителей. Но я помог ему увидеть свет, мои руки приняли и подняли его над землей, мои глаза первыми увидели его облик, мои уши первыми слышали его жизнеутверждающий голос.

Каким смешным и глупым казался я себе со

всеми своими ночными муками, сомнениями, разочарованиями, когда машина легко мчала меня из родильного дома по свежим улицам проснувшегося города.

На кого я обиделся? О чем страдал? О том, что люди в угаре своего горя не уделили должного внимания моей персоне.

Мальчишка! Ведь у них - горе, и кому же, как не тебе, следует понимать это лучше других. Да, ты тоже человек. Но ты пришел туда в белом халате, который всегда вселял в них надежду. А теперь, когда никакой надежды не осталось, что, кроме раздражения, мог вызвать у них твой вид? И если уж пошло начистоту, то ведь они глубоко правы и в другом - разве такие больные должны умирать дома, на глазах у родственников? Нет, это, может, и не очень воспитанные, но вполне нормальные люди. Выше надо быть, маэстро, и мудрее - ведь ты же врач!

В чем я усомнился? В выборе своей профессии. Глупец! Да какая же другая смогла бы подарить тебе радость сегодняшнего утра?! Какая другая очищала бы тебя всю жизнь от житейской плесени ежедневным соприкосновением с главным чистилищем человеческого духа - противоборством жизни и смерти?!

Вернувшись на станцию, я быстро записал в журнал дежурств о случившемся и попросил диспетчера Раису Ивановну отчитаться за меня на утренней летучке у главврача, поскольку мне нужно было к началу рабочего дня успеть к себе в отделение. Раиса Ивановна бегло просмотрела мои записи и спросила: - Так кто родился, мальчик или девочка? - Я смутился. На радостях и забыл обратить внимание на такие детали.

- Да... в общем, ребенок, - объяснил я. Все присутствующие грохнули дружным смехом.

- Девочка, - внесла ясность Клавдия Ивановна.

В дверях, наконец, появился сменявший меня фельдшер Николай Емельянович. Я вскочил и кинулся ему навстречу:

- Здравствуйте и до свидания, дорогой Николай Емельянович! Рад видеть вас в столь ранний час.

- Здравствуйте, доктор, - улыбнулся он столь восторженному приветствию и протянул мне руку. - Как жизнь молодая?

- Продолжается, - весело бросил я на ходу и поспешил во двор искать попутную машину, чтобы поскорее добраться до своей больницы.

Смертный грех

В молодости хорошо спится по утрам, особенно весной.

Был май, завершалась первая годовщина моей врачебной жизни в качестве ординатора хирургического отделения областной больницы.

Хирургию я любил и был рад не только каждой самостоятельной операции, но и любому

рукодействию. Увлеченность мою и рвение к работе замечали старшие, и я был бы на хорошем счету у начальства, если бы... не опоздания. Я мог часами стоять у операционного стола, не спать ночь напролет, но проснуться утром вовремя было для меня мукой, часто непреодолимой. Заведовал отделением тогда Евгений Константинович Бедоусов, хирург «от Бога», оценить которого по-настоящему можно только теперь, сравнивая день нынешний и день минувший. Одно из многих достоинств его состояло в понимании, что железный порядок - основа хирургической службы, и, будучи сам безупречно дисциплинирован, он не терпел никакого разгильдяйства в отношении своих сотрудников к работе, в том числе и опозданий. Впрочем, с плеча он не рубил. Опоздавший впервые или после длительного перерыва удостоивался только укоризненного взгляда во время «пятиминутки» и после ее окончания - вопроса или реплики, наподобие: «С кем это вы, девушка, вчера прогуляли допоздна?» или «Крепко спите, молодой человек».

Вторичное опоздание влекло за собой молчаливую, но тягостную сцену. Дело в том, что Евгений Константинович, как и все старые хирурги, с презрением относился к медицинским халатам, застегивающимся на пуговицы спереди, называя их парикмахерскими, и носил только хирургические, завязывающиеся тесемками сзади. Полный, невысокого роста, он к тому же по утрам всегда надевал халат поверх пиджака, и завязать его сзади своими короткими руками стоило ему немалых усилий.

Так вот, когда в ординаторскую, запыхавшись, влетал опоздавший и, прижавшись к двери, лихорадочно высматривал себе свободное место, он бросал на него орлиный взгляд и, не прерывая доклада дежурной бригады, забрасывал назад руки и начинал развязывать верхний узел халата, при этом лицо его багровело от натуги и перекашивалось страдальческой гримасой. Процедура эта длилась более минуты, и все, кто наблюдал ее, испытывали почти физическое страдание. Наконец, оттянув кпереди верхний край халата, Евгений Константинович погружал левую руку в правый внутренний карман пиджака и доставал оттуда карманные часы, внимательно смотрел на них, затем переводил взгляд на опоздавшего и снова - на часы. После этого часы водворялись на место, и во всех деталях в обратном порядке повторялась не менее тягостная процедура завязывания халата.

Разумеется, вся эта сцена проходила на глазах у ее виновника, который готов был провалиться куда угодно, только бы ничего этого не видеть. В качестве же официального наказания заведующий отделением отстранял опоздавшего от операций и в течение всего рабочего дня принципиально не замечал его существования.

Если же опоздание повторялось и в третий раз, тогда «пятиминутка» прерывалась властным требованием зава к своему подопечному объяснить причину его «безобразного отношения к своим служебным обязанностям», и после сбивчивого, еле внятного лепета оправдания на голову

несчастливого обрушивался такой ураган начальственного гнева, что жарко было не только ему, но и всем остальным.

Случая четвертого опоздания я не знаю.

Накануне того злополучного утра, о котором пойдет речь, я пережил экзекуцию с часами и, естественно, главной моей заботой было во что бы то ни стало на следующий день прийти на работу вовремя.

Жил я тогда на частной квартире, снимая небольшую, но уютную комнатку в деревянном доме, недалеко от больницы. Рядом с кроватью на небольшом столике стоял у меня и будильник, никогда, однако, не гремевший, потому что у хозяйки дома был грудной ребенок. Поэтому, часто приходя домой поздно, когда все уже спали, в дополнение к постоянно действовавшей устной просьбе разбудить меня к восьми часам, мне нередко приходилось оставлять на кухонном столе еще и записку, написанную крупными буквами. На этот раз, будучи в приподнятом настроении после веселой вечеринки, я удостоил свою молодую хозяйку даже стихотворного послания. Оно выглядело так:

Надя!!!

Разбуди меня полвосьмого.
Как бы мне ни хотелось спать,
А не то я рискую снова
Не побриться и опоздать.

Проснулся я сам около семи, но в сладкой полудреме провалялся еще с полчаса, пока не отвернулась дверная шторка, и твердый Надин голос сказал: - Олег, вставай.

В то утро я даже сделал зарядку, чего со мной не случалось уже недели две. Однако, не обремененный еще привычкой приходить на работу заблаговременно, дотянул все-таки до того, что времени осталось в обрез и только тогда вышел из дома, наслаждаясь свежестью майского утра. Настроение было преотличное и, казалось, ничто не могло омрачить его в будущем.

Когда я подходил к хирургическому корпусу, в моем распоряжении оставалось ровно пять минут. Этого было как раз достаточно, чтобы спуститься в раздевалку, переобуться, надеть халат и подняться из подвала на первый этаж в ординаторскую.

Все шло, как по заранее написанному сценарию, и вдруг... у порога служебного входа я увидел слегка сгорбленную худощавую фигуру своего бывшего больного Болотова, одного из тех милых застенчивых стариков, общение с которыми всегда доставляет радость и взрослым, и детям. Он лежал в моей палате, я его обследовал, ставил диагноз, ассистировал на его операции и около месяца назад собственноручно выписал домой.

Когда вскрыли ему брюшную полость, Евгений Константинович запустил туда руку и долго ощупывал желудок и близлежащие органы, а потом взглядом (такие операции производились тогда под местной анестезией) показал мне - потрогай сам. В выходном отделе желудка я нащупал плотную, неподвижную, прорастающую в забрюшинное пространство опухоль, о радикальном удалении которой не могло быть и речи. После этого Евгений Константинович еще раз

погрузил руку в живот больного, не спеша прощупал и по возможности осмотрел все его отделы и, окончательно убедившись в диагнозе, наложил обходное желудочно-кишечное соустье для свободного прохождения пищи. Завязав последний узел на коже, сказал:

- Ну вот, вашей язвы как и не бывало. Поправляйтесь.

Послеоперационный период протекал гладко. Исчезли рвота и отрыжка, появился аппетит, больной начал не по дням, а по часам прибавлять в весе и всерьез уверовал в то, что у него была язва. С тем и был выписан домой с рекомендацией оставить на год работу и временно оформиться на инвалидность.

Тяжко было видеть при выписке его счастливые глаза и слышать слова искренней благодарности, но что поделаешь - сделать для него что-либо лучшее мы не могли. Об истинном положении дел, кроме нас, знала только его жена, умная женщина, безропотно разделившая с нами грех святой лжи и принявшая на себя крест предстоящих его мучений.

Увидев меня, Болотов как-то напряженно улыбнулся и подался навстречу. Я не знал, что ему нужно от меня, но знал точно, что поговори я с ним хотя бы минуту - и не избежать мне грандиозного скандала.

- Здравствуйте... нет, извините, я сейчас не могу... придите потом... - второпях бросил я ему и проскочил мимо в открытую дверь, так и не объяснив человеку ни почему «не могу», ни когда «потом».

Когда через три минуты, завязывая на ходу халат, я поднялся на этаж и проходил мимо наружной двери, что-то властно потянуло меня выйти на улицу. Но страх перед разносом оказался сильнее, и я поспешил в сторону отделения.

Полчаса спустя ни во дворе, ни в приемном покое его уже не было. «Ладно, если надо, еще раз придет» - попытался успокоить я себя и пошел на утренний обход в свою палату.

Но ни в этот день, ни на следующее утро он не пришел. А еще через день, когда закончился утренний официоз, в ординаторской зазвонил телефон. Трубку взял Евгений Константинович:

- Да, да... он самый... здравствуйте, Сергей Владимирович... повторите еще раз фамилию... Болотов? Сейчас выясним, - и обращаясь к нам, спросил: - Кто вел больного Болотова?

Чувствуя неладное, я встал и направился к телефону.

- Сейчас, передаю трубку его лечащему врачу, - сказал он и вручил мне ее. Звонил судмедэксперт Катин.

- У вас лежал больной Болотов Николай Степанович? - спросил он, предварительно поздоровавшись и узнав с кем имеет дело.

- Да, лежал.

- Не припомните когда он выписался и с каким диагнозом?

- Месяц тому назад с неоперабельным раком желудка.

- Ну тогда все ясно, - протянул Катин, собираясь, видимо, на этом закончить разговор.

- А что случилось? - нетерпеливо спросил я.

- Да вот, залез он сегодня часов в пять утра на парашютную вышку и бросился с верхней площадки вниз головой, без парашюта, разумеется.

- Ну... и что?

- Ну и все, - спокойно ответил Сергей Владимирович, - Лежит у нас, готовимся к экспертизе. Хотел предварительно выяснить у вас что с ним.

- А какая причина? - не унимался я.

- Жена говорит, что на днях он прощупал у себя в животе плотную опухоль и испугался, что это рак. Как она, якобы, ни разубеждала его, не помогло. Вот видимо и решился,

- А записки никакой не оставил? - еще спросил я и вздрогнул от собственного вопроса. До сознания дошел ужас того, что я преступник и пытаюсь скрыть от других свое тяжкое преступление.

- Не знаю, кажется, нет, - ответил Катин, явно тяготясь затянувшимся разговором, и, поблагодарив за нужные сведения, положил трубку.

Сколько за долгую жизнь было всяких опозданий и разносов за них! И ничего ровным счетом не изменилось бы в моей биографии, если бы к ним прибавились еще одно опоздание и один разнос. Эх, кабы молодость знала, кабы старость могла! Ведь он сомневался и пришел ко мне единственно за тем, чтобы я разуверил его в страшной догадке. И мне не составило бы большого труда сделать это, тем более, что опыт в таких делах у меня уже был. Одно нужное слово, одна ободряющая улыбка, одно человеческое участие - и жил бы еще человек.

Поначалу я прибегнул даже к старинной формуле самоутешения, выдуманной когда-то моими коллегами исключительно для самообороны: он все равно бы умер. Какая глупость! Можно подумать, что и я когда-то все равно не умру. И если мне неизвестна причина и дата своей смерти, разве это существенно отличает меня от того, о ком я это знаю? Еще вопрос - кто раньше? Можно осмотреть умирающего больного и выйти на улицу, а там или зазеваться, иди внезапно схватиться за грудь. И окажется - тебя уже нет, а он еще жив.

Нет, не помог мне этот самообман, не снял ощущение тяжкой вины перед человеком - всю его бутафорскую сущность я разглядел довольно быстро. И только время, поистине лучший врач от всех душевных мук, постепенно сгладило остроту этого события.

Через год я почти забыл эту историю, и только вид парашютной вышки напоминал мне о ней. Со вздохом облегчения воспринял я известие о том, что ее снесли. Однако радость моя оказалась преждевременной - ушла она с земли, но осталась в памяти.

А спустя почти два десятилетия судьба преподнесла мне неоплатный счет за содеянное, вручив ордер на квартиру как раз рядом с тем местом, где стояла вышка. Дескать, живи и помни. И чем дольше живет, тем больше помнит-ся.

Святая простота

Мне всегда везло на учителей - в школе, в институте, на работе. Повезло и тогда, в мае 1958 года, когда я, молодой преуспевающий хирург, отправился в Ленинград на курсы специализации по анестезиологии.

Честно говоря, даже само название этой только зарождавшейся у нас области медицины, в будущность которой почти никто не верил, я узнал чуть ли не накануне отлета, и уж, конечно, не допускал и мысли, что случайное знакомство с нею обернется для меня пожизненным браком по любви. Речь шла не более как об освоении нового метода наркоза. Однако и этого было достаточно, чтобы путевка превратилась в «горящую», ибо наркоз в ту пору был не только пугалом для больных, но и тяжелой повинностью для хирургов, преимущественно начинающих. И только неистребимое желание поскорее увидеть Ленинград, да и то лишь после настойчивых уговоров начальства и его заверений относительно того, что эта поездка не станет потом помехой для моего хирургического будущего, пересилило внутреннее сопротивление и заставило согласиться на эту жертву. «Ну что ж, - рассудил я, - придется по возвращении два-три раза в месяц постоить на наркозе. Давал ведь масочные, постою и на интратрахеальном. А там, глядишь, передам это кому-нибудь помоложе. Зато впереди - Невский проспект, Медный всадник, Летний сад, Царско-сельский лицей, петергофские фонтаны, белые ночи...»

Так я очутился в Ленинградском ГИДУВе*, в хирургической клинике, которую около полувека возглавлял Николай Николаевич Петров, хирург с мировым именем, основатель отечественной онкологии, чье детище. Ленинградский онкологический институт, был в то время одним из ведущих мировых центров в этой области, а ныне с гордостью носит его имя.

В тот год он был еще жив, и, глядя на этого невысокого сухонького старичка с седой бородкой, клинышком, одетого в обычный белый халат и колпак, семенящего мелкими шажками и говорящего простые и понятные слова, я всякий раз с трудом заставлял себя поверить, что это тот самый известный по портретам в студенческих учебниках, лекционных залах и энциклопедиях Петров, который еще в 1910 году издал первый в России капитальный труд по опухолям и уже тогда стал профессором. Я впервые видел воочию выдающегося человека так близко, что на первых порах временами давил в себе дурацкое желание протянуть руку и прикоснуться к самой истории.

Бремя власти он уже сдал своим преемникам, но, живя тут же, при институте, почти ежедневно приходил в клинику, консультировал больных, участвовал в конференциях и иногда

делал небольшую «последнюю в жизни» операцию (таких «последних» только за время нашего двухмесячного обучения было пять-шесть).

И тогда, да и теперь, спустя три десятилетия, мне трудно однозначно оценить то чувство, с каким относились к нему сотрудники клиники. Одно несомненно - он был самым желанным человеком для каждого, от профессора до санитарки, и, пожалуй, не столько для дела, сколько для духа. Его присутствие ощущалось здесь даже тогда, когда его самого не было, потому что всегда и во всем работала созданная им система человеческих отношений, по законам которой жили все, вне зависимости от возраста и ранга. Появление же в клинике его самого, помимо радости общения и искреннего обожания, воспринималось и как олицетворение ее незыблемости.

В ней не было ничего необычного и наукообразного. Наоборот, казалось, что все видимое и слышимое вокруг, знакомо, но осталось где-то позади, как светлое воспоминание. Да, вот так же и я когда-то познакомился со своим первым больным, с таким же сочувствием выслушал печальную историю его заболевания, помог ему подняться с постели, так же вежливо в его присутствии разговаривал с палатной сестрой, позаботился, чтобы его положили в одну палату с больным, выздоравливающим от такого же заболевания, так же тщательно мыл руки перед первой операцией, так же... Но все это было при первом приеме, первой операции, первой перевязке... А потом? Потом привычка взяла свое - превратила желание в обязанность, человека - в больного, врачевание - в работу. Каким образом удалось здесь сохранить эту первозданную атмосферу профессиональной взыскательности и милосердия к больному человеку на всех уровнях - от встречи его в приемнике до профессорского обхода - я тогда не представлял. Но мне казалось, что ничего нет проще, как вернуться к этим истокам. Святая простота! Только теперь я отчетливо понимаю, что самое трудное в нашем деле - это стать хорошим врачом и остаться при этом хорошим человеком, не привыкнуть к болям и страданиям ожидающего твоей помощи. Но это теперь. А тогда эта простота столичной клиники прямо-таки обескураживала.

Эка невидаль, что операции тут начинаются всегда вовремя. И мы так можем, стоит только захотеть. Ничего особенного нет и в том, что больного в операционной всегда встречает и приветствует хирург и сразу, как по сигналу дирижерской палочки, стихают все шумы и разговоры и внимание всех сосредотачивается на том, кто ложится на операционный стол. Ведь так и должно быть всегда.

Восприняли мы как должное и то, что Петров стоя, (в его-то возрасте!) прочел нам, пятнадцати таким же, молодым, как и я, хирургам, съехавшимся из разных краев и областей России, две полные лекции. На каждой из них я держал перед собой раскрытую тетрадь, но ничегошеньки не записал - стоит ли записывать то, что и так ясно и понятно. Не более как старомодным расшаркиванием прозвучала для нас

* ГИДУВ - государственный институт для усовершенствования врачей.

его благодарность в конце каждой лекции за то, что мы сидели тихо. И уж совсем как чудачество восприняли эпизод, когда перед началом одной из них ассистент попытался помочь ему подняться на кафедру, а он вежливо убрал его руку и сказал:

- Спасибо. Но мне всего восемьдесят два года.

Вот уж воистину «воспитаньем, слава Богу, у нас не мудрено блеснуть».

Однажды Николай Николаевич как-то буднично и неожиданно привел к нам в группу свою пациентку. Это была молодая женщина, врач-рентгенолог с Сахалина,

- У нее был рак кожи мизинца правой кисти, - сказал он. И в ответ на наше нескрываемое удивление повторил. - Да, да, рак, и я не боюсь произнести это слово в ее присутствии. Еще несколько лет тому назад я бы скрыл от нее этот диагноз, потому что он был равнозначен смертному приговору. Но теперь мы провели ей лучевую терапию, иссекли пораженный участок, сделали кожную пластику, и, прощаясь, я могу заверить ее в полном выздоровлении. Это моя последняя в жизни операция, - неожиданно закончил он свою демонстрацию и мелкими шажками направился к выходу из аудитории.

К счастью, он и сам не знал, сколько ему еще отпущено сил, но, видимо, готовил себя к тому, что какая-то из его операций будет действительно последняя и объявит об этом не кто-нибудь, а он сам.

Но то, что он знал наверняка и сообщил нам сейчас тоже без всякой патетики, было воспринято вначале не столько разумом, сколько чувством, как первое впечатление при взгляде на великое творение художника, которое еще никто не назвал великим. Пока он деловито говорил, показывая пальчик своей подопечной, а та смущенно улыбалась, все это выглядело не более, как обычный осмотр больного. Но как только закрылась за ними дверь и мы остались одни, до нас дошла суть увиденного и услышанного. Полное излечение от рака! Пусть пока только кожи, но это же реальный шаг к великой победе и притом не в теории, не в эксперименте - вот он перед нами живой человек, спасенный от смертельного заболевания! Но почему же все так просто? Ведь это же сбывшаяся мечта всей его жизни - вот так взять и сказать однажды человеку: я тебя вылечил от рака.

Таков был сам профессор Петров, такова была созданная им клиника. Все мы знали, что там делается большая наука - выходят книги, диссертации, статьи, но как это делается, я так и не сумел разглядеть. Здесь просто добросовестно лечили больных, тщательно и целенаправленно их обследуя и ничего не теряя из полученных данных, которые обрабатывались и осмысливались за письменными столами вдали от посторонних глаз.

Немало удивило нас и посещение его рабочего кабинета. Он здесь уже не работал, и когда старшая операционная сестра (как я понял, единственная владелица ключа) открыла дверь и мы в сопровождении заведующего кафедрой вошли в эту святая святых храма науки, то не-

вольно раскрыли рты от удивления. Вместо ожидаемых атрибутов строгого академизма первое, что бросилось в глаза, - это смотрящие со всех стен фотопортреты, актеров императорских и академических театров в образах героев оперных, балетных и драматических спектаклей.

- Это бывшие пациенты Николая Николаевича, - пояснили нам. Были тут, разумеется, и письменный стол, и шкафы с книгами, рукописями, диссертациями. Но на первом плане были все-таки люди, улыбающиеся, счастливые и благодарные своему исцелителю, о чем свидетельствовали их дарственные надписи.

Научная прозорливость и здравый смысл проявились у него и в том, что на закате своей жизни он одним из первых ведущих хирургов страны открыл у себя на кафедре курс анестезиологии. Ведь в то время узкая специализация в медицине имела лишь единичных сторонников и в целом воспринималась как нечто чуждое нашему здравоохранению.

(Да что пятидесятые... Помню, какой дружный хохот потряс нашу ординаторскую в середине шестидесятых годов, когда я, возвратясь из столицы, рассказал о том, что однажды у больного в институте сердечно-сосудистой хирургии развился приступ острого аппендицита и для проведения операции вызвали хирурга из другой клиники. Надо же - на сердце оперируют, а с аппендицитом справиться не могут!).

Некоторые видные хирурги осуждали даже выделение травматологии в отдельную специальность. А тут анестезиология... Да неужто можно сузиться до одного наркоза?!

Немногие у нас тогда понимали, что речь идет не только о наркозе, а, прежде всего, - о капитальной замене существующих методов защиты больного во время операции, ибо старые уже не могли обеспечить дальнейшего развития хирургии, особенно грудной, и настало время для создания принципиально новой системы жизнеобеспечения человека на операционном столе, способной не только устранить боль, но при надобности помочь или даже заменить на время работу легких, сердца и других жизненно важных органов. Но для этого нужна была новая наука, которая и получила название анестезиологии.

Николай Николаевич Петров понял необходимость ее создания одним из первых и благословил своего сотрудника, ныне профессора, одного из ведущих анестезиологов страны, Владимира Львовича Ваневского на это трудное и, увы, непрестижное дело.

Наша группа была второй по счету, но Владимир Львович уже четко определил цели и методы нашего обучения. Поскольку никаких отечественных учебников не существовало, всю теорию мы узнавали из его лекций и бесед, а в практическом плане ставилась задача овладеть методом интратрахеального наркоза в такой степени, чтобы по приезде домой сразу же приступить к его внедрению. Программа была не из легких, и выполнение ее стоило нашему учителю немалых трудов и нервов, тем более, что и сам он окунулся в эту стихию совсем недавно. И

только его истинно «петровская» закалка, дополненная дотошностью и исключительной настойчивостью, методично день за днем приближали нас к намеченной цели.

Дело в том, что интратрахеальный наркоз в пору его освоения был не только сложным для врача, но и опасным для больного. Сложной была интубация (введение трубки в трахею), а опасность состояла в том, что вводимые при этом курареподобные вещества (теперь их зовут миорелаксантами) выключали самостоятельное дыхание больного и любая наша оплошность могла стоить ему жизни. Риск усугублялся примитивным уровнем тогдашней наркозной техники. Главная же трудность заключалась в отсутствии у всех нас опыта. Поэтому страховались всем, чем могли.

Операционная была на два стола. С одной стороны, противоположной входу, за барьером амфитеатром располагались скамейки, на которых сидела наша группа, а четверо из нас поочередно вместе с Владимиром Львовичем работали у столов: один - на наркозе, другой - на внутривенных вливаниях. Каждому больному в обязательном порядке устанавливались две капельницы - одна с кровью (на ноге), другая с физраствором (на руке). Если Петров находился в операционной, то для охраны его психики на момент интубации по сигналу Ваневского двое-трое хирургов либо отвлекали его разговорами, либо становились живой стеной, чтобы загородить от вида этой процедуры, которую он органически не переносил. Через каждые три-пять минут мы измеряли у больного артериальное давление, считывали пульс и отмечали в наркозной карте. Владимир Львович метался от стола к столу, заглядывал в зрачки больным, то и дело перепроверяя полученные нами данные, и постоянно сообщал неработающим курсантам о течении наркоза и состоянии больных.

Николай Николаевич тоже ходил между столами, наблюдал за ходом операций, иногда обсуждал с хирургами возникшую ситуацию, давал советы. В наши дела он не вмешивался, но однажды все-таки не выдержал и преподал памятный урок.

Это было в тот день, когда я стоял на внутривенных вливаниях. Шла резекция желудка, наркоз протекал гладко, показатели состояния больного были хорошими, и мы чувствовали себя сравнительно спокойно. Николай Николаевич заглянул в операционную рану, потом прощупал пульс больного и, показав взглядом на ампулу с кровью, спросил:

- Зачем это?

Вопрос был настолько неожидан и непонятен, что сразу мы не нашли, что сказать. А он молча смотрел на нас и ждал ответа. И тогда мне показалось, что он экзаменует меня (не мог же он такой вопрос задать Ваневскому!), и я, как только мог четко и обстоятельно, выложил все свои знания о крови, и ее переливании во время операции. Николай Николаевич выслушал меня до конца, а затем перевел взгляд на Ваневского. К моему ликованию, тот почти дословно повторил сказанное мною. Петров вни-

мательно выслушал и эту тираду и показал на ампулу с физраствором:

- А это зачем?

Не успел я раскрыть рот, чтобы объяснить ему заодно, что собой представляет физраствор, как он, разгадав мои намерения, положил мне руку на плечо и слегка придавил, а сам внимательно уставился на Ваневского. На этот раз у меня хватило ума сообразить, что мне следует помолчать. Тогда Ваневский в том же духе и почти в тех же выражениях, что и прежде, рассказал ему о физрастворе. После этого Николай Николаевич, обращаясь ко мне, сказал:

- Молодой человек, я ведь и до вашего объяснения знал, что такое кровь и зачем ее переливают. Более того (взгляд на Ваневского), я знал и что такое физраствор. Но вот смотрю я на вас и невольно хочется сказать вам словами поэта:

*Судя меня довольно строго,
В своих делах не видишь ты,
Что в них торжественности много
И слишком мало простоты.*

Ваневский вспылал:

- Николай Николаевич, мне и без того тяжело!

- Вот оттого и тяжело, - не дал он ему закончить. - Ну скажите, это что - кровавая операция, больной потерял много крови? Ничего подобного, кровопотери почти никакой. Так зачем же вы переливаете ему уже вторую ампулу крови? На всякий случай? Но я могу припомнить десятки случаев, когда люди умирали от переливания крови. Бывали тяжкие, в том числе и смертельные осложнения и от вливания кровезаменителей, и даже просто от прокола вены. Ведь все наши методы лечения сами по себе потенциально опасны. Так, спрашивается, можно ли их применять без особой надобности? Я понимаю, вы себя страхуете, но излишняя страховка обязательно когда-нибудь выйдет боком. И вообще, - повернулся он к сидящим на скамейках, - сложность не есть признак совершенства. Если вы, наблюдая за работой хирурга, видите, что ему в ране тесно, он потеет, нервничает, торопится, ругает помощников, - это заведомо плохая работа. А вот если у него получается настолько легко и просто, что кажется, встал бы на его место и сделал не хуже, - вот это и есть высший пилотаж. К этому и надо стремиться.

За время своего пребывания в Ленинграде я увидел все, о чем мечтал: и Невский проспект, и Эрмитаж, и Петергоф, и многое сверх того, что ожидалось. И все же главным моим воспоминанием стало то, о чем заранее не думалось, - первое приобщение к своей будущей специальности. И как здорово получилось, что это первое «крещение» произошло в клинике Н.Н.Петрова. И даже с его участием.

Не имея возможности сравнивать, я тогда наивно полагал, что такие порядки существуют во всех центральных клиниках. Первое разочарование наступило уже через год, а теперь я глубоко убежден, что это была, если не единственная, то одна из немногих хирургических клиник, где уровень человеческого общения и уважение к

ф 926388

собственной профессии были подняты на такую высоту.

Несбыточными, увы, оказались и мои мечтания о том, чтобы завести такие же порядки у себя дома. Ни сразу, ни после ничего к лучшему в нашем больничном быте не изменилось, хотя с кем бы ни говорил, все поддерживали: «да, да, хорошо... себе бы так».

В чем же секрет этой простоты, которая необычной казалась мне тогда и несбыточной - сейчас? Чего не хватает сегодня нам, современным медикам, знающим принципы деонтологической системы и признающим их привлекательность, воплотить ее в своей работе? Наверное, всего понемногу из того, на чем она держится - профессионализма, человеколюбия, культуры.

И еще - таланта и воли руководителя. Наверное, и Петрову непросто было утверждать в своем небольшом коллективе эти качества, когда за стенами клиники творилось столько жестокости, хамства, хвастовства. А ведь оттуда, из этого окружающего мира, клиника пополнялась новыми людьми, которые в конце концов либо становились своими, либо выбраковывались, как инородное тело из живого организма. И так из года в год на протяжении десятилетий. Да каких еще лет, каких десятилетий - две революции, две мировые войны, военный коммунизм, разруха двадцатых, блокада сороковых, террор вплоть до пятидесятых... И не подвиг ли это - в такую эпоху не только сохранить, но и поднять над уровнем бушующей стихии островок отечественной хирургии, берущий нравственные истоки от Пирогова и его сестер милосердия! Вот почему он и казался нам как бы из иной цивилизации.

И еще одно, последнее. Лишь теперь, пройдя через многие сложности развития своей профессии, за которые и ругал нас отечески в свое время Николай Николаевич, до меня стал доходить глубинный смысл стихов другого поэта, который, как в высшую форму совершенства, мечтал «с годами впасть, как в ересь, в неслышанную простоту».

Мне посчастливилось воочию увидеть и ощутить ее в молодые годы. И после она всегда светила мне манящим маяком. А в том, что я сам так и не приплыл к ней, не ее вина.

Все бывает

Однажды в сырой мартовский день я стоял на автобусной остановке и пристально вглядывался в поток приближающихся машин, пытаюсь обнаружить в нем желтые контуры автобуса. Время поджимало, да и ждать надоело.

Не увидев в обозримой перспективе улицы ничего обнадеживающего, я повернулся и сразу встретился с внимательно изучающим взглядом стоящего рядом человека. Это был мужчина чуть старше меня, среднего роста, в поношенной шапке-ушанке, завязанной наверху, изрядно

помятой болоньевой куртке серого цвета и таким же мятым лицом с широко открытыми влажными глазами слегка подвыпившего человека. По всему было видно, что он узнал меня и с нетерпением ждал ответного признания. Моя вынужденная улыбка тотчас сняла его сдержанность, и он весь засветился, как это бывает при встрече старинных, но давно забытых знакомых.

- По-моему, мы с вами где-то встречались, - начал я разведку боем.

- Ты - Маслов? - спросил он без обиняков, разрешая свои последние сомнения.

- Он самый. А ты?.. - замялся я, испытывая неловкость за свою забывчивость.

- Не узнаешь?

- Да вот лицо знакомое, а где виделись - не припомню, - соврал я, потому что ничего знакомого в его лице не находил.

- Где виделись - на Кивде. Ивана Черныша помнишь?

- А!.. - затряс я его руку при упоминании родного гнезда, где прошло все мое довоенное и военное детство. Черныша я так и не вспомнил - такого в нашей компании не было, но сознаваться в этом не стал. К тому же радость моя была неподдельна: раз кивдинец - значит, свой.

Тотчас вспомнился горняцкий поселок, упрятанный между сопок, но кровно связанный с миром своей бурлящей днем и ночью напряженной и разнообразной жизнью. Он казался тогда большим. В двух направлениях его пересекали железнодорожные линии, по которым постоянно сновали составы: сюда - со строительным лесом или порожняком, а отсюда - до отказа груженные углем. Линии эти упирались в 15-ю и 16-ю штольни. Почему счет начинался именно с них, мы не знали и не задавались таким вопросом. Видимо, раньше существовали и первые четырнадцать, да выработались - ведь кивдинские копи были открыты давно, вместе со строительством Транссиба, который и породил их как одну из своих кочегарок.

Главными людьми на Кивде были, конечно же, шахтеры. Помню их, выходящих из забоя, в касках с черными лицами и неестественно белыми глазами и зубами. У каждого из них на поясе висела специальная карбидная лампа, а на плече лежало кайло. Их и в войну не брали в армию, почитая горняцкий труд наравне с ратным.

Работал на руднике и подневольный люд. До войны там были «бамовцы», которых водили под конвоем. И теперь уже, с началом нынешнего строительства БАМа, мне, как и моим сверстникам, пришлось перестраиваться на новое восприятие этого некогда пугавшего звания. А последним моим кивдинским воспоминанием остались пленные японцы. За хлеб и картошку мы выменивали у них сигареты, которые после свирепого самосада казались нам слаще шоколада.

В военную пору мы с родителями почти не виделись - одни из них ушли в армию, а другие работали денно и нощно. Доставалось и нам - школа, домашние дела, необозримые огороды... Но все это не отнимало у нас детства. Наоборот, оно было еще напористей. Зимой - лыжи,

коньки, самокаты, петли на зайцев; по весне - зоска, лапта, сбор щавеля, черемши, оставленных на полях стручков сои; летом - походы за голубицей, купание в студеном Тюкане и заросшей травой Кивдушке; а осень ... - с тех пор и люблю ее больше всех времен года за ее щедрость и сытость.

Однако главным делом той поры для нас была извечная мальчишеская забота - самоутверждение. Поселок делился нами на три района, и в каждом имелась своя ребячья ватага. Несмотря на условность границ даже в периоды редких перемирий никто из нас не рисковал заходить на чужую территорию в одиночку. Чаще же шла открытая война. Периодически две армии заключали союз, и тогда третьей приходилось туго. Но главари союзников не могли долго делить между собой власти, и коалиция быстро распадалась, а через некоторое время образовывалась новая.

Особенно ожесточенные бои разгорались по весне, когда с сопкок сходил снег и с возрождением природы возрождался и наш боевой дух. Выбить противника из его укреплений и захватить вражескую позицию - значило одержать победу. В ход шло все - кулаки, рогатки, луки со стрелами, палки. У некоторых были даже самопалы, но больше так, для остротки, для пальбы в воздух. Не помню случая, чтобы кто-то в кого-то выстрелил. Зато почти в каждый боевой сезон у кого-то разрывалась кисть, а то бывали ранения и похуже.

И если дело заканчивалось плохо - ампутацией пальцев или каким другим увечьем, всегда в поселке вспоминали моего отца: дескать, будь он сейчас здесь, обязательно бы пришел или восстановил так, как было.

Отец мой был деятельным и удачливым хирургом. Кивдинцы верили в него, и он оправдывал их надежды, порой спасая даже при завалах от тяжелых травм прямо в шахте. Нередко к нему приезжали оперироваться люди из соседних районов, и при необходимости он и сам ездил к ним на машинах и повозках за десятки километров. Не всегда, конечно, и ему сопутствовал успех - хирургия есть хирургия - но даже в случае смерти пациента никому никогда и в голову не приходило, что могло быть иначе. Смешно вспомнить, что самой страшной угрозой среди раздухарившихся шахтеров была такая: я тебя так уделаю, что сам Маслов не поможет. Его стараниями в Кивде была построена образцовая в Хабаровском крае поселковая больница с рентгеновским кабинетом, водолечебницей, физиотерапией и выступающей полукругом застекленной операционной, где он и делал с большим искусством действительно сложные по тому времени операции до своего призыва в армию в сентябре 41-го года. Его отсутствие во все военные годы ощущалось в поселке как настоящая утрата. Память взрослых о нем передавалась детям и была моей охранной грамотой - кивдинские пацаны почти никогда меня не били.

- Сколько же мы с тобой не виделись? Лет двадцать-тридцать?

- Да вроде этого.

- А ты все там же живешь?

- Что ты, - замахал руками Иван, - Кивда сейчас как после атомного взрыва. Как только закрыли шахты, оттуда все поехали, даже дома, что покрепче, перевезли в Новорайчиху. Правда, остались там несколько десятков пенсионеров, да и те долго не задержатся.

- И школу тоже перевезли?

- Школа еще стоит на месте. И больница, и дом ваш напротив нее на сопке тоже целые, - добавил он, явно желая сделать мне приятное.

О том, что рудник давно закрыт и поселок доживает свои последние сроки, я уже слышал и еще раз подосадовал, что никак не выберу времени заскочить туда хоть на час, пока там осталось что-то памятное.

- Так ты теперь в Новорайчихинске?

- Нет, в Прогрессе. Шоферу.

- А здесь чего?

- Да заглянул на денек к родне по семейному делу. Ну, а ты-то как? - живо поинтересовался мой собеседник.

- Тоже все нормально. Закончил мединститут в Хабаровске, десять лет отработал здесь в областной больнице, а теперь в институте...

- Значит, по отцовским стопам пошел, - одобрил он, - Это хорошо. А кем в институте?

- Доцентом, - ответил я, стараясь как можно скромнее произнести этот недавно присвоенный мне титул, который после всех диссертационных мук и мытарств звучал в душе моей еще победным аккордом.

И вот тут произошло совсем непредвиденное. Лицо Ивана выразило вначале недоумение, и затем нескрываемую досаду. Он полез в карман за папиросами, мы молча закурили.

- А доцент - это что значит? - спросил он почти безучастно.

- Ученое звание такое... - начал было я, так и не понимая что явилось причиной смены его настроения. Но он не дал мне закончить, саркастически усмехнулся и понимающе закивал головой - дескать, все верно, так я и предполагал.

- Да-а... - протянул он, - отец был такой хирург. А тут - звание... доцент.

Я опешил от такого поворота и уже открыл рот в надежде что-то сказать в свое оправдание. Но он вдруг, словно очнувшись, хлопнул меня по плечу и заговорил быстро, с какой-то наигранной веселостью:

- А ты, знаешь, не унывай! В жизни все бывает. Все живут и мы проживем. - При этом глаза его все больше увлажнились. - А вот, кажись, и твой автобус, - с нескрываемой радостью объявил он. В самом деле подошла моя «двойка».

- Ну, пока, заходи, когда будешь здесь, - сжал я его руку, на ходу называя свой адрес.

- Бывай! - крикнул мне вслед Иван.

Уже из автобуса я увидел, как он стоял со сжатыми над головой руками и выскивал меня взглядом. Я приблизился к стеклу и помахал ему на прощанье. Автобус тронулся. Оставшись один, я попытался улыбнуться тому, что произошло, но улыбка не получилась.

Не отвернись

Поздним воскресным утром, когда уже были возмещены все недельные недосыпы, тело устало от лежания, а мозг - от бездействия, раздался телефонный звонок. Из четвертой больницы сообщили, что сегодня в 12 состоится консилиум у Лины Аркадьевны, и она просила меня принять в нём участие.

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», - чертыхнулся я про себя, ставя крест на все свои воскресные планы. Ни тревоги за близкого человека, ни просто желания чем-то помочь ему не было и в помине. Я был абсолютно убеждён, что в четвертой обкомовской больнице никто ни от чего серьёзного не лечится, но зато обставляется всё с большой помпой, и вся эта заваруха - не что иное, как очередная перестраховка её врачей, которых Лина чем-то озадачила. К тому же я хорошо знал Лину с её умением уважать себя заставить, если ей того захотелось. Но зачем ей понадобился там я, анестезиолог, где нет ни операционной, ни элементарного хирургического и наркозного оснащения? Наверняка затем только, чтобы удивить больницу со всем её контингентом каким-то необычным методом обезболивания, которое я ей устрою при выдавливании какого-нибудь прыщика.

Отношения наши были тогда родственно-натянутыми. Прошлое роднили годы совместной большой работы, рождение и становление нового метода лечения, статьи, доклады на съездах и конференциях да и просто рядом прожитые полтора десятка лет. Но в последнее время её профессорский снобизм, с одной стороны, и моё стремление к профессиональной независимости - с другой, создала то поле напряжения, которое и поныне определяет отношения между анестезиологами и хирургам всех мастей.

Но как бы там ни было, ничего другого не оставалось как собираться и идти на свидание, а потом где-то искать аппараты, препараты, баллоны и на глазах изумлённой публики устраивать представление под названием лечебный наркоз или аутоанальгезия. И все потому только, что так пожелала Лина Аркадьевна. За эгоистическими переживаниями не насторожило меня то, что консилиум этот на самом высоком уровне срочно собирается в воскресный день, и не защемило внутри от того, что зовёт меня туда не главный врач больницы, как специалиста, а она лично - как человека, которому можно открыть то, чего не доверишь другим.

В палату к ней мы вошли все вместе. Поскольку я пришел в больницу последним и не слышал разговоров в ординаторской, то теперь по ходу расспросов и осмотров узнавал впервые, что лежит она здесь около недели, беспокоят её неопределенные боли в животе, нарастающая слабость, а со вчерашнего дня присоединились симптомы частичной кишечной непроходимости. Мы не виделись больше месяца и при первом взгляде меня удручила не то чтобы худоба

её, а скорее измождённость и замкнутость, свойственные людям находящимся в плену постоянных переживаний и тягостных предчувствий.

Когда консилиум пришёл к заключению и объявил ей, что это скорее всего боли спаечного характера после перенесенной ранее операции, от которых вполне можно будет избавиться оперативным путём, и ничего страшного в этом нет, на что она даже попыталась улыбнуться, а затем поднялся и направился к выходу, Лина попросила меня задержаться.

Как только затворилась дверь палаты, она схватила мою руку, сжала до боли и заговорила так быстро, страстно и доверительно, как со мной ещё никто никогда не говорил:

- Послушай, что бы они ни говорили, я знаю, что у меня рак. Но я так боюсь боли, так не хочу страданий и унижений! Пойми меня и помоги мне, - при этом в глазах, во всём её облике было столько мольбы, что язык мой не повернулся для стандартных утешений. На минуту она замолкла и перешла к главному:

- Олег, ты будешь давать мне наркоз. Сделай так, чтобы я не проснулась.

Если бы вместо услышанного в тот момент на меня плеснули кипятком, мне, наверное, было бы легче. Хотелось крикнуть: опомнитесь, что вы говорите?! Да как вы смеете обо мне подумать такое?! Но передо мной на больничной койке лежал дорогой человек, умолял об избавлении от смертных мук и ждал моего ответа.

- Лина Аркадьевна, я сделаю все, что нужно, - сказал я, сжав ей ответно руку, и вышел из палаты.

Через три дня она легла на операционный стол. Легла спокойно и с такой надеждой посмотрела мне прямо в глаза, что я в ответ только моргнул и кивнул согласно головой, - дескать, засыпай спокойно, все будет в порядке. Через десяток минут последние робкие сомнения относительно диагноза были развеяны - вся брюшина была усеяна раковыми бугорками, об удалении которых не могло быть и речи.

Ещё через полчаса она стала просыпаться, и её перевезли в отдельную палату, где под действием наркотиков она проспала до следующего утра. А утром после обхода хирургов к ней вошёл я. Никогда ещё я себя так тщательно не готовил к имитации радостной встречи, которую должен был начать счастливым возгласом: «Ну вот, Лина Аркадьевна, всё обошлось легким испугом, а вы боялись!». Но тем разительней оказался контраст между тем, что я предполагал и что случилось наяву.

Увидев меня, она тотчас повернула голову лицом к стене, а я остановился перед ней, переминаясь с ноги на ногу и не зная что делать дальше. Простояв так с минуту, я, насколько смог, взял себя в руки сказал, как мне казалось, ровным спокойным голосом:

- Зря вы так Лина Аркадьевна, ведь вам же Ольга Павловна, всё объяснила (версия о спаечной болезни была обговорена сразу после окончания операции). Лина упорно молчала и продолжала смотреть в стену.

- Ладно, я пойду, но очень скоро вы убеди-

тес в своей неправоте.

В следующий раз я зашел к ней через день и вопреки самым мрачным ожиданиям был встречен доброй улыбкой и приглашением сесть рядом. Видимо, по стиханию острых болей и после того, как во время операции у неё из брюшной полости удалили более трёх литров застойной жидкости, ей и впрямь полегчало, и она поверила в лучшее. Ни словом не обмолвясь о болезни, она расспросила об институтских новостях, пожурила за то, что я охладел к науке, пообещала по выздоровлении снова взять меня в свои руки и на прощанье сказала: «не обижайся», на что я только пожал плечами - какие мол тут могут быть обиды. На том мы тогда и расстались.

Посчитав свою миссию анестезиолога выполненной до конца, я, работая в другой больнице, не заходил к Лине дней десять, а когда собрался вновь навестить её, узнал от коллег, что её выписали. Состояние больной снова стало ухудшаться, в животе вновь стала скапливаться асцитическая жидкость, и тем не менее после снятия швов её отправили домой. Перед уходом она сказала: «Да, так выписывают только онкологических больных».

Известие это меня ошарашило. Зная, что чудо не свершится и не строя никаких иллюзий относительно исхода заболевания, я все-таки втайне надеялся, что с ней обойдутся не так, как с другими, - предоставят возможность умереть в больнице и до конца дней будут поддерживать веру в выздоровление. Но, увы, исключения не случилось, открылись разом все обманы, погасла последняя надежда, и уж кому-кому как не ей было знать что её ожидает в будущем.

Заведомо зная, что новая встреча не сулит ничего хорошего, я все-таки собрался с духом и пошел к ней.

На этот раз всё обстояло ещё хуже, чем я ожидал. В комнате буквально физически давила гнетущая атмосфера безысходности. При виде меня Лина, как и в первый раз в больнице, отвернулась к стене. Но тогда мы были одни. Теперь, кроме нас, здесь находились две её сотрудницы, которые, не понимая причин такого приёма, подавляя неловкость, извинительно смотрели на меня и взглядом просили о снисхождении к умирающей. А я молча, стоял, не в силах ни ей, ни им что-либо объяснить, сознавая, что настоящие её муки только начинаются, и пройдет ещё много дней, пока они её покинут. Так она на меня больше и не взглянула.

Но странное дело - ни тогда, ни после я ни разу в душе не упрекнул её ни за невыполнимую просьбу, ни за последующую обиду. Более того, я хранил их в строжайшем секрете, и, пока она была жива, о нашем разговоре знали только двое - она и я.

Лина жила ещё три недели, и спасибо судьбе за то, что она избавила меня от необходимости видеть изо дня в день, как эта гордая красивая женщина на глазах у родственников в муках превращалась сначала в беспомощное существо, а затем - в труп.

* * *

*«Лёгкой жизни я просил у Бога -
Посмотри, как мрачно всё кругом,
И ответил Бог: пожди немного,
Ты ещё попросишь о другом.
Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить...
Лёгкой жизни я просил у Бога -
Лёгкой смерти надо бы просить».*

Это давным-давно запавшее в душу стихотворение не даёт мне покоя и по сей день. Не припомню точно, когда и где я его впервые прочел или услышал, но оно сразу очаровало меня своей мудрой простотой и, то забываясь, то вспоминаясь вновь, стало моим пожизненным спутником.

В юности, когда жизнь казалась вечной, а смерть - призрачной и не очень верилось в тяжесть бытия, а тем более - в неизбежность смертных мук, оно привлекало своей обобщающей цельностью, адресованное всему человечеству, воплощенному в образе авторского Я. И хотя, начиная со студенческих лет, я видел много смертей, и легких, и тяжелых, ни одна из них по отдельности не воскрешала в памяти эти стихи - они ждали своего часа раздумий о вечности и бренности бытия и всегда были окутаны дымкой таинственного и возвышенного.

История с Линой впервые в моём восприятии привязала его к конкретной человеческой судьбе, что, в свою очередь, как всякое частное явление, породило множество житейских проблем и вопросов. Главная моя головная боль сводилась к оправданию своего поведется. Я ни в чём не упрекал Лину - под страхом смерти женщина может попросить и такое. Не корил я и себя - не мог же я в самом деле стать её убийцей и преступником перед людьми и заслоном. И всё-таки ощущение какой-то неосознанной вины перед нею не оставляло меня все эти дни. Ведь она просила избавить её не от жизни, а от физических и душевных мук умирания, и вот она сейчас мучается, а я ничем не могу ей помочь. Но разве я виноват, что медицина до сего времени ничего лучшего, чем наркотики, на этот случай не придумала?

Не раз вспоминалась сцена из фильма, где римский полководец, оказавшись в безвыходном положении, чтобы не попасть в руки врагов, просит своего друга убить его, и тот вонзает меч ему в сердце. Да что язычники-римляне - вот первый христианин Матвей Левий, который таким же способом пытается спасти от мук Иисуса Христа. «Одного мгновения достаточно, чтобы ударить Иешуа ножом в спину, крикнув ему: «Иешуа! Я спасаю тебя и ухожу вместе с тобой! Я, Матвей, твой верный и единственный ученик!» Он хотел одного, чтобы Иешуа, не сделавший никому в жизни ни малейшего зла, избежал бы истязаний.» (М. Булгаков). И ведь в обоих случаях это были гуманные поступок и намерение, за которые никто бы не осудил. В конце концов и суть стихотворения сводится к совету просить лёгкой смерти. Но кого? В том-то и разница, что Бог, спасая человека от

смертных мук, даже ценой жизни, становится его благодетелем, а человек - убийцей и, если он совестлив, этот грех будет мучить его до скончания дней, не говоря уже о расплате за профессиональное и правовое преступление. А по-сему человеку становиться в позу Бога никак не следует. Но почему же были правы те двое? Да потому, что они спасали своих подопечных не от неотвратимого рока, а от расправы людей, таких же смертных, как они сами. Осознание этого и привело, наконец, к душевному успокоению.

И всё-таки это были раздумья со стороны. Теперь же, когда снаряды рвутся всё ближе, когда всё чаще приходится хоронить сверстников, а порой и кого помоложе, нет-нет да и спросишь себя: а как я сам поступлю, ежели придется? Хорошо, если буду сбит на лету и всё решится в одночасье. А если недуг прикуёт к постели на месяцы да ещё и обездвижит, лишит возможности говорить, читать, писать?

Но удивительное существо человек! Ведь он единственный на земле, кто заранее знает о своей неминуемой смерти, а, значит, имеет возможность подготовиться и помочь себе в должный час не только духовно. Однако, оглянитесь и отыщите, такого предусмотрительного. А может, так и надо, и правы все религии, когда, постоянно напоминая о смерти, не позволяют человеку вмешиваться в дела Божии, и, самое большее, что он вправе сделать, это просить у Бога лёгкой смерти. И не более того. Но это во имя спасения души в расчёте на вторую вечную жизнь. А если после смерти будет то же, что и до рождения, оправданы ли тогда эти смертные муки?

Просьбы людские об избавления от них столь же древни, как и человечество. Не случайно Гиппократ написал в своей клятве: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла». Я поступлю так же, и уже по одному этому ни к кому не обращусь с подобной просьбой. А вот самому на крайний случай иметь кое-что про запас наверное, не мешало бы? Впрочем, как знать - ведь пока нет ружья, то и стрелять не хочется.

Дорогая Лина Аркадьевна, я не верю, что мы ещё где-то встретимся. Но если всё же чудо свершится, и мы увидимся, об одном прошу - не отвернись.

Укол

- Никогда не иди на поводу у больного, - внушал веснушчатому интерну дежурный хирург Елкин. Сам он всего три года назад окончил институт, но уже нес самостоятельные дежурства по корпусу в неэкстренные дни и считал своим долгом учить на них уму-разуму молодежь.

- Да я и не иду, - оправдывался интерн.

- Почему же ты тогда не ввел ему зонд?

- Да он при одном виде его готов выскочить в окно. Ему уже пробовали вводить, он знает...

- Ничего он не знает. Ты - врач, и не он, а ты должен знать, что ему нужно и что не нужно, - резко прервал его Елкин, - для того тебя и учили шесть лет в институте. Интерн беспомощно развел руками.

- Ладно, я сам покажу что надо делать в таких случаях, - покровительственно сказал дежурный и многозначительно добавил:

- От введения зонда в желудок еще никто не умер, а воскресли многие. Понятно?

Интерн кивнул.

При этом разговоре, кроме нас троих, присутствовал еще Алексей Иванович, врач из соседнего отделения, крупный мужчина лет за сорок, молчаливый и мрачноватый, из бывших фельдшеров. Он пришел сюда перевязать оперированного утром больного и по пути заглянул в хирургическую ординаторскую выкурить папиросу в мужской компании.

Был тот редкий час вечернего затишья, когда никто не поступает, никто никуда не зовет, никто не нуждается в твоём неотложном присутствии. Обстановка располагала к разговору.

- Да, - протянул Алексей Иванович, прервав молчание, - когда-то и я так думал.

- Что? - не понял Елкин.

- А то, что умнее любого больного.

- А теперь?

- Теперь сомневаюсь.

- И что же в вас поколебало веру в собственную ученость?

- Да был однажды случай, - как бы не слышав иронической нотки в вопросе своего юного коллеги, спокойно ответил Алексей Иванович и глубоко затянулся папиросным дымом.

- Расскажите, - попросил я.

- Тут и рассказывать, собственно, нечего, - начал он нехотя. - Будучи студентом, я работал на «скорой». Машин было мало, а вызова сыпались один за одним. Бывало, за всю ночь не только не приляжешь, но и не присядешь, а утром - на занятия. И вот однажды возвращаюсь я с очередного вызова, а ехать пока некуда. Ну, думаю, отдохну. А однокурсник мой Сашка Полозов - тоже дежурил со мной в той смене - собирается уезжать. «Куда?» - спрашиваю его. Он показывает адрес, и я вижу, что он едет к моему хорошему знакомому.

- Что с ним?

- Сердечный приступ.

- Давай, - говорю ему, - я поеду.

- Пожалуйста, - говорит, - поезжай, а я за тебя отдохну здесь.

Приезжаю - точно он, Николай Кудряшов, сидит за столом бледный, рукой грудь слева растирает. «Ты что?» - спрашиваю его. «Ой, - говорит, - Алексей, схватило, дай чего-нибудь». Достая шприц, ампулы с папаверином, промеаолом... Он как увидел шприц, еще больше побледнел, замахал руками и говорит: «Убери скорее, я не выношу уколов». Я ему: «Ну, тоже мне мужик - укола испугался», - разбил ампулы и набираю в шприц. А он смотрит по-дикому

и чуть не плачет: «Алексей, я умру, если уколешь». «Брось, - говорю, - глупости городить, от укола еще никто не умирал», - взял покрепче его руку и вколол. А он тут же и обмяк. Я к нему - «Коля, Коля!» - а он уже готов...

- Как? - вылетело у интерна.

Алексей Иванович даже не удостоил этот вопрос ответом - дескать, не знаешь, что ли, как люди умирают?

- И ничего не удалось сделать? - спросил я.

- Ничего. Да и какая тогда была реанимация...

- А было вам что-нибудь за это? - любопытствовал Елкин.

- Было бы..., если бы он умер без моего укола, - сказал Алексей Иванович, с силой загасил в пепельнице папиросу, встал и, не оглядываясь, зашагал неторопливой размашистой походкой из ординаторской.

«Прикольная» больница

Это был последний «застойный» доперестроенный 1984 год.

Юлька прибежала из детского глазного кабинета счастливая - ей выписали очки. Повертевшись немного в прихожей перед зеркалом, мысленно выбирая себе подходящую оправу с учётом цвета волос, овала лица и других тонкостей девичьего туалета, она сама отправилась в «Оптику». Двенадцать лет! Самостоятельность! Я грустно посмотрел ей вслед, предполагая чем всё это кончится.

Так оно и вышло. Потолкавшись битый час в этой душной коморке, до отказа наполненной людьми, и, поняв, что никакого выбора не будет - что дадут, тому и радуйся, да и то не раньше, чем через месяц, - уныло вернулась она домой и, не снимая пальто, просительно уставилась мне в глаза: папа, выручай. Папе (благо, все медики города свои люди) ничего не оставалось как взять её за руку и повести в спецполиклинику, именуемую в народе областной кремлевкой.

- Здравствуйте, вам к кому? - встретила нас дежурная.

- Да вот дочке надо очки заказать.

- Раздевайтесь, пожалуйста, и по этой лестнице на второй этаж, справа первая дверь, там написано «аптека».

Юлька растерянно посмотрела на меня: не мог, дескать, предупредить - можно было и одеться попримечнее, да и что делать с обувью - всюду виднелись ковровые дорожки. Однако всё утряслось само собой. Мы не спеша разделались, привели себя в порядок и поднялись на второй этаж. В аптеке мы оказались единственными посетителями. Провизор, миловидная молодая женщина, прочитав рецепт, указала на застеклённую

витрину, находящуюся тут же, рядом с нами: выбирайте. Там были разложены десятка четыре оправ разного цвета, формы и размера. У Юльки разбежались глаза.

- Вот эту... нет, эту, - шептала она мне, тыкая пальцем в стекло, при этом явно торопясь, словно боялась, что вот-вот кончится этот идиллический сон, и она опять окажется в «Оптике».

- Да вы не спешите примерьте перед зеркалом, - улыбнулась провизор.

Я поднял крышку витрины, и Юлька стала примерять одну оправу за другой. Наконец, на одной остановилась.

- Нет, - снова вмещалась провизор, - для девочки эта слишком тёмная... А эта тяжёлая. Давайте-ка я вам помогу. - Она вышла к нам. - Пожалуй, вот эта. Ну-ка надень. А что, по-моему, вполне. Ну как, нравится? Юлька только молча кивнула головой.

- Ну вот и хорошо. Правда расстояние немного великовато. Но ничего, мы сделаем децентровочку, и будет то, что надо. Тебя как зовут?

- Юля.

- Ты, Юленька, в какую смену учишься?

- В первую.

- Тогда приходи завтра после трёх. Одна без папы дорогу найдёшь? Молодец. Завтра будут у тебя очки.

Мы попрощались и спустились вниз. Вежливо попрощалась с нами и дежурная в вестибюле.

Во всё время пребывания в поликлинике Юлькина самостоятельность куда-то улетучилась. Сама того, может, не сознавая, она была поражена контрастом. После «Оптики» всё, что она видела и слышала здесь, казалось ей таким же неестественным, как если бы в центре бурлящего в последний день квартала универмага поставили аквариум с золотыми рыбками, где всё красиво, спокойно и тихо. Поэтому, почувствовав себя тут как бы в чужой стихии, она держалась скованно, не отставала от меня ни на шаг и готова была здороваться о каждом встречным сотрудником и посетителем, утопающим в мягком кресле. Но как только мы очутились на улице, она радостно выдохнула:

- Папа! Прикольная больница! И чего бы тебе здесь не работать? (На её жаргоне это значило, что больница очень хорошая). Всю дорогу домой она о чём-то без устали болтала. А я тоже шёл радостный и думал о том, как хорошо, что рядом со мной идёт Юлька, а не младшая Ирка. Та обязательно спросила бы, почему здесь всё так хорошо, а там - так плохо? Нет, хорошо всё-таки, что рядом была Юлька, а не Ирка.

Это было время, когда мы учились задавать сложные вопросы, но ещё не умели на них отвечать.

Интеллигент

В начале 50-х ректором нашего мединститута стал восточный человек по имени Магомет. И сразу же при очередном наборе среди абитуриентов появились первые «магометане». С каждым годом их становилось все больше и больше, хотя далеко не все из них с ходу трансформировались в студенты. Многие проваливались на первом же вступительном экзамене, но возвращаться восвояси не спешили: год работали лаборантами в институте или санитарями в больницах, а затем дополняли свои личные дела характеристикой с места работы и приступали к новому штурму вузовской твердыни.

К числу таких упорных принадлежал и Арам, низкорослый, худошавый, застенчивый юноша из аула, с трудом говорящий по-русски, но с малолетства мечтающий стать врачом. Только с четвертой попытки невесть каким образом удалось ему поступить в институт. Но сбыться его заветной мечте - получить диплом врача - было все-таки не суждено. Поступить-то он поступил, а учиться не смог - «плохо понимал русские буквы». Посоветовался он с женой (к тому времени появились уже и дети), с друзьями, забрал в учебной части документы и окончательно обосновался там, где и привел все эти годы на Амуре, - санитаром в морге.

Для морга это была настоящая находка - более надежного, работающего и тактичного санитаря представить было просто невозможно. Но и для Арама белый халат стал мундиром, а должность - призванием.

Не комплексуя и реально оценивая свои возможности, он здраво рассудил, что морг - неотъемлемая составная часть медицины, а санитар в нем - незаменимая личность. А посему лучше уж быть хорошим санитаром, чем плохим врачом. Решение было принято, и с тех пор он всегда производил впечатление человека «в своей тарелке» - открытый добрый взгляд при встрече, знание ситуации, уверенность в своих действиях, готовность откликнуться на любую просьбу. Словом, пусть не в том варианте, как хотелось изначально, но в целом мечта его стать медиком сбылась, и это поддерживало в нем ощущение полноценности и самоуважения.

Сполна почувствовал он свою нужность ближайшим летом, когда начальство встретило его чуть ли не с букетом на вокзале и попросило досрочно выйти из отпуска, ибо стоило ему уехать в родные края, как всем в морге стало ясно, что это заведение может обойтись без кого угодно, включая самого начальника, только не без Арама. Особенно в жаркую летнюю пору. С тех пор его буквально умоляли не брать отпуск летом.

Это вовсе не означало, что в морге не было других санитаров - они там были, есть и будут всегда. Но в большинстве своем это был люд невежественный, алчный, пьяный и не шел ни в какое сравнение с Арамом, который при необходимости был всегда на месте в любой день

недели и в любое время суток. Пьяным его на работе никто никогда не видел.

Начальство, ценя по большому счету его деловые и человеческие качества, платило ему максимум возможного. И тем не менее для его многодетной семьи это были не ахти какие деньги. Поэтому, когда родственники умерших предлагали дополнительную плату за услуги, он не отказывался, но при этом никогда сам не просил и не называл цену.

Однако были у него три железные табу: не брать плату у медиков, у родных и знакомых сослуживцев и у сильных мира сего, за которых ходатайствует руководство морга. Он соблюдал их всегда. Но одно исключение все-таки было, о чем стоит рассказать.

Год назад умер близкий родственник одного Чина. Чин этот занимал большой пост в верхах и имел внушительную внешность: крупный, слегка вальяжный, с дежурной покровительственной улыбкой на устах, всегда, даже в июльский зной - в пиджаке, белой сорочке с манжетами и при галстукке. С подчиненными и простыми смертными держался на дистанции, говорил хоть и властно, но ровно, не повышая голоса, даже при разносах не употреблял крепких выражений, за что и слыл интеллигентом высокой пробы.

Араму, разумеется, было поручено лично проследить за сохранностью трупа, одеть его и выдать в лучшем виде. В урочный час к моргу вместе с «УАЗиком» подкатила и белая «Волга», на которой приехал сам Чин в сопровождении небольшой свиты. В траурном зале звучала похоронная фоновая музыка. Возле гроба в скорбном молчании стоял и Начальник морга. Арам стоял в стороне на почтительном расстоянии.

Когда гроб погрузили в «УАЗик», Чин спросил начальника, кому он обязан за такое хорошее обслуживание. Тот взглядом указал на Арама, но предупредил, что ничего платить не надо, дескать, санитар получит по преysкуранту. Чин понимающе посмотрел на Начальника, грустно улыбнулся ему, жестом попросил его оставаться на месте, а сам подошел к Араму и пригласил следовать за ним.

Выйдя из зала в коридор и убедившись, что, кроме них двоих, здесь никого нет, он достал портмоне и спросил:

- Сколько?

- Нисколько, - последовал ответ. На лице Чина обозначилась болезненная гримаса:

- Ну, ладно, давайте не будем строить из себя невинность. Сколько? - нетерпеливо спросил он и оглянулся по сторонам. Ему очень не хотелось, чтобы кто-то стал свидетелем этого разговора.

- Я уже сказал, нисколько, - с олимпийским спокойствием повторил Арам.

Чин достал из портмоне банкноту и снова огляделся, - на этот раз он искал место куда бы ее положить и быстро уйти. Но в коридоре не было ни стола, ни стула, ни даже подоконника. Тогда его взгляд остановился на кармане халата санитаря. Но Арам на лету перехватил обеими руками его руку с банкнотой и решительно отвел её в сторону.

Чин опешил. Он привык повелевать и принимать благодарности, а тут не только не принимают его милости, но и применяют в отношении его силу. И, главное, кто!? Он брезгливо посмотрел на то место на рукаве пиджака, за которое брался Арам, - не остались ли отпечатки его ладоней - и, не в силах оставить поле боя побежденным, сменил тон:

- Ну возьмите, так полагается, все ведь берут...

- Может, это у вас все, а у нас нет.

- Это... Это у кого же, у вас?

- У нас, медиков.

Чин побагровел.

- Слушай, ты говори да не затоваривайся. Знаю я вас, как облупленных. Тоже мне медик нашелся. Ты такой же медик, как... - и осекся на полуслове.

По резкой перемене во взгляде и поведении Арама он понял, а скорее почувствовал, что тот теряет над собой контроль, и сейчас произойдет что-то непоправимое. И действительно, окажись они в эту минуту в другом месте, пожалели бы, наверное, об этом потом оба. Но это был морг, где-то рядом лежал покойник, на Араме был белый халат, и многолетнее самовоспитание не позволяло ему в этой обстановке произнести даже бранного слова. А гнев подкатил к горлу, и неизвестно, что случилось бы в момент следующий, если бы в этот, последний, его не осенило спасительное прозрение. Он вдруг подумал, что человек так оглупеть может только от большого горя. Ну конечно же, кто здравомыслящий может побрезговать прикосновения к своей одежде рук, которые только что обряжали в последний путь родного человека? Как можно было усомниться в том, что я медик, если я работаю санитаром и на мне белый халат? Да и вообще, может ли нормальный человек устроить в морге свару из-за того, что у него не берут деньги?... И гнев стал сменяться милостью.

Не веря глазам и ушам своим, перепуганный Чин увидел подобревший взгляд собеседника и услышал слова:

- Хорошо, пусть будет по-вашему. Только выполните мою просьбу: купите на эти мои деньги цветы и положите их на могилу.

Впрочем, не расскажи Арам эту историю во время именинного застолья, где гостем был мой приятель, мы так ничего бы и не узнали о его «грехопадении».

Родительский завет

Как-то в начале 70-х отец мой, старый заслуженный хирург, незадолго до своей кончины рассказал мне историю, о которой раньше никогда вслух не вспоминал.

- Жили мы до войны, как ты помнишь, в горняцком поселке Кивда, недалеко от нынешнего Райчихинска, я работал там главврачом больницы. А райцентр находился в Бурее, всего в пятнадцати километрах, и поскольку она соединялась с рудником железнодорожной веткой, то ездить туда приходилось часто - на поезде, на паровозе, на дрезине, а то и на «пионерке». Поводы были самые разные - профилактические осмотры, призывные комиссии в военкомате, текущие дела в райздраве, райкоме, райисполкоме и т.д. и т.п. Словом, общение с районным начальством было постоянным, и знали мы все друг друга очень хорошо. А так как люди мы были в основном молодые, воспитанные в духе коллективизма, то отношения наши быстро переросли в приятельские, и окончания наших будничных дел мы нередко завершали дружескими застольями. На праздники ездили друг к другу в гости. Был в нашей компании и начальник районного НКВД (забыл названную отцом фамилию, но, кто захочет узнать, может докопаться - место и время обозначены). Вел он себя, правда, сдержанно, выпивал меньше других, так как маялся язвой желудка. Но после того, как я провел ему в своей больнице рентгеновское исследование и немного подлечил, он всегда был рад нашей встрече, и общались мы с ним на «ты».

И вот однажды осенью 37-го вызывает он меня срочно к себе. Сажусь в дрезину, приезжаю, захожу к нему в кабинет. Он сидит усталый, хмурый. Встал, вяло пожал руку и говорит: «Константин Иванович, тут у нас находится один опасный преступник, явный враг, но прикидывается дурачком. Помоги-ка нам вывести его на чистую воду». «Давай, - говорю, - попробую». «Проводи», - кивнул он своему помощнику, и я пошел с ним в соседнюю комнату.

Там на табуретке сидел старший-престарый дед. Я попытался разговориться с ним, и через несколько минут стало ясно, что он находится в состоянии глубокого старческого маразма. Прекратив дальнейшие расспросы, я с легким сердцем направился в кабинет начальника. «Ну, тоже мне, нашел преступника, - говорю ему весело, - это же просто выживший из ума старик».

И тут произошло невероятное. Начальник побагровел, стукнул со всей силой кулаком по столу, вскочил и заорал: «Ах, и ты с ними заодно! Ну так и катись к ним, туда тебе и дорога! Увести!» - приказал он двум энкавэдэшникам с винтовками, которых, кстати, пять минут назад здесь не было, и те тотчас увели меня через двор в пустую темную каталажку с голым топчаном и столом.

Вначале мне хотелось кинуться к двери, стучать и что-то объяснять. Но внутренний голос сказал: не надо. Я сел на топчан и, как никогда прежде, крепко задумался о жизни и ее превратностях. А утром пришли те же энкавэдэшники и повели к начальнику. По пути чуть не пристрелили, потому что, увидев во дворе уборную, я кинулся туда, чтобы опорожнить свой переполненный мочевого пузырь.

Когда вошел в кабинет, начальник поднялся навстречу, подошел, пожал руку и примирительно сказал: «Извини, Константин Иванович, погорячился. Время, понимаешь, такое тяжелое. Столько работы, столько врагов вокруг. Ладно, бывает. Езжай домой и забудь про все, что здесь было. На всякий случай, распишись вот тут о неразглашении - такой порядок».

И я уехал, снова поверив в то, что справедливость существует и невинный человек в нашей стране пострадать не может.

Однако уже на следующий день на душе стало так тревожно, что я не находил себе места. Тревога усиливалась от все большего осознания нелепости моего ареста и непредсказуемости поведения энкавэдэшного начальника. Ведь не мог он не видеть, что старик этот полный маразматик и говорить с ним всерьез ни о настоящем, ни о прошлом просто невозможно. Так зачем же он устроил этот спектакль с моим освидетельствованием? А коль уж устроил, то почему не довел его до логического конца? Потом до меня дошло: ведь он заведомо знал, что я не психиатр и любое мое заключение не имело бы никакой юридической силы, тут уж мне совсем стало не по себе. И ведь никому ничего не расскажешь, не спросишь, не посоветуешься. А люди вокруг исчезали один за другим. Даже на обложках медицинских книг, учебников, по которым учился, нередко приходилось напрочь затушевывать фамилии их авторов, чтобы не пришлось потом отвечать за чтение и почитание врагов народа.

Проходили дни (особенно ночи!), недели, месяцы. Все меньше оставалось моих друзей, застоля прекратились (стали бояться друг друга), я вздрагивал от каждого телефонного звонка, мысленно прощался с вами при любом позднем стуке в дверь (а ночные вызовы к больным были постоянными), но беда обходила меня. Так в постоянном страхе и напряжении прошло больше года, пока, как гром среди ясного неба, не грянуло известие об аресте Ежова, а вскорости посадили и нашего районного начальника. Тут я, как и все, сразу понял, кто были виновники «перегибов», всерьез уверовал в то, что опасность миновала, и осмелел настолько, что в ближайший свой приезд в Благовещенск решил навестить своего школьного товарища по фамилии Рысь.

Мы с ним выросли на одном квартале, учились в одном классе, вместе гоняли по городу на велосипедах, ходили в кино, парк, - словом, дружили. После окончания школы я поехал в Иркутск учиться на врача, а он прошел специальные курсы и стал работать в органах - сначала в ГПУ, а потом в НКВД. В пору моего студенчества я с ним регулярно встречался на каникулах, а потом мы почти не виделись - были три-четыре уличные встречи, и все.

Но на этот раз я пришел вечером к нему домой с намерением рассказать про тот случай и послушать, что он скажет об этом. К тому времени он занимал большой пост в областном управлении.

К счастью, он оказался дома. Встретил меня

хорошо, мы даже выпили немного, и я ему рассказал, как чуть было не угодил в БАМЛАГ, а то и куда подальше, и спросил, зачем нашему начальнику все это понадобилось и почему так завершилось. Мой товарищ выслушал меня молча, потом не спеша взял пачку папирос, закурил, с минуту подымил в какой-то рассеянности и, как будто переступив через себя, улыбнулся и сказал: «Костя, я ведь знал эту историю. Мало того, я был ее участником. Да, да, не удивляйся, мир тесен. Но вот ты сейчас при мне нарушил свое обещание о неразглашении, и я боюсь, что тебе захочется еще с кем-нибудь поделиться тем, что случилось, и о чем хочу тебе рассказать».

Я густо покраснел и стал уверять, что открылся только ему потому лишь, что он мой друг и работник НКВД, да к тому же все виновники перегибов уже осуждены. Он еще раз взглянул на меня в упор, сказал: «Ладно, верю» и рассказал все, как было.

А было так. Той осенью в Бурейском районе «горел план» по отстрелу интеллигенции (у соседей было «разоблачено», к примеру, тринадцать-пятнадцать «врагов народа», а тут только десять. Такое «отставание» не прощалось, и ради собственного выживания бурейскому начальнику надо было добрать еще три-пять человек. Незнакомых в резерве у него уже не осталось, и он пошел на последнее - взялся за знакомых. Одним из первых ему вспомнился я. Тогда и была разыграна эта трагикомедия с освидетельствованием. Но, по существующему положению, он не мог расправиться со мной единолично, без согласия областного начальства. И надо же случиться такому везению: в ту злополучную (но, ой, какую счастливую для всей нашей семьи!) ночь по областному управлению НКВД дежурил Рысь. Ему-то трижды за ночь звонил районный начальник и всякий раз получал отказ. А последний отказ был настолько категоричным и с намеком на плохие последствия для него, начальника, если он не откажется от своей затеи со мной, что тот прекратил дальнейшие попытки добиться своего, счел за лучшее отпустить меня подобру-поздорову и никогда больше не связываться со мной. (Еще одно везение, что он просидел на своем месте до самого конца «ежовщины» - смени его в то время кто-то другой, и все бы могло повториться в худшем варианте. А ведь я каждый день желал ему гибели, в то время как именно он был моей главной защитой все эти страшные годы).

Когда прощались, Рысь крепко пожал мне руку и сказал: «Костя, помни, если ты кому-нибудь расскажешь о том, что слышал, - это конец и тебе, и мне».

А вскоре меня включили в медицинскую комиссию заключенных БАМЛАГа. Что собой представляла Свободненская бамлаговская больница - это тема особого разговора. Моя обязанность, как хирурга, сводилась к осмотру больных, уточнению диагнозов, даче рекомендаций по дальнейшему лечению, которые никто и не собирался выполнять. Но формальности соблюдались, комиссии такие проводились, и не уча-

ствовать в них, коли тебя включили туда, было невозможно.

Когда работа была завершена и мы собирались уезжать, меня попросили: «Посмотрите еще одного доходягу. Мы знаем, что ему уже ничто не поможет, но все равно посмотрите и сделайте запись в карте».

Если бы не лицевая сторона карты, в этом обросшем, крайне истощенном бамовце я, наверное, не сразу бы узнал своего старого знакомого - начальника Бурейского райотдела НКВД. Первый всплеск мстительного злорадства («Ага, гад, ты рыл яму мне, так сиди теперь в ней сам!»), видимо, отразился в моих глазах, потому что он весь сжался, будто ожидая удара, и по волосатым щекам его потекли слезы. Но уже в следующее мгновение я четко осознал разницу наших положений, сочувствие взяло верх, я поздоровался с ним, стал расспрашивать о его здоровье, выстукивать, выслушивать и т.д. Было ясно, что у него развился язвенный стеноз привратника (рубцовое сужение выходной части желудка), что в свою очередь привело к крайнему истощению. В нормальных условиях его могла бы спасти срочная операция с последующим лечебным питанием. Но там такие методы лечения были просто неприемлемы. Как мог, попытался его утешить, вселить надежду на выздоровление, назначил кое-какие лекарства, на прощанье пожал руку, улыбнулся. А он посмотрел на меня, как смотрят в последний раз, и тихо сказал: «Прости».

И я простил.

Я всегда считал себя везучим человеком. Рассказ отца стал бесспорным тому подтверждением. Это было везение на всю жизнь, и не только для отца. При безотцовщине да еще с клеймом «сын врага народа» и моя жизнь пошла бы наперекосяк.

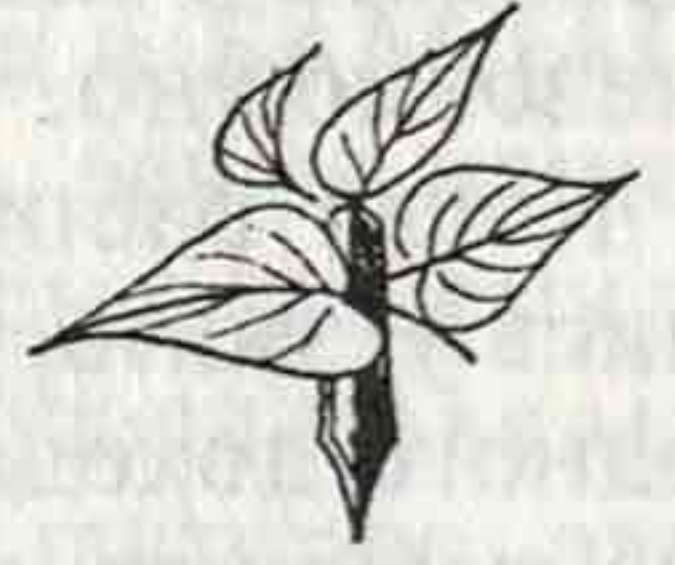
В откровении отца, которое он явно не хотел уносить с собой в могилу и решил подарить мне на память, все было понятно до мелочей, и лишь одно не укладывалось в голове - неужели он и впрямь простил своего душегубца, которому просто не дали совершить его черный замысел? Да, и я бы не стал бить лежачего и, наверное, тоже сделал бы вид, что ничего не знаю, но простить такое, как мне казалось тогда, никто бы не смог.

Но вот и с той поры, как я узнал эту историю, миновало два десятка лет. Никого из ее участников уже нет в живых. Нет отца, нет его спасителя, и более полувека на каком-то бамлаговском захоронении, которое напоминает больше скотомогильник, чем человеческое кладбище, тлеют останки того, кто готовил эту участь моему отцу и при последнем расставании просил у него прощения. Из посвященных в эту тайну остался только я. И теперь, верша последний суд, я бы тоже простил этого человека. Нет, не оправдал, а принял бы его покаяние и не стал карать. Слов нет, не надо (да и нельзя) ставить в один ряд палача и жертву - это противоречило бы и моральному, и уголовному кодексам. Но настало время осознать, что и те, и другие по большому счету оказались жертвами Системы, что и утолило мою мстительную боль.

Судьба обошлась со мной милостиво. Она сохранила моих родителей и подарила мне внесистемную профессию, которая ценна во все времена и при всех режимах. Уйдя в нее с головой, я избежал участи тех, кого карают, и тех, кто карает. И теперь, когда дело идет к подведению итогов, я могу откровенно сказать: у меня нет врагов, и сам я никому не враг. Друзья есть, а врагов нет. Видимо, подводя свои итоги, к этому и призывал меня отец, исповедь которого я принял вначале как семейный секрет, а теперь - как родительский завет. Не всегда сбываются родительские заветы, но мне повезло.

Анна Аниховская – студентка Благовещенского педуниверситета. Ей 19 лет. Поздравляем с окончанием 2-го курса!

Инге Соколовой ненамного больше. Она работает. Милым бухгалтером. Евгений Еремин – учитель. Ему уверенно за 30. Он с юных лет известен как дедушка амурского рока. Но в нашем альманахе он тоже дебютант.

Анна АНИХОВСКАЯ

Крошилось солнце под ногами,
И блеск осколков бил в глаза.
Мир, распустившийся цветами,
Весь мир - всего одна слеза.

Весна, смахнув оцепененье,
Все обострила, как смогла,
И эта дама без смущенья
Мне предлагала - я пила.

И, напоив меня надеждой,
Словно шампанским из горла,
Она прошла, шурша одеждой,
Как дождь, как ветер от крыла.

А, впрочем, мне какое дело.
В конце зимы была капель.
И снова я стучалась смело
В несуществующую дверь.

А после... солнце под ногами,
Дым сигарет и бездна грез.
Мир, распустившийся цветами,
Сквозь призму слез...

Ночь. Город. Шаги в тишине.
Ты. Дождь, и потом многоточие.
А если захочешь сказать обо мне,
Ты просто черкни ручкой: «прочие...»

Я та, что живет в ускользящем дне,
Который не знает пророчества.
Все дело в твоём изощренном уме,
Спасаящем от одиночества.

Помятые простыни, стулья, ковры,
Мелькающих лиц равнодушие.
Так будет всегда до той самой поры,
Пока не найдется отдушина.

Но я не о том. Это все обо мне.
А если о нас – хватит строчечки.
Ночь. Город. Шаги в тишине.
Ты. Дождь. И всего-то три точечки...

Страх, стыд, отчаянье, надежда,
Тупик истерик, залитых слезами,
И брызги смеха в промежутках между
Вдруг ставшими ненужными словами.

К чему все это? Мы договорились.
Украдкой взгляд бросаю, жду ответа.
И мягко, незаметно так спустились
На город сумерки, пронизанные ветром.

Куда я шла? Зачем? Какого черта!
Раздваиваясь, словно под пилою.

И «трезвых» мыслей стройная когорта
Бессильна оказалась пред тоскою.

Тоска. Признаться, что тоскуешь...
О ком? О чем? Да в том-то все и дело.
Зациклено, бессмысленно толкуешь
Обрывки фраз до точки, до предела.

Все чушь. Любви, искусственно возвращенной,
К чему претендовать на полноценность?
И с «мелочью», до чувства вознесенной,
Прости, не стоило идти на откровенность.

О Боже, не могу, нет мочи.
Дрожали губы, - что-то говорила.
Тогда лишь образ, выношенный ночью,
Реально и так близко ощутила.

Страх, стыд, отчаянье, надежда,
Тупик истерик, залитых слезами.
Ну, а любовь - так это что-то между
Враньем и правдой с грустными глазами.

Инга СОКОЛОВА

Когда я выпью тебя до дна,
А я тебя выпью,
Я крикну, что я снова одна.
Крикну выпью.
Руки мои...
Сладкие руки,
Не руки – а сети.
Взгляды мои...
Ах, взгляды мои,
Взгляды – плети.
Слово мое...
Что слово мое? –
Противоречие.
Выпью тебя, а не выпью до дна,
Так покалечу.
Хочешь? – Люби!
А не хочешь – беги!
Что-нибудь сделай.
Может, и я –
Дочь грешной земли –
Стану белой.

Взять, оторвать, разобрать и выкинуть.
Все – понял.
Улыбнулся, взлохматил волосы и
Упал навзничь в мягкое лоно
Густой зеленой травы.

А вот она рядом, женщина.
– Глупая, чему улыбаешься ты?
Это я развернул землю и докопался
До ее сути, а затем
Собрал все во единое целое и
Доволен.

Пальцы сжал в кулаки – сила.
Голова тяжела от мыслей,
Кулаки под голову – Сила, Ум.
И она рядом – теплая, мягкая.
Лепи из нее что хочешь. Моя.
Сдавил, вздохнул полной грудью
И растворился в ней.

– Сила, ум, – тихо рассмеялась женщина.
Встала с колен, отряхнула
Налипшие звезды – и ушла,
Унося с собой новую,
Зарождающуюся жизнь.

* * *

Я сегодня с утра
Ненакрашенная.
Выхожу на улицу.
Думаю:
Вот я страш-ш-шная.
А ничего,
Все мимо идут –
Улыбаются.
Бабушки старенькие –
Те так вообще
Умиляются
Ишь ты,
Значит, естественней – лучше,
Иль чище,
Чем краски-маски
Из оконной замазки.

А навстречу – черные подвязки:
Фигура не дура,
не глаза, а глазищи,
Нос в пудре, –
Эх, красотища!
Но сразу видно –
Хар-ра-актер!
С таким-то характером жить –
Не жить, а выть.
Да с лица воду не пить.
Кто полюбит за глаза –
За характер будет
Готов убить.
Или – в сторону,
Оправдываясь, что черному ворону
Не жить с белой лебедью.
О чем это я?..

Евгений ЕРЕМИН

ФАРФОРОВЫЙ ПОЕЗД

Он читает О. Генри почти до рассвета,
Но с рассветом он – обходчик путей.
Она вообще, по-моему, с другой планеты,
Где все еще не до детей.
У него пенсионка с ракетных войск.
У нее нет осенних сапог.
И откуда им верить, что фарфоровый поезд
Всегда поспекает в срок.
Любви хватит на всех.

Днем он пашет овчаркой в погранотряде,
Но в душе он – скрипач-виртуоз.
Она всю жизнь проверяла чужие тетради.
Но сейчас у нее свой склероз.
У него бессонница от медалей.
Она уснет, не снимая очки.
А фарфоровый поезд пылится годами
В полшага от их тоски.

Любви хватит на всех, – так говорит Проводник.
Но спросили б об этом бедную Лизу,
она бы ответила: Фиг.

Любви хватит на всех, – так говорит контролер.
Но спела б об этом старуха-процентщица,
У парня бы выпал топор.

Любви хватит на всех, – так говорит машинист.
Но знала б об этом Фанни Каплан, она бы пальнула
на «бис».

Любви хватит на всех...

Он пьет на полставки в красной газете,
Но с похмелья он почти Дон Кихот.
Она давно забила на все на свете,
(Но какой она варит компот...)
В одну из зимних ночей он домой не вернется.
Ей так и не увидать Париж.
А фарфоровый поезд куда-то несется.
Куда-то, а ты говоришь.

Любви хватит на всех, – так и сказал Проводник.
Но знала б об этом Наташа Ростова – она бы
состарилась вмиг.

Любви хватит на всех, так и сказал Контролер.
Но ляпни я это Бабе Яге – она забила бы на этот
фольклор.

Любви хватит на всех, – так и сказал Машинист.
Но намекнуть бы на это трем сестрам – они бы
свалили в стриптиз.

Любви хватит на всех...

Она все знала, да, видно, мешало что-то.
А он обознался – что.
А где-то рядом рыдала восьмая нота,
Врезалась в небо винтом.
Она сказала – теперь у меня другой имидж.
Он встал и вылил портвейн в унитаз.
А фарфоровый поезд метался над ними
С ответом – здесь и сейчас.

Любви хватит на всех, – так говорит Проводник.
В его зеркальных зрачках толпятся оценки,
Которых не ставят в дневник.

Любви хватит на всех, – так говорит Контролер.
В его прозрачных руках появляются вещи,
которых не видел в упор.

Любви хватит на всех, – так говорит Машинист.
В его старинной улыбке такие дали,
в которых не сдюжит Дантист.

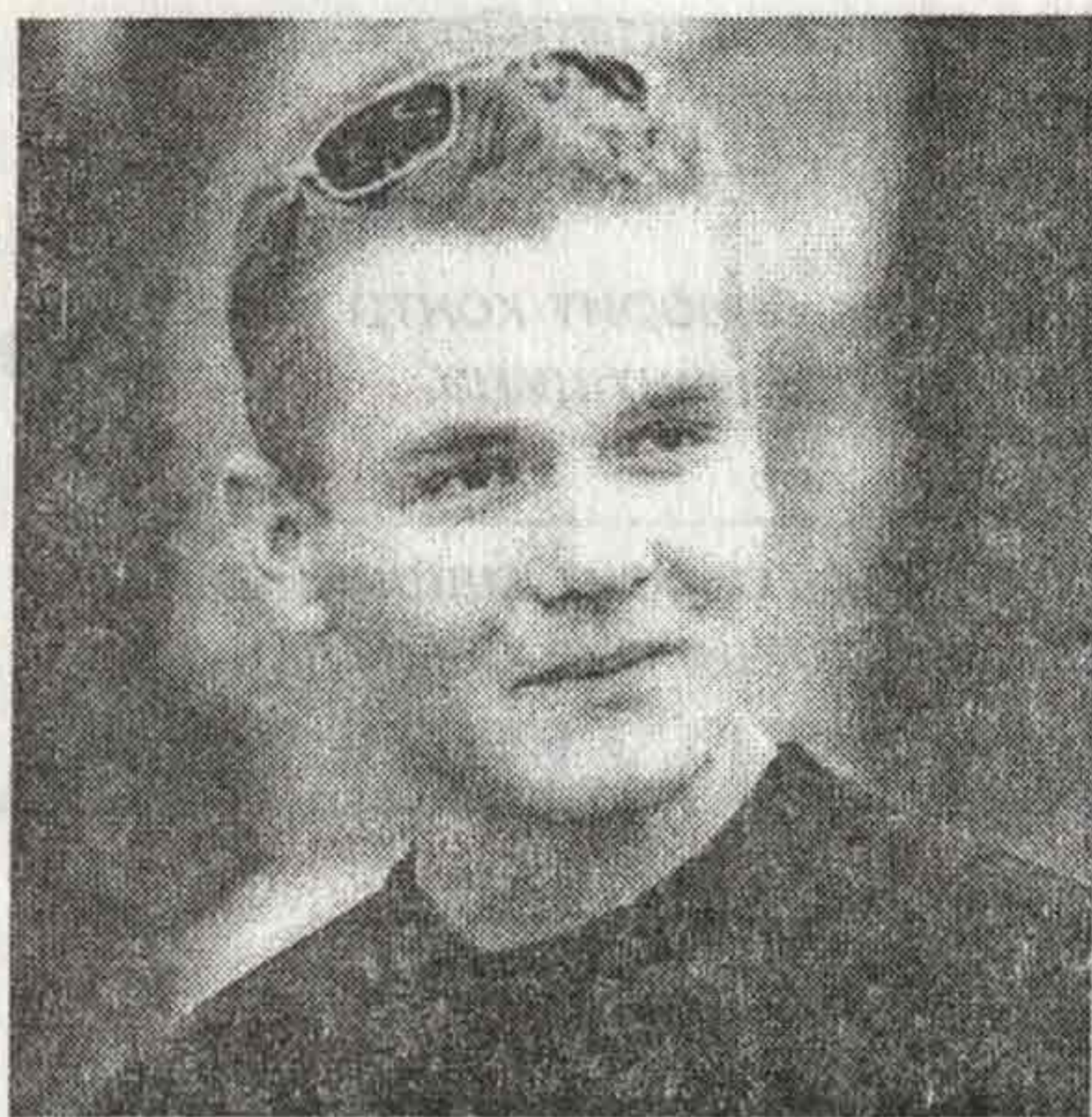
Любви хватит на всех...

ДЕВЧОНСКИЕ СНЫ

Девчонские сны. Фиолетовый дождь.
Откуда ты снишься, нездешний солдат?
Откуда ты песни такие берешь,
Что в сердце сиренью промокшей стучат?
Пой ей девчонские песни, солдат,
Твой не убежит без тебя автомат.

Небесная скорбь расколдованных губ,
Нечайная свежесть распахнутых слов.
Твой ангел-хранитель хронически скуп,
Да только вот есть ли от песни засов?
Пой ей девчонские песни, солдат.
Твой пусть отдохнет от тебя автомат.

Да сколько ж плутать меж тюрьмой да сумой?
Тебе-то на кой эта чья-то вина?
Когда же ты просто вернешься домой?
Когда ж она кончится, эта война?
Пой ей девчонские песни, солдат.
Твой – можь, он совсем и не твой автомат.

Виталий ОСТАНИН

Виталий Останин родился в 1977 году. Закончил среднюю школу, отслужил в армии. Живет в Благовещенске, служит в городской милиции, звание - рядовой. Первый его рассказ был напечатан в альманахе «Приамурье» в прошлом году.

ПОВЕСТЬ

ОПЕРАЦИЯ «ПЛОТИНА»

ПРОЛОГ

У трехэтажного особняка, похожего на готический средневековый замок, остановилась большая белая машина. Открылись передние дверки, и оттуда вышли два здоровяка в черных костюмах. Один держал в руках маленький автомат, пиджак второго оттопыривался с левой стороны. Тот, что держал автомат, огляделся по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, повернулся спиной к машине, прикрыв собой заднюю дверцу. Второй телохранитель, тоже осмотревшись вокруг, подошел к задней дверце и открыл ее.

На асфальт опустились две ноги в коричневых остроносых туфлях. Мелькнули белые носки, обтягивающие тонкие старческие ноги. Мелькнули - и тут же пропали, спрятавшись за коричневыми брюками. Следом за ногами из автомобиля показался и их обладатель: худой старик со сверкающей плешью и с резной тростью в руке. Он кивнул телохранителю, открывшему дверь, и, тяжело опираясь на трость, пошел к особняку. Спустя пару секунд телохранители двинулись следом.

Дверь дома открылась, и на бетонное крыльцо вышел молодой человек. Увидев старика, он улыбнулся, развел в стороны руки и пошел ему навстречу. Старик тоже улыбнулся, а идущие за его спиной телохранители не обратили на молодого человека никакого внимания. Они его знали, наличия оружия под одеждой их опытные глаза не обнаружили, а значит, не было никакого повода отвлекать на него внимание.

Сблизившись с молодым, старик левой рукой обнял его и трижды коснулся вялыми губами его щеки. В таком положении они замерли на секунду, в этом положении и умерли.

Звук выстрела долетел до ушей охранников секунды через две после того, как два сбывшихся тела рухнули на дорожку, ведущую к дому.

До этого они увидели, как между щуплых плеч их хозяина лопнула ткань пиджака и проступила густая жидкость.

Они оба были профессионалами, иначе не попали бы в охрану такого высокопоставленного лица. Лишь только увидев, как дернулся хозяин, они открыли стрельбу в направлении вероятного нахождения убийцы и, на всякий случай, в дверь дома. Потом один бросился к телу хозяина, а второй, с автоматом, побежал в направлении источника выстрела.

Но было уже поздно...

Влага просачивалась сквозь прорезиненную ткань дождевика. Уже вся спина была мокрой. От этого становилось еще холодней. Да еще дождь такой - ни то ни се, морось поганая. Сейчас бы грамм семьдесят хлопнуть да на боковую, как все нормальные люди. Эх, говорила мама - не ходи, сынок, в милицию.

Я топтался во дворе скособоченного деревянного домишки, которому было сто лет, если не больше. Рядом, сквозь мокрую темень, светились окна пятиэтажек - эти облезлые хрущобы тоже были ненамного моложе. Лето стояло две тысячи восьмое от Рождества Христова. Через две недели - юбилей, сто пятьдесят лет родимому Благовещенску. Центр города в спешном порядке чистили, красили, заново асфальтировали - ну а в этот угол, наверно, и к двухсотлетнему юбилею не доберутся косметику навести.

Зябко передернув плечами, я нажал кнопку передачи на рации.

- Первый, как у тебя?
- Тихо все.
- До связи. Второй, Второй, я Мастер.
- Я Второй. У меня глухо.
- Понял. Третий - Мастеру.
- Все спокойно.
- А ары что?

- В карты режутся.
- Ну, до связи. Четвертый, как у тебя?
- Лучше всех. Сухо, голуби воркуют. Красота!
- Ладно, об этом потом расскажешь. Отбой. Пятый?

- Зонтик протекает. А так - хорошо.
- Понял. До связи.

Отпустил кнопку. Значит, все пока тихо. Шестой час уже, как мы сидели в засаде. Хоть бы кто-нибудь пришел. Взять этих нерусей, морды понабить и по домам.

Плюнув с досады, я поднялся на гнилое крыльцо и вошел в дом. Свет нигде не горел, было слышно только тиканье часов да шипение «Уха».

- Саня! - позвал я. Снял плащ и повесил его на вешалку.

- Чего тебе? - откликнулся голос из зала.

- Что новенького?

- Да ничего. В «преф» режутся. Мухтар меня уже задолбал своим «мизером».

- Терпи, казак...

- Если скажешь «атаманом будешь» - убью.

- Не скажу.

- Тогда живи, - великодушно разрешил Саша.

Я разулся, прошел в «зал», оглушительно скрипя половицами, и со вздохом опустился в кресло. Спать жутко хотелось!

Шел шестой час операции. По оперативным сведениям (то есть стукачи «доклали») сегодня вечером моим старым знакомым, торговцам наркотиками братьям Саакян, должны были подвезти товар. Помню, когда мне сообщили об этом, я чуть до потолка не подпрыгнул. Еще бы, мы ведь этих армян второй год прищучить не можем - осторожные больно. А тут такой подарок судьбы! От щедрот своих (вру, конечно, деньги казенные были) я выдал своему осведомителю целых сто тридцать рублей. В тот же день выбил у начальства разрешение на проведение операции, договорился с «уголовниками» насчет аппаратуры и к вечеру уже «пас» все входы и выходы дома, где должна была произойти передача наркотиков.

- На мизер иду! - послышалось из динамика. Это, наверно, Мухтар.

- Давай, иди. - Это ответил его брат Агас. Зажурчала наливаемая жидкость. Водка или коньяк, кавказцы воду не пьют. Затем журчание другого рода - из стакана в рот. Тяжелый выдох. Потом минуты две только шелест карт. Наконец возглас Мухтара:

- Ну, что такое, а? Опять завалили!

Два других голоса засмеялись:

- Ничего, в другой раз повезет...

Квартира, в которой находились братья Саакян и некий Ахмадеев Радик Рашитович, прослушивалась с начала операции. Ахмадеев этот был башкир. Уж не знаю, как он связался с армянами, но нам его присутствие было как нельзя более кстати - благодаря ему Саакяны вели разговор на русском. Но, увы, за все это время единственной интересной информацией, услышанной нами, была только история, рассказанная Агасом: как он под «дурью» динозавров ловил. Впору было сворачивать аппаратуру и идти за-

бирать у стукача деньги.

- Саня, а Мухтар хоть раз «мизер» взял?

- Ага, как же! Он тупой, как ложка. Чуть не каждый расклад орет «мизер иду», «мизер иду». Придурок! Посадили полено в «преф» играть.

- Ты прав, игра сложная. Кстати, помню, еще в армии, сидим мы в буфете санчасти и в карты дуемся. А накурились, как сомы. Сидим, значит, карты изучаем, а тут - бац, полковник заходит. В тот день как раз проверяющий из штаба округа прилетел. Как он в санчасть зашел? Мы-то вроде закрывались.

- Дневальный, наверно, впустил.

- Может быть... Ну, заходит, значит, полковник и встает в дверях. А у нас реакции - никакой, сидим дальше лупимся. Тут парнишка один, Алекс, повернулся и полкана увидел. Потом мы все повернулись. И знаешь, тормоза такие, карты под стол прячем. Кто-то крикнул «встать», мы встали. Полковник говорит: «Ну, во что играете?». Отпираться смысла нет: карты он все равно видел. Я говорю: «В преферанс, товарищ полковник». Он чуть не упал. «Во что, во что?» - «В преферанс». - «И сколько «пуля»?» - спрашивает. Видать, для него дико было, что солдаты в преферанс играют.

- И что потом? - спросил Саша.

- Да ничего. Полковник он и в Африке полковник. Карты забрал да ушел.

- Козел! - осудил полковника Саша.

Зашипела моя рация.

- Мастер, Мастер - Пятому.

- Слушаю.

- В подъезд зашел мужчина.

- Понял. Будь на приеме.

«Господи, пусть это будет поставщик!» - взмолился я беззвучно и снова нажал на вызов.

- Первый, Первый - Мастеру.

- Слушаю.

- В подъезд вошел мужчина. Узнай, в какую квартиру.

- Понял. Жди.

На несколько минут повисла тишина. Потом Саша спросил:

- Он, думаешь?

- Надеюсь. Надо подождать.

Опять тишина. Мы с Сашей в напряжении ждали вызова Первого. Да и ребята на постах - на чердаке, в машине, в соседнем доме, напротив подъезда, где находились армяне, и в квартире напротив них - все замерли в ожидании. Наконец рация оживила.

- Первый - Мастеру.

- Говори.

- Мужик к арам пришел. Сейчас в дверь стучит.

- Что у него с собой?

- Ничего. Ни сумки, ни портфеля.

- Спасибо, Леха. С меня пиво.

- Я запомнил.

- Я тоже. Внимание, внимание, я Мастер. Всем находиться на приеме и ждать распоряжений.

- Первый понял.

- Пятый понял.

- Третий понял.

- Четвертый понял.

- Второй понял.

Саша замахал на меня руками: тише, мол. Я подсел поближе к динамику подслушивающего прибора, прозванного операми «Ухом», и весь обратился в слух.

Мухтар (М): - Пойду открою. (Шаги) Кто там?

Глухой голос (из-за двери): - Я от Игоря.

М: - Шас открою.

(Звук отпираемого замка).

Гость (Г) - Здравствуйте.

М: - Здравствуй. Проходи.

(Хлопнула дверь. Шаги).

М: - Он говорит, что он от Игоря пришел.

Агас (А): А что сам Игорь не пришел? Почему тебя послал? Мы не знаем тебя.

Г: - Этого и не нужно. (Шорох одежды).

А: - Ты что, охренел, мужик?

Г: - Сидеть всем! Одно движение - стреляю! Оружие мне под ноги!

Радик (Р): - Да он мент!

Кто-то, кажется, поднялся с кресла - скрип сидения, звук резко сдвинутой мебели. Потом хлопок, будто лопнул воздушный шарик, а за ним - звук падающего тела.

А: - Ты понимаешь, на кого ты наехал, мент? Ты же труп уже!

Г: - Я предупреждал. А теперь спокойно поговорим.

А: - Я не буду говорить с тобой, мент!

Я кивнул Саше: мол, слушай! Схватил радиостанцию:

- Первый, Пятый, я - Мастер. Оцепите квартиру. За дверью стойте. Не стрелять.

- Первый понял.

- Пятый понял.

- Второй, перекрой выход из подъезда.

- Понял тебя.

- Это кто-то из наших? - шепнул Саша. Я пожал плечом:

- Не похоже. На «уголовку» не тянет, а обэпникам тут делать нечего. Т-сс!..

- М: - Я не знаю ничего!

- Г: - А ты?

- А: - Пошел ты!

(Еще один хлопок).

- А: - А-а-а!!! Ты что, козел?! Ты же мне ногу прострелил!

Г: - Если ты не хочешь, чтобы я тебе яйца отстрелил, говори.

А: - Мужик один, русский, Тушенцов Артем Сергеевич его зовут.

Г: - Где его найти?

А: - Во втором микрорайоне. Институтская четыре, квартира семнадцать. Рядом с «Харбином».

Г: - А кто такой Игорь?

А: - Какой Игорь? (Хлопок) А-а-а! Ты что? Не стреляй! Я все скажу!

Г: - Кто такой Игорь?

А: - Он распространитель. По-мелкому торгует.

Г: - Ты его снабжаешь?

А: - Да.

Г: - А его где найти?

А: - Да это и есть его квартира!

Г: - Ну спасибо.

А: - Не надо-о!!! (Хлопок).

Я нажал на вызов, крикнул:

- Первый, Пятый, ломайте дверь! В гостя не стрелять - он свой. И, не дожидаясь ответа, побежал к выходу. На ходу бросил Саше:

- Погнали. Этот дурак нам сейчас всех пере-стреляет.

Дождь разошелся. Пока мы добежали до подъезда соседней пятиэтажки, одежда наша промокла насквозь. У подъезда стояла красная «мазда», принадлежащая одному из оперативников - Пятому. Дверка водителя была открыта, его самого внутри не было.

Сквозь шум дождя я услышал выстрелы. Они раздавались из-за угла пятиэтажного дома, стоявшего перпендикулярно тому, где были наши подопечные.

- Туда!

Саша легко обогнал меня. Еще бы, ведь у него ноги начинались, где у меня шея. Ростом под два метра, худой, как спичка, он идеально подходил для бега. Куда мне, любителю пива и лежания на диване, тягаться с ним.

Я отстал метров на пять. Как я потом проклинал себя за это! Завернув за дом, я увидел долговящую фигуру Саши, целящегося в кого-то, полускрытого за пеленой дождя. Вернее, я не заметил Сашиного противника сразу, увидел его только тогда, когда он дважды выстрелил. Может быть, на долю секунды раньше моего друга.

Саша согнулся, сломался пополам, выронил пистолет и начал клониться к земле. Я не успел бы удержать его, даже если бы попытался. Он упал на бок, а я поднял оружие и выпустил всю обойму в его убийцу. Не попал, кажется.

Сунув пистолет в карман, я бросился к Саше, упал на колени, повернул его на спину. Он дышал, слава всем богам! Лицо было заляпано грязью, попавшую в рот он выплевывал.

- Вовка, больно так... - выдохнул он.

- Не ной! - как можно спокойнее сказал я, хотя мне хотелось трясти его, балбеса, и орать. - Куда попало?

- В живот...

- Это ерунда. От дырки в животе еще никто не умирал.

Он дышал так часто и тяжело, что мне стало страшно. Не выдержав, я все-таки крикнул:

- Ты не вздумай мне тут подыхать! Я что, опять перед Ленкой должен отмазываться!

- Да не ори... Я не собираюсь... Лучше «скорую» вызови...

Я подскочил сразу. Черт, что же я, в самом деле?... Переключил канал на радиостанции на частоту дежурной части, нажал кнопку вызова:

- Лидер, Лидер - Мастеру. Лидер - Мастеру.

Дежурка откликнулась сразу, голос дежурного звучал несколько удивленно. Он узнал позывной отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и, зная, что мы почти никогда на их волну не залезаем, понял, что что-то случилось:

- Слушаю тебя, Мастер.

- Вызови «скорую». Срочно! Нашего подстрелили. Нахожусь во дворе дома семьдесят три по

Пионерской.

- Понял. Во дворе дома семьдесят три по Пионерской. Жди.

Снова сел рядом с Сашей.

- Ты как?

- Больно... А где все наши?

- Понятия не имею.

Словно услышав мои слова, из-за угла появились трое оперативников.

- Вы где были? - накинулся я на них.

- Отдыхали! - огрызнулся Головин, потирая затылок. - Что с Шуриком?..

Минуты через три вдалеке послышались завывания сирены скорой помощи.

*Начальнику ОБНОН г.Благовещенска
майору милиции Брюханову Е.С.*

Рапорт

Настоящим докладываю, что со 2 на 3 июля 2008 года, я, старший лейтенант милиции Ставцев В.А., при содействии старшего л-та милиции Новикова А.И., л-та милиции Самойлова Е.Б., л-та милиции Шматка А.А., л-та милиции Антеева С.Л., мл. л-та милиции Шутенко Г.В., л-та милиции Головина Р.Е., проводил операцию по задержанию торговцев наркотиками Саакяна А.М. и Саакяна М.М. В результате применения подслушивающего устройства МШПУ-19 было выяснено, что вместе с ними, по адресу ул.Пионерская, 73А, кв.9, находился гражданин Ахмадеев Р.Р. Прослушивание квартиры, в которой находились вышеперечисленные лица, велось с 19-10 и до 01-40. В этот промежуток времени подозреваемые Саакян А.М., Саакян М.М. и Ахмадеев Р.Р. находились в квартире и, ожидая поставщиков, играли в карты. В 01-20 в кв.9 пришел мужчина лет 30-ти. Постучавшись, он сказал, что пришел от Игоря. Гражданин Саакян М.М. открыл дверь и впустил пришедшего.

До этого момента писание рапорта мне еще удавалось, более менее. Но дальше... Мне просто в голову не приходило, как доступно для начальника изложить все происшедшее на бумагу. Тем более, что я всегда неважно писал рапорта. Этим почти всегда занимался Саша.

Как он сейчас? Врачи ничего не обещают - говорят, кризис еще не миновал. Как только носилки с ним занесли в холл лечебницы, он потерял сознание. Я звонил в приемный покой минут десять назад, но там односложно, как и час, и два назад, отвечали:

- Состояние нестабильное. В сознание не приходил.

Если он умрет, я все вверх дном переверну, но найду того, кто в него стрелял. Найду и убью. И пусть меня потом выгоняют из органов, хоть под суд пускай отдадут, но я это сделаю. Это, конечно, не вернет Сашку...

«О чем ты думаешь!» - вдруг зло оборвал я сам себя. Что за сопли? Ведь Сашка пока не умер. И не умрет! И нечего его раньше времени хоронить! Он обязательно поправится! Просто обязан! Ведь как же я без него?..

Вообще, все, что произошло вчера, то есть сегодня ночью, за версту разило фантастикой. Причем не самой толковой. Я до сих пор не мог поверить в то, что произошло. Казалось невероятным, что один (!) неизвестный мужчина свободно входит в обложенную операми квартиру, убивает двоих человек и так же свободно уходит - вырубив пятерых и ранив шестого!

Рома Головин рассказывал потом, не скрывая удивления:

- Мы дверь выбили, орем: - Милиция! Бросить оружие! А в квартире тишина, два трупа в зале, и еще один без сознания. Мы с Серегой все просмотрели, но не нашли никого. А тут - бац! - дверь входная хлопнула! Мы туда. Только дверь открыли и ... Я понятия не имею, как это случилось! Бакс, ну ты знаешь, сколько дури надо, чтобы меня свалить!

- Знаю, знаю... - отвечал я тогда.

- Ну а тут, кто-то из темноты в челюсть мне как въехал - и я, как мешок с г...м упал. Потом еще по башке прилетело - я и отключился.

Примерно то же самое рассказали все участвовавшие в операции. Кинулись брать «гостя» не сломя голову, а как положено - и как-то на кулак налетели. И ведь мужики-то все крепкие, Головин так вообще КМС по рукопашному бою. Как так получилось?

Версия о том, что это работал свой же, только из другой службы, мент, отпала сразу после того, как я еще раз прослушал пленку. Наши так не работают - слишком уж круто. За то, что сотворил «гость», любому менту пришлось бы месяц-другой погрязнуть в отчетах, а потом еще перед судом предстать. И сел бы, как пить дать, сел бы! Если бы был ментом.

Антей (Сергей Антеев) высказал другое мнение. Он сказал, что это могли быть хабаровчане. Те, говорит, часто под ментов мажут. Он даже решил проверить свою догадку и теперь, наверно, тер глаза у экрана компьютера в информационном центре УВД. Я напомнил ему только, что Саакяны на хабаровчан и работали, но он дернул плечом, всякое, мол, бывает, и убежал.

Сам я даже не знал, что и думать. Просто в голову ничего не лезло. Так бывает иногда - надо думать, надо работать, а в голове пустота. И спать вдобавок так охота! А тут рапорт этот писать и еще кучу бумаг. И к «папе» идти. Интересно, а почему он меня не вызывает? Неужели еще не знает? Да ну! Этот все знает.

В дверь кабинета постучали. Вообще-то кабинет - это слишком громко сказано. В помещение на шесть квадратных метров было втиснуто четыре шкафа и два несгораемых сейфа, у которых периодически заклинивало дверки (подарок городской администрации). Неопределенного цвета шторы закрывали окно с решеткой. Примерно раз в месяц обитатели кабинета поднимали вопрос о том, чтобы вернуть шторам первоначальный цвет, но дальше разговоров дело не шло.

- Войдите! - крикнул я, потому что стены кабинета имели прекрасную звукоизоляцию и почти не пропускали звук изнутри. Что и говорить, строить на Руси умели сто лет назад.

Дверь приоткрылась, и показалась голова в цветном платочке, принадлежащая маленькой старушке.

- Участковый Андрей Ильич тут? - спросила она.

- Соседний кабинет, мать.

- Спасибо. - Дверь закрылась.

К этому явлению мы уже привыкли. Почти месяц в здании городского ОБНОНа жили участковые инспектора. У них делали ремонт, и наш «папа» предложил им временно занять четыре пустовавших тогда кабинета. С тех пор и зачастую к нам все знающие и всем недовольные бабушки, кухонные «боксеры» (начальник, ну перебрал я слегка!) и все остальные, желающие помочь, облегчить работу милиции. Сначала нас это забавляло. Потом мы начали уставать, ведь очереди к участковым ого-го какие, а потом перестали обращать на них внимание.

Часы на беленой стене показывали десять минут десятого утра. Это значит, прошло уже (все-го?) больше семи часов с момента окончания злосчастной операции, а я до сих пор не спал. Ничего, не привыкать. Попозже схожу к «уголовникам», у них есть чудный диванчик. Весь отдел им пользуется.

Сейчас стало легче работать, чем раньше. Не то чтобы совсем лафа, — песенка о том, что наша служба и опасна, и трудна, по-прежнему актуальна, — но в сравнении с тем, что творилось до реформы МВД, работать стало много легче. Еще лет двадцать назад (если верить нашим ветеранам) за проваленную операцию я бы ... ой, даже говорить об этом не хочется. Старая система милиции, может быть, и была эффективна в 60 - 80-х годах прошлого века. Тогда юриспруденция даже термина такого не признавала - организованная преступность. В то время сотрудники милиции к оружию даже призрагиваться боялись. Применивший оружие милиционер мог сразу сушить сухари. А зачем его применять? У нас в Советском Союзе преступности нет!

Полегче стало в конце века, в 90-х годах. Признав, что организованная преступность все же существует, государство было вынуждено принять меры по борьбе с ней. Так милиция получила право использовать оружие в трех случаях, а применять его аж в шести! Но сама реформа МВД, та самая, что заставила, наконец-то, преступников бояться милицию, произошла всего семь лет назад, в 2001 году. Ровно год спустя после того, как в президентское кресло сел Александр Лебедь.

Реформа осуществлялась постепенно, в течение двух лет. В первую очередь были приняты меры по увеличению финансирования органов внутренних дел, а также подъему материального уровня сотрудников милиции. Не так что бы очень, но чтобы хватало на нормальную жизнь. Вторым этапом реформы стало широкое освещение всех крупных, а особенно — удачных милицейских операций. Какая-никакая, а все-таки реклама. Со временем перестали ментов за глаза и в лицо козлами называть. Мелочь, а приятно. Кроме того, была проведена основательная чи-

стка органов от людей, в милиции случайных или считающих ее сытной кормушкой. Ужесточились требования к поступающим на службу, теперь по объявлению в газете в милицию не брали. Четвертым и, с моей точки зрения, главным стало расширение полномочий. Стало наконец возможным стрелять подонков, стреляющих в тебя, без угрозы провести лет пять в местах не столь отдаленных.

За прошедшие с момента операции часы мы (то есть я и моя команда) успели сделать многое. Отвезли в больницу Сашу, прослушали и проанализировали записанные разговоры, выделили направление поиска преступника. Кроме того, осмотрев место происшествия, мы обнаружили кое-какие следы: стреляные гильзы, ворсинки ткани верхней одежды преступника и отпечатки пальцев, не принадлежащие ни торговцам наркотиками, ни хозяину квартиры. Стреляные гильзы, ворсинки и отпечатки я уже отдал эксперту-криминалисту, стоящему в наряде в следственно-оперативной группе. Он мой старый друг, обещал получить результаты исследований как можно раньше.

Еще я послал двух сотрудников, из тех, что участвовали в операции и немного рассмотрели подозреваемого, осуществлять слежку по адресу, который Агас Саакян сообщил незадолго до смерти. Двое других оперативников сейчас занимались Мухтаром, гласными и негласными способами получая у него информацию. А я, как непосредственный руководитель операции, сидел в кабинете, сочинял рапорт и боролся со сном.

Раздалась приятная трель. Я улыбнулся и опустил голову еще ниже. Звук повторился, такой мелодичный, ласковый... Я дернулся и открыл глаза только тогда, когда заговорил ящик моего стола. Еще через секунду я понял, что говорит не ящик, а лежащая в нем рация.

- Мастер, Мастер, я - Сигма! Прием!

Я выдвинул ящик и взял рацию.

- Слушаю тебя, Сигма. Я Мастер.

- Мастер! По-моему, пришел «гость».

Ладони у меня сразу вспотели.

- Что он делает?

- Вроде осматривается. Ходит под окнами, в подвалы заглядывает.

- К объекту еще не подходил?

- Нет, он только подъехал. Машину за углом оставил. Синий помятый «Москвич»-7125. Госномера не видно.

- Молодцы! Вас не спалил?

- Та мы ж аккуратненько, командир.

- Не высовывайтесь и не геройствуйте. Я выезжаю.

Забыв про недописанный рапорт, я накинул сырой, не успевший просохнуть плащ (дождь все еще продолжал моросить) и выскочил из кабинета. Слетев со второго этажа на первый, я заскочил в дежурную часть и громко выдохнул:

- Машина есть?

Дежурный по разбору с доставленными Паша Мацкан и пьяный гражданин, которого он в данный момент досматривал «на предмет колющего, режущего и огнестрельного оружия»,

гупо уставились на меня, а Федор Григорьевич, оперативный дежурный с многолетним стажем работы, сразу все понял:

- Возьми дежурную. Водителю скажи, что я разрешил.

- Спасибо, Федор Григорьевич! - я благодарно взглянул на седеющего майора и покинул дежурную часть. На ходу уже говорил в рацию:

- Что он сейчас делает?

- То же самое.

- Держите со мной связь. Я хочу знать каждый его шаг.

Дежурная машина, потрепанный жизнью джип отечественного производства, стояла во внутреннем дворе райотдела. Я запрыгнул на переднее сиденье. Хлопнув дверью, разбудил водителя и, сообщив ему адрес, добавил:

- Григорич дал добро!

Только после этого водитель согласно кивнул, завел машину и тронулся.

Путь от райотдела до микрорайона занял всего десять минут. Видимо, зря я грешил на неказистый вид джипа. Он хоть скрипел и трясся так, будто хотел развалиться, но скорость тем не менее развил приличную. Помогли еще и включенные мигалки: увидев или услышав их, водители прижимали свои авто к обочине, пропуская нас. Только выйдя на Игнатьевское шоссе, я попросил шофера выключить сирену: до Институтской, 4 было уже рукой подать.

Не доезжая до места полквартала, я вышел из машины и пошел пешком. По дороге связался с оперативниками, следящими за «гостем».

- Что у вас?

- Пошел к подъезду объекта. Что делать?

- Пусть зайдет. Как он выглядит?

- Среднего роста, темноволосый, худощавый. Одет в черную куртку средней длины и темные брюки. На шее белый шарфик.

- Пижон! Хорошо, отрежьте пути отхода. Если побежит - стрелять по ногам. В рукопашную не вступать. Меня не вызывать.

Завернув во внутренний двор нужного мне дома, я отсчитал второй подъезд и стал подниматься по лестнице.

На площадке первого этажа, у двери с номером 17, стоял человек. Среднего роста, худощавый, темноволосый. Короче говоря - он. Видимо, он только позвонил и теперь ждал, когда ему откроют. Услышав скрип открываемой двери подъезда, он обернулся, скользнул по мне взглядом и снова повернулся к квартирной двери. Но не полностью, а вполоборота, чтобы видеть и дверь, и меня.

«Соображает!» - с невольным уважением отметил я. Поднявшись на две ступеньки, я остановился и стал ожесточенно топтать ногами, сбивая с туфель налипшую грязь. «Гость» снова повернулся ко мне, взгляды наши встретились. Я изобразил на лице полное простодушие и отсутствие плохих намерений. Сказал негромко:

- Погодка, а?

Таким же тоном спрашивают у прохожего, который час. Спрашивающего ведь не интересует

при этом личность прохожего. Вот я и постарался придать своему вопросу ту же интонацию: мол, ты мне и даром не нужен, согласишься только, что погода отвратительная.

Человек цепким взглядом оценил мою внешность и, видимо, не счел меня опасным. Улыбнулся слегка, кивнул:

- Не говорите!..

В это время заскрежетал дверной замок квартиры номер 17. «Гость» на секунду повернулся к двери, лишив меня своего внимания.

В это же время я начал двигаться. Доли секунды вытянулись в минуты. Половину короткого лестничного пролета я преодолел еще до обмена фразами с «гостем», вторую проскочил одним прыжком. Нога моя ступила на площадку и тут же оттолкнулась от бетонного пола, поднимая тело в следующий прыжок. Правая рука выхватила пистолет, левая совершала путь от моего плеча к челюсти противника. Голову я чуть склонил набок и втянул в плечи.

Он обернулся. Рот его открылся, в глазах мелькнуло удивление, и, одновременно со всеми этими произвольными реакциями, левая рука встала в блок. Но он опоздал на мгновение. Моя рука уже «прошла». Описав короткий полукруг, кулак ударил по челюсти «гостя» снизу вверх, а рукоятка пистолета в правой руке опустилась на основание черепа.

Глаза преступника закатились под лоб, ноги подогнулись, и он стал оседать на пол. И тут как раз приоткрылась дверь семнадцатой квартиры. Было несложно придать падению оглушенного человека нужное направление - так, чтобы он приложился головой о деревянную дверь и своим весом распахнул ее.

Время снова вернулось в нормальное русло.

Тело «гостя» с тихим стуком упало в маленькую прихожую - и моему взору явилась такая картина.

Открыв рот, в дверях стоял толстяк в банном халате мягкого розового цвета и с ужасом смотрел на лежащее у его ног тело. Я ткнул ему в лицо дулом пистолета - и его внимание сразу переключилось на меня. Губы его тряслись и никак не хотели преобразовывать мысли в слова.

- Что в-вы хотите? - сумел наконец произнести он.

- Здравствуйте, Артем Сергеевич.

- Э-э, здравствуйте. А-а в-вы...

- А вот это не важно. Отойдите на три шага назад.

Толстяк послушно отошел. Я наклонился, обыскал тело «гостя», забрал у него пистолет толщиной в сантиметр (я такой впервые в жизни видел, а уж оружия-то я навидался), а потом сковал ему руки за спиной. Только после этого я вздохнул спокойно.

И тут же меня скрутил запоздалый страх. Я только теперь осознал, что один пошел задерживать преступника, который без особых усилий расшвырял пятерых моих людей. Что мной двигало? Наверно, чувство мести. Оно заглушило во мне все, даже инстинкт самосохранения. Рассуждай я здраво, то, наверно, обложил бы весь дом офицерами из службы быстрого реаги-

рования. Но ведь я взял его! Ведь взял же!

Я засмеялся. Сначала тихо, давя смех в себе, потом сильнее - и наконец, не сдерживаясь, во всю мощь своих легких, захохотал. Толстяк перепугался еще больше: наверно, он решил, что его посетил сумасшедший - и отступил еще на пару шагов.

Когда припадок смеха миновал, я взглянул повнимательнее на хозяина квартиры. По словам Агаса, этот луноликий старик являлся поставщиком наркотиков, а не верить мертвому армянину у меня причин не было. Под дулом пистолета, да с кусочком свинца в колене, особенно врать не будешь.

У меня было большое искушение прижать толстяка к стенке и выдавить из него всю подноготную об операциях с наркотой, проворачивающихся не без участия Тушенцова Артема Сергеевича. Он бы многое смог рассказать, в этом я почти не сомневался, и полученные сведения вкупе с еще одним подонком, закрытым за решетку, были бы солидным довесочком к схваченному мной злодею. Но все же я не стал этого делать. Не стал гнаться за двумя зайцами.

- Ну что, Артем Сергеевич? - весело спросил я. - Как жизнь-то?

- Что?.. - толстяк вздрогнул от вопроса, как от выстрела. - Хорошо, - торопливо ответил он. Потом спросил: - Вы из милиции?

- Ну что вы, родной мой! - притворно возмутился я. - Разве я похож на милиционера?

Он пристально оглядел меня, изучил каждую морщинку у меня на лице, глянул на руки, будто надеясь обнаружить там наколку - «мент». Я не сомневался, что моя внешность запечатлелась в его памяти, как на фотографии, но на это мне было наплевать. Захочет жаловаться - флаг ему в кулак. Пусть попробует сделать что-нибудь без свидетелей. Я на него потом иск подам в гражданском порядке - за клевету.

Завершив осмотр, Тушенцов посмотрел мне в глаза, но в них, снова заполненных желанием спать, он не нашел ничего, что свидетельствовало бы о моей принадлежности к правоохранительным органам. Я и в самом деле мало походил не то что на сотрудника милиции, но и просто на порядочного человека. Помятый, мокрый, с кругами под глазами и щербатой улыбкой, я больше смахивал на преступника, сбегавшего из колонии. А впрочем, преступники и менты чем-то схожи.

- Кто же вы тогда? - спросил толстяк.

- Я? - переспросил я, будто вопрос можно было отнести к кому-то другому. Наклонился, пощупал пульс на шее у лежащего, а потом обернулся к толстяку и громко прошептал:

- Я маньяк! Убийца! Менты меня так называют! На самом деле я просто выполняю волю Его.

Толстяк отшатнулся, влип в стену спиной, глаза его готовы были выпрыгнуть из глазниц. Наверно, он уже представил себе как минимум десяток способов, которыми я буду отправлять его в мир иной.

- Но пока Он молчит про тебя! Значит, ты еще недостаточно нагрешил на земле. Я ухожу!

С этими словами я нагнулся, чтобы взвалить

себе на плечо тело захваченного преступника, но его там почему-то не оказалось. Я только успел увидеть несущиеся мне в лицо каучуковые подошвы и понял, что столкновение неизбежно. Я даже не смог бы смягчить удар. Подошвы выросли до гигантских размеров, заслонили собой все вокруг, и я так и не смог понять, когда я попал во тьму - до или после удара.

Чья-то рука кралась по моей груди, туда, где во внутреннем кармане куртки я хранил служебное удостоверение, а чуть пониже - пистолет. Я не стал размышлять о принадлежности руки, просто схватил ее за кисть левой рукой, сдавил, а правой ударил туда, где обязана была находиться голова. Одновременно открыл глаза.

В данный момент я лежал на спине. Надо мною нависала розовая туша Тушенцова с моим кулаком, припечатанным к его скуле. Миг спустя сила удара подняла толстяка с колен и отбросила назад. Вслед за этим я поднялся.

На полу поблескивали наручники, которые я надевал на «гостя». Вот ведь гад! Как же это я дал маху?

Я взглянул в зеркало в прихожей. Из него на меня смотрело лицо с отпечатком рисунка двух каучуковых подошв. Под носом подсыхала кровь. В общем, зрелище, граждане, я являл плачевное.

- Куда он делся? - без всякой надежды спросил я у барахтавшегося на полу толстяка.

- Не знаю... Я честно не знаю! - потирая ушибленную скулу, ответил он.

- «Че-е-стно!..» Козел! - рявкнул на него я. Это было совсем не обязательно, толстяк и так был перепуган дальше некуда. Но я ведь человек! Имею я право взорваться, вспылить!

Находиться здесь больше не имело смысла. Преступник убежал, толстяка прижать я не мог - доказательств никаких. Так что пора собирать манатки и топать отсюда. Что я и сделал. Подобрал с пола наручники, развернулся и ушел, оставив испуганного толстяка сидеть на полу.

В подъезде я связался с «наружкой»:

- «Гость» выходил?

- Нет.

- Что - совсем не видели?

- Точно! Мы все подъезды просматриваем.

- Ну хорошо.

«Черт!» - мысленно рявкнул я. - Опять как сквозь землю провалился!

С досады я так пнул входную дверь подъезда, что, отскочив от стены, она чуть не ударила меня по лбу. Мало того, что лягнули в лицо, так еще и дверь туда же! Второй раз я пнул ее много легче и вышел под непрекращающийся нудный дождь.

Лет двадцать пять назад, когда меня еще и на свете не было, климат в Приамурье, говорят, был совсем другой. Зима была, как положено, холодной и морозной, а лето сухим и жарким. Если шел дождь, то такой, что в минуту человек промокал до исподнего. А сейчас? Эта отвратительная слякоть, которую и дождем-то назвать стыдно. Мелкий дождь льет два из трех

летних месяца, да еще и всю осень до наступления морозов. Ученые заявляют, что это связано с глобальным потеплением, мол, ледники тают, больше влаги входит в непрерывный круговорот воды и что-то еще в том же духе. Но я, да и все амурчане, знаю, что все гадости погоды творятся из-за Свободненского космодрома, многочисленных ГЭС и АЭС.

На улице я снова запросил оперативников.

- Сигма - Мастеру.

- Слушаю.

- Наблюдение снять. Выдвигаемся к месту.

- Понял. Ты как?

- Нормально. Я своим ходом доберусь

Прочесывать район не имело смысла - преступник уже давно покинул его. И машина, на которой он сюда приехал, я более чем уверен, стояла там, где он ее оставил. Она не принадлежала ему: наверное, свежеегнанная.

А парня я зауважал. Ненавидеть не перестал, но зауважал. Мне нравилась его тактика, как он ловко выкручивался из трудных ситуаций. Как высокопарно это ни звучало, но во всех его действиях чувствовался почерк мастера. И хоть он причинил мне, моим друзьям и коллегам кучу неприятностей, и хоть уважать преступника я не имел права, но все же он стоил уважения.

В отделе, едва поднявшись на второй этаж, я столкнулся с Ирой, красивой брюнеткой из паспортно-визовой службы.

- Володя! - с заговорщическим видом она поманила меня к себе. Мне не хотелось сейчас ни с кем разговаривать, но грубить женщине все же не стал - подошел.

- Евгений Сергеевич рвет и мечет! - громким шепотом сообщила она. По всей вероятности, она считала, что эта информация имела гриф секретности. Во всяком случае, это было написано у нее на лице. Я хотел кивнуть и идти дальше, но тут во мне проснулся оперативник, и я, неожиданно для себя, выпучив глаза, спросил:

- Да ты что?

- Да! Говорят о твоей провалившейся операции... - Слово «провалившейся» Ира особо выделила. - Стало известно в областном УВД. Вроде даже Абдулов тебя на ковер потащит.

- Ого!

- Вот тебе и «ого»! Как Саша-то?

- Выживет.

- Кошмар! Его в живот ранило?

Я кивнул.

- Я читала, что от ран в живот в семидесяти процентах выживают. Тогда вон, помнишь, Белоусова ранили? Тоже в живот! Но ведь он...

- Ирочка, ты меня прости, но мне пора бежать! - прервал я ее воспоминания. Женщины - очаровательные существа, без них жизнь не имела бы смысла. Но в милиции им делать нечего!

Свой кабинет я миновал и сразу направился к двери начальника ОБНОНа. Хоть я еще и не слышал, что он меня вызывал, но не выгонит же он! Да и сидеть, ждать вызова на ковер я не хотел. Как сказал умный индеец Чингачгук, - ожидание смерти хуже самой смерти.

Пластиковые панели, прячущие выдавшие виды столетние стены. Нарядные шторы, за ко-

торыми не заметны обязательные решетки. Пол, покрытый зашарканным линолеумом. Большой канцелярский стол, кресло на вертящейся ножке. Все это я видел уже тысячу раз и каждый раз, в зависимости от состояния души, видел по-разному. «Папу», или начальника городского ОБНОНа, я тоже часто видел, но радости от встреч с ним никогда не испытывал.

Все люди так или иначе похожи на животных. Стоит только присмотреться, и сразу становится понятно, кто перед тобой. Этот кот, этот свинья, этот смахивает на утку. Так вот, Евгений Сергеевич походил на волка. Но не на того, что можно увидеть в лесу или в зоопарке. Его лицо всегда напоминало мне мультипликационного волка из старого-престарого мультфильма «Ну, погоди!». Не знаю чем именно, даже не буду пытаться объяснять, просто напоминал и все тут.

Когда я вошел, он поднял голову, оглядел меня, мокрого и небритого, снова опустил глаза в раскрытую папку. Проговорил не глядя:

- Ну входи, Ставцев.

Ишь ты! Ставцев! Как «висяк» раскрыть или работать без выходов, будто ишак, - так Володя! А как злодея упустил, так сразу Ставцев! Хотя он прав, конечно. Упустил преступника, располагая шестью людьми! Хорош, нечего сказать.

Без разрешения я сел напротив начальника и положил ногу на ногу. Когда тебя собираются, мягко говоря, ругать, то лучше, по возможности, выбрать положение поудобнее. А стоять перед командиром я не могу - начинаю с ноги на ногу переминаться, руки не знаю куда деть. И ладони влажные, как у нашкодившего мальчишки.

- Ну рассказывай, Ставцев! - шеф поднял глаза.

- Обо всем происшедшем я доложу в рапорте, который представлю сегодня в восемнадцать ноль-ноль! - на одном дыхании оттарабанил я.

Брюханов не возмутился (хотя мог бы). Он просто вздохнул, откинулся на спинку кресла:

- Я бы хотел услышать это от тебя лично.

Я удивился: в голосе Евгения Сергеевича прозвучали человеческие нотки. Наверное, поэтому я ответил совсем по-детски:

- Вы же все равно все знаете.

- Да, я уже читал рапорта твоих соратников, - при слове «соратников» он усмехнулся. Я кивнул. Об этом я догадывался.

- И все-таки мне интересно услышать твою версию. - Брюханов произнес это почти просительно.

Я удивился еще больше. Что с ним? Заболел никак?

Тот, кто знал моего начальника хоть в половину так же хорошо, как я, тоже удивился бы странному его поведению. В таких случаях он обычно яростно допытывался - «каким образом вы, оперуполномоченный отдела по борьбе с наркотиками, упустили из-под носа преступника?!». Или просто кричал бы, обещая провинившемуся все кары, предусмотренные дисциплинарным уставом ОВД. А теперь, без достаточно

понятных объяснений, вел себя удивительно спокойно и даже намекал на возможность удачного исхода.

Поэтому я стал рассказывать все от начала до конца и без всяких прикрас. Слушал он внимательно, иногда переспрашивал. Когда я закончил, он почесал начавшую лысеть голову и, глядя куда-то в сторону, сказал:

- В том, что произошло, твоей прямой вины нет. Ты человек и не мог учесть всего. Тут вмешался непредвиденный фактор. Если бы разобрался с тобой только я, то, скорее всего, ограничился бы замечанием. Устным. Но, кроме меня, с тобой желает побеседовать Абдулов - до него уже дошла весть о твоих подвигах. Скорее всего, тебе влепят «неполное служебное», как старшему.

- Да Бог с ним, с неполным служебным! - ответил я, доведенный добротой шефа до неприличной разговорчивости. - Лишь бы Новиков выкарабкался.

- Да, - Брюханов кивнул. - Что касается твоего наказания, я думаю, месяца через три мы его «замажем» какой-нибудь благодарностью.

Если раньше, в начале нашего разговора, я думал, что «папа» просто слегка не в себе, то теперь я решил твердо - он сошел с ума. Раньше у него не наблюдалось припадков милосердия.

- Так мне когда к Абдулову-то ехать? - спросил я. Если бы Брюханов сказал: сначала, мол, отоспись, потом я тебе машинку выделю да и съездишь, я бы окончательно уверился в душевной болезни начальника. Но он ответил:

- Сейчас. Он тебя немедленно требовал.

- А...

- А машин нет! Все работают. Пешком сходишь.

Из кабинета Брюханова я вышел с чувством, что он еще не окончательно потерял для общества как начальник.

Я стоял, в прямом смысле, на ковре, напротив окна. За ним открывался чудный вид - мокрые крыши домов, качающиеся кроны тополей. Сквозь них проглядывала площадь Ленина. Там уже вовсю шла подготовка к столетнему юбилею города. Плотники сколачивали какие-то помосты, ветер с большим запозданием доносил звук их молотков.

Я усмехнулся про себя: «Что, мужики, для вас праздник тоже, как для лошади свадьба».

Оттого, что в праздничные дни кто-то, кроме меня, работает, на душе становилось теплее.

Голос начальника областного ОБНОА вернулся меня к моим болячкам.

- А вы отдавали себе отчет, что проведение таким образом оперативно-розыскных мероприятий может привести к определенным последствиям?

- Так точно, господин полковник! - ответил я. - Но мной были приняты все необходимые меры личной безопасности.

- А результаты?

- Вмешался непредвиденный фактор, господин полковник!

- Что значит непредвиденный? Вы должны были учесть все факторы.

Я кивнул. Я мог бы пуститься в объяснения, но смысла в этом было немного. Абдулов, может быть, и принял бы мои доводы к сведению, но от наказания это меня вряд ли спасло бы. Поэтому я сделал лицо «а-ля Иванушка-дурачок», виновато опустил глаза и молча слушал разнос.

В кабинете начальника ОБНОА Амурской области я находился уже более двадцати минут, и он до сих пор не мог избрать для меня наказание. Начальник он был новый, на должность сел всего месяца три назад. Говорили, что его перевели откуда-то из Мурманска, с кресла заместителя по службе начальника городского управления. Может быть, на старой должности он и был на месте. Может быть, прослужив побольше здесь, он вникнет в специфику нашей работы, но сейчас с ним трудно было найти общий язык.

- Ну и как мы решим? - по конец своей гневной речи спросил Абдулов.

Без всякой надежды я предложил:

- Исправлюсь?

Он посмотрел на меня очень внимательно, хотел, наверно, узнать, серьезно ли я говорю или шучу так. Не знаю, что он увидел, но его ответ удивил меня до крайности.

- Ладно. Я здесь человек новый, не во всем еще разбираюсь. Идите пока. Работайте.

- Есть, - оторопело ответил я и вышел.

Видимо, весь сегодняшний день мне предстоит менять свое мнение о людях. Сначала Брюханов, теперь еще и Абдулов. Что это с ними творится? Погода, что ли, влияет? Или заболели? А может, у меня появился, как и положено у всех людей, какой-нибудь ангел-хранитель?

Петляя по запутанным коридорам, проходам и лестницам областного УВД, я наткнулся на бывшего своего одноклассника, а ныне оперуполномоченного УР по особо важным делам, Колю Михалова. Увидев меня, он развел руки в стороны и пошел мне навстречу.

- Бакс! Здорово! Ты что не заходишь? Зазнался?

Бакс - это мое прозвище. Получил я его почти с первых дней работы в милиции, и приклеил его мне именно Михалов. Мы оба начинали в УР, и была у меня, молодого балабола, привычка в ответ на «спасибо» за оказанную услугу говорить не «пожалуйста», а «пять баксов». А Коля всегда умел поддеть. Раз назвал меня Баксом, все присутствующие рухнули от хохота, и с тех пор это прозвище крепко ко мне прилипло.

- Здорово, важняк! - я обнял старого друга, хлопнул его по плечу. - Как ты?

- Лучше всех! - сказал Коля. - Пойдем ко мне, чаю вмажем, поболтаем.

- А у тебя кушетка есть? Или диван?

- Есть. Что, спать хочешь?

В кабинете Коля включил красивый электрочайник и пальцем указал на нечто среднее между кушеткой и тюремными нарами.

- Здесь поспишь. А теперь рассказывай, какие

подвиги довели тебя до грани истощения. Может, помогу чем.

Я прилег на кушетку и сказал:

- Саню Новикова сегодня ночью подстрелили.

-Что-о? Насмерть?

- Я же сказал - подстрелили, а не убили. В живот ранили.

- Фу ты! Ну и как он?

- Час назад звонил - сказали, положение серьезное, но уже стабилизировалось. Выживет.

- Пусть только попробует не выжить! На том свете найду и морду набью.

Я улыбнулся, представив, как маленький узкоплечий Коля подпрыгивает, пытаюсь набить морду почти двухметровому Саше Новикову.

- Только лестницу не забудь, — посоветовал я ему.

- Что?.. Да пошел ты! - засмеялся Михалов. - Давай, рассказывай, почему длинного не уберег.

- А ты погоняйся за этой жердей! У него ж один шаг, что мои три.

- А за кем вы гнались?

Пока я рассказывал, вскипел чайник, и Коля налил нам кофе. Так что, заканчивая рассказ, я уже манипулировал большой фарфоровой кружкой.

- Он лежит, еле дышит. А меня оторопь взяла, сел рядом с ним, как дурак. Другой бы кто был - я бы враз «скорую» вызвал. А с Саней растерялся что-то. Так бы и сидел, если бы он меня сам в чувство не привел.

- А злодей что, убежал?

- Ну! Пятерых оперов раскидал, как сопливых щенков, и смылся.

- С концами?

- Не... - я прихлебнул горячий напиток и на несколько секунд замолчал, наслаждаясь растекающимся по телу теплом. - Он когда армян коллол, один адресочек они ему назвали. Я туда поставил ребят. Он пришел - они меня вызвали. Я приехал, его скрутил...

- Стоп. Один скрутил? - перебил Михалов. - Ты же говорил, что он пятерых оперов уложил. Как же ты его один?

- Повезло. Эффект неожиданности сработал.

- Ну ладно, дальше что?

- Да ничего! Я ему браслеты надел, в хату к толстяку впихнул...

- К какому толстяку?

- Ты меня перебивать будешь или слушать?! - возмутился я. - К тому, к которому он приехал, к какому еще!

- Хорошо. Я просто хочу все понять. Продолжай.

- Продолжать нечего. Эта курва, ну, задержанный, в смысле, умудрился лягнуть меня в лицо ногами.

- Я-то думаю, что это у тебя рожа помята?

- Коля!

- Молчу! Прости.

- Я, значит, сознание потерял, крепко он меня приложил, а когда я в себя пришел - его уже след простыл. Главню, сволочь такая, забрал свою пушку, а наручники мои оставил. Кстати, ствол

у него интересный, никогда таких не видел.

- Да? - оживился Коля. Оружие он любил. - Как выглядит?

- Почти как ППО,* только узкий такой - не больше сантиметра толщиной. И ствол подлинней раза в полтора.

- Да ты что? - воскликнул Михалов - и замолчал.

- В чем дело, Коля? - спросил я, когда в молчании прошла минута.

Он поднял голову и улыбнулся. Только как-то грустно.

- Я, кажется, знаю, с кем ты сцепился.

- С кем?

- С гэбэшниками.

- Да пошел ты! - я даже с кушетки встал. - Чего им тут делать-то?

- Они найдут.

- Не — ты серьезно?

- Да уж куда серьезней, Вовочка.

Я снова опустился на кушетку... Гэбэшники! Так вот почему вы были такие добрые и задумчивые, мои начальнички...

Грустно усмехнувшись, Михалов сказал:

- Забудь это дело, Бакс. Занимайся наркотой, лови этих мудаков, что детей на иглу садят, но не лезь на ГБ.

Я некоторое время переваривал информацию. Какая-то часть меня кричала, вопила просто: «Сделай, как он говорит! Не лезь под пресс!», а вторая упрямо противоречила первой. Победило, как обычно, упрямство.

- Не могу, Колек. Он в Сашку стрелял.

- Но он же жив!

- Все равно!

Михалов вздохнул, покачал головой: идиот, мол. Однако он по опыту знал, что упрямство мое дубиной не перешибешь, если решил чего, то вперед.

- Коля, — просящим тоном произнес я. - В школе же вместе учились, водку вместе пробовали...

- И не думай! - он сразу понял, куда я клоню.

- Ты что, совсем рехнулся?

- Но у тебя же доступ есть.

- Бакс, не гони! Я тебя прошу.

- Это я тебя прошу. Найди мне все про этого гэбэшника.

- Нет!

- Коля!

- Нет!

- Пожалуйста!

- Нет!

- Ты мне друг? Или...

- Друг! Потому и «нет», что друг!

- Или помоги мне, или я уйду.

- Вовка, ну грохнут же тебя, балбеса! Куда ты лезешь!

- Значит, да?

Он махнул рукой - горбатого могила исправит.

- Ложись спи. Я пока поинтересуюсь.

* ППО - пистолет-пулемет облегченный, стоит на вооружении у оперативных работников. Его очень удобно носить под одеждой.

- Ура! Колька, ты чудо! Я тебя на свадьбу приглашу.

- Ага. Сначала найди такую дуру. Спи. Я пошел.

Он вышел из кабинета, что-то бормоча себе под нос. Хотя я и не расслышал слов, но мог бы точь-в-точь повторить все, что он пробубнил. От таких леденящих кровь угроз испугался бы даже я. При одном условии - если бы не хотел спать. А кушетка казалась такой мягкой. Погружаясь в сон, я подумал: «Хорошо иметь друзей».

Я проснулся без пятнадцати восемь вечера, и вовсе не оттого, что выспался. Просто от долгого лежания на твердой, как тюремные нары, кушетке у меня затек бок.

Кряхтя со сна, я поднялся с кушетки, взял кружку с недопитым кофе и одним глотком опорожнил ее. Холодная жидкость ухнула в желудок, и тот сразу отозвался голодным урчанием.

Я не надеялся, что в кабинете у Михалова окажется что-то съестное, но все же произвел тщательный осмотр шкафов и выдвижных ящиков письменного стола. Результаты осмотра не радовали - ни заныканного от глаз начальства бутерброда, ни китайской лапши. Только банка растворимого кофе и сахар.

Тогда я взялся за исследование своих карманов и - о чудо! - обнаружил там три монеты по пять рублей. Мозг сразу проанализировал цены на сегодняшний день, сопоставил их с моей платежеспособностью и выдал ответ - пачка сосисок и булка хлеба. Не бог весть что, но выбирать не приходится. Однако мозг дал поправку - кончились сигареты. Значит, полбулки хлеба.

Уходя, я оставил на столе записку, где, кроме «спасибо за кофе и кушетку», записал позывной моей радиостанции. Подумав, добавил: «Будет что по моему злодею - сообщи немедленно!».

На улице меня ждал маленький сюрприз - у дверей УВД стоял наш, ОБНОНовский, «УАЗ». Красный, в нарушение всех правил затонированный, с тройным меняющимся номером и невыспавшимся водителем. Я быстренько запрыгнул на заднее сидение и хлопнул водителя по плечу.

- Здорово, Юрок!

- О-о, Бакс! Здорово! А ты куда пропал? Тебя что-то «папа» искал.

- Я, Юрочка, находился в этом милом моему сердцу здании по важным неотложным служебным делам!

- Ага! Пробрался к знакомым и дрых без задних ног.

- Сударь, вы меня оскорбляете! - изображая возмущение, воскликнул я.

- На дуэль вызовешь?

- Хуже. Я заставлю тебя везти меня к ближайшему продовольственному магазину!

- Нет! Только не это!

- Увы, сударь. Иначе не смыть то страшное оскорбление, которое вы мне нанесли. Ты, кстати, кого привез-то?

- Большакова.

- Прекрасно. Михалыч свой человек, он пой-

мет твое безвыходное положение и простит.

- У тебя деньги-то есть? - осведомился Юра, заводя машину. - Или опять займы давать?

- Нет, вы просто нахал, друг мой! Мы не говорим с вами и пяти минут, а вы уже дважды оскорбили меня! Да может ли случиться, что у опера в девятом поколении не было бы денег?!

- Может, - водитель вырулил на дорогу. - Ты мне до сих пор на полтинник висишь.

- Так это когда было! Тогда я случайно был на мели...

- ...что случается у тебя довольно часто! - вставил Юра.

- ...что является следствием напряженнейшего графика работы!

- Ну ты вентилятор! - хмыкнул Юра. - Язык без костей!

«УАЗ» остановился напротив большого стеклянного магазина с экзотическим названием «Али-Баба». Здесь были очень низкие цены, и по этой причине я и еще многие ребята из отдела являлись здесь постоянными клиентами. За кассовым аппаратом со скучающим видом стояла невысокого роста девушка в красном фартуке.

- Здравствуй, Оленька! Как торговля?

- Володя! Привет! Что-то тебя давно не было. Забыл про нас?

- Ну, что ты говоришь. Я даже во сне вас вспоминаю. А чаще всех мне снишься ты. Вот как сейчас вижу - стоим мы с тобой в большом зале, вокруг много людей, звучит торжественная музыка. Ты одета в свадебное платье, в руках у тебя букет красных роз, а я рядом стою во фраке, чисто выбритый, красивый до неприличия. Потом кто-то говорит: «Подойдите!». Мы с тобой идем, кто-то впереди нас идет тоже...

- Тебе что, наша свадьба снилась? - в предвкушении ответа девушка залилась румянцем.

- Да нет! - ответил я. - Мы с тобой свидетелями были.

- Какой ты, Вовка, - шутливо-обиженно протянула Оля.

- Ну прости меня, красавица! Хочешь на колени встану и куплю у тебя чего?

- А встанешь? На колени? - недоверчиво спросила продавщица.

- А может, лучше куплю что-нибудь? - поинтересовался я. На колени вставать не хотелось.

- Ну ладно, - великодушно позволила Оля.

- Тогда мне пачку сосисок, полбулки хлеба и пачку «Индейца».

Все перечисленное появилось на прилавке, а деньги проглотила прожорливая пасть аппарата.

- Все? - уточнила девушка.

- Ага, - я сгреб все в кучу и, сказав: - Пока, любовь моя! - пошел к выходу.

- Пока. Ты заходи почаще!

- Оленька, откуда у меня столько денег?

Едва я сел в машину, как Юра спросил:

- Мастер - это ведь твой позывной?

- Да, - я бросил покупки на сидение. - А что?

- Да тебя запрашивали.

- Кто?

- 227. Это, по-моему, кто-то из сыщиков уп-

равления.

- Я знаю. Поехали к управе. Михалыч, наверно, заждался.

- 227, ответь Мастеру! - проговорил я в рацию, когда мы подъехали к зданию УВД.

- 227 слушает, - тотчас раздался ответ.

- Я стою у управления, у центрального входа. Выходи.

- Жди. - И рация замолчала.

Спустя минуту из дверей, чуть не сбив входящую женщину, пулей вылетел Михалов. Открыв дверь «УАЗа», сказал коротко:

- Выходи.

Я послушно, словно солдат-новобранец, выпрыгнул из машины. Коля схватил меня за рукав и без слов потащил в сторону Милицейского переулка. По пути сунул мне в руку ключи от машины.

- Садись в мою машину и летишь на КПП. Адрес - Пионерская, 271. Там есть стройка. За ней пустырь. Сейчас там должна осуществиться продажа большой партии наркоты. Гэбэшник твой поехал туда. Извини, поехать с тобой не мог - к начальнику УВД на ковер иду. У тебя ствол есть?

- Конечно. - Я был, скажем, несколько ошарашен мощным потоком информации. Михалов тем временем вынул из кобуры под пиджаком свой пистолет и протянул мне:

- Держи. Мало ли что. Все-таки лишний магазин. Только не потеряй.

- Да ладно. Ты важняк - отмажешься.

Коля хохотнул:

- На рожон не лезь. А то я тебя знаю.

Мы остановились возле его золотистой «тридцатьпятки». Он протянул мне руку.

- Ни пуха...

- К черту!

- Еще одно. Никого в это дело не впутывай.

- Понял. - Я открыл дверь, прыгнул за руль и включил зажигание. Оно, словно понимая необходимость спешки, завело двигатель. Коля отошел только на пару шагов, когда я уже рванул с места, пугая машины сиреной на присоске.

Вообще-то водитель я средненький. Ездить могу, но в экстремальных ситуациях почему-то теряюсь. На моем счету было уже две разбитых служебных машины, и я полагал, что старенький «жигуленок» тридцать пятой модели станет третьим. Однако, в этот раз я ошибся. Боги, или кто-нибудь еще, хранили меня сегодня. Я гнал, не обращая внимания на возмущенные красные глаза светофоров и пронзительные гудки уступающих дорогу автомобилей. Счетчик на спидометре неутомимо накручивал метраж, зеленые кроны деревьев сливались в размытые пятна, асфальт, покрытый выступами и выбоинами, казался гладким, как новенький.

Впереди замаячил гаишник, размахивающий жезлом, что самурай мечом. Его лицо произвольно врезалось мне в память. Так бывает, когда просыпаешься утром, услышишь популярный незамысловатый мотивчик и целый день, проклиная композитора, его написавшего, пытаешься выкинуть его из головы.

Прежде чем доехать до места, я умудрился ми-

новать еще два поста ГАИ. Первый я пролетел наскоком, а вот на втором меня уже ждали. Две фигуры в серой форме раскатывали по дороге резиновую полосу с острыми металлическими шипами - «еж». В голове успела мелькнуть мысль: если я на такой скорости проколю колеса, то мой труп будут долго извлекать из покореженного автомобиля. И как бы быстро ни работал мозг, руки сделали все, что нужно, гораздо быстрее.

Держа руль правой рукой, левой я высунул Колин пистолет и, направив ствол в небо, трижды нажал на спусковой крючок. Гаишники оказались людьми сметливыми. Едва услышав звук выстрелов, они поняли, что ни одна геройски остановленная машина не стоит жизни и здоровья, и, бросив «еж», юркнули на обочину.

Задолго до приезда на Пионерскую, 271 я выключил маячок и сбросил скорость до шестидесяти километров в час. Вскоре в наступающих сумерках показался девятиэтажный дом с жестяной табличкой «271» на фасаде. Оставив машину с торца дома, я, проверив оружие, направился к белешему за домом строящемуся зданию.

Долгострой в России уже давно стали чем-то вроде национального вида спорта. Это, наряду с дураками и дорогами, не изменится никогда. Может меняться власть, изменяться мировоззрение, но страна всегда будет покрыта серыми железобетонными домами без крыш, глядящими на мир пустыми оконными проемами.

Внутри стройки было гораздо темнее, чем на улице. Чтобы не свалиться в какую-нибудь дыру, пришлось немного постоять в темноте. Вспомнились слова штатного психолога: чтобы глаза быстрее адаптировались в темноте, необходимо посмотреть на красный свет. Только где его взять-то?

Минут десять я простоял почти без движения. За это время мои глаза уже могли различить разбросанные по полу кусочки бетонного раствора. Крадясь, как кот, чтобы под ногой не дай Бог не захрустели камешки, я двинулся вверх по лестнице. Про себя считал: «Раз ступенька, два ступенька, три ступенька...». Десять ступенек - пролет, еще десять - этаж.

Таким образом я добрался до второго этажа. Шагнул в помещение, которому суждено когда-нибудь стать комнатой, и от неожиданности даже зажмурился. Через окно в комнату проник свет прожектора, и мне, уже привыкшему к темноте, он показался чуть ли не дневным. Пришлось снова тратить время, на этот раз несомненно меньше, на адаптацию зрения. После этого я выглянул, очень осторожно, в окно. Моему взгляду открылась освещенная прожектором, стоящим на крыше вагончика для рабочих, площадка. У вагончика находилось пять человек. Четверо стояли, разговаривая о чем-то, а пятый лежал, уткнувшись лицом в землю.

Я не увидел лица лежащего, но каким-то образом понял - он! Гэбэшник. Только почему мой непобедимый противник лежит? Убили? Вряд

ли. Скорее, оглушили.

Расстояние не позволяло мне услышать содержание разговора четверки. Только приглушенное бормотание да нечастые взрывы смеха достигали моих ушей. Но мне и не нужно было слушать, что они там говорят. За пять лет работы в ОБНО я уже наслушался этих разговоров. Скорее всего, двое из четверых были продавцами, а другие двое покупателями. Говорили они о товаре, наркотиках, другими словами, о цене и гарантиях.

Будь со мной хотя бы парочка ребят из отдела, я без труда взял бы этих четверых, тем более, что наркоты в спортивной сумке, висящей на плече у одного из продавцов, хватило бы на возбуждение десяти уголовных дел. Но без поддержки я мог только сидеть и наблюдать.

Что-то твердое и холодное коснулось моей кожи между плеч.

- Поднимайся! - приказал стоящий у меня за спиной. Я послушно выполнил команду. Встал и медленно, избегая резких движений, повернулся. Дуло короткоствольного автомата уперлось мне в грудь.

Перед мною стоял невысокий крепыш, лишенный всякой растительности на голове. В руках он держал автомат, предохранитель которого был снят.

- И что мы тут делаем? - спросил он.

- Да что... командир, в туалет хотел сходить, - ответил я. Было очень страшно, особенно когда палец крепыша напрягся на спусковом крючке.

- А что, тут общественный туалет?

- Нет. Ну это... приспичило. Не в штаны же делать!

Палец крепыша снова напрягся.

- Слышь че, командир. Я сейчас уйду, ага? Я же не видел ничего! Все будет ровно, а?

Палец расслабился. Мой пленитель усмехнулся, открыл рот, но сказать ничего не успел. Потому что я ударил.

Левая рука ударила по автомату, уводя в сторону, правая мгновенно напряглась и выстрелила снизу вверх, под подбородок. Удар страшный, за всю свою жизнь я пользовался им два-три раза, да и то бил не в полную силу. Сейчас же я бил вовсю, ведь под угрозой была моя жизнь. Кулак коснулся подбородка, и какое-то время крепыш еще жил. Недолго, какую-то долю секунды. Но за это время он понял все: и то, что я не в туалет зашел, и то, что жизнь закончилась. В следующий миг вся сила, что была в моей руке, откинула голову крепыша назад, раздался неприятный хруст шейных позвонков, и он умер.

Перед смертью он все же успел осложнить жизнь мне. Рефлекторно его палец нажал на спусковой крючок, и тишину стройки разорвала автоматная очередь. Мне даже не надо было смотреть в окно - торговцы и покупатели забыли о сделке и открыли огонь по тому месту, где находился я.

Делать было нечего, пришлось доставать оружие и отстреливаться. Мне повезло, с третьего выстрела я уложил человека со спортивной сумкой. Ликовать по этому поводу было еще рано -

трое оставшихся в живых ответили на мои выстрелы с такой точностью, что осколки бетона, выщербленные пулями, в кровь располосовали мне лицо.

В этой перестрелке я как пить дать не был бы победителем. Как бы хорошо я ни стрелял, рано или поздно торговцы покончили бы со мной. Для этого одному из них надо было продолжать вести огонь снизу, а двое других в это время зашли бы с тыла. И все, мир вашему праху, господин милиционер.

Но ничего подобного не случилось. Снизу по-прежнему стреляли, но к звукам выстрелов добавилось еще кое-что - крики и стоны умирающих. Это длилось какую-нибудь минуту, а затем все затихло. Я не знал, радоваться мне или готовиться отражать нападение с тыла. Черт его знает, что там внизу произошло.

- Эй, начальник! - крикнул кто-то с улицы. - Все в порядке! Кроме меня, тут одни трупы!

Отвечать я не спешил. Переполз к другому окну и осторожно выглянул наружу.

Там, покачиваясь и потирая голову, стоял мой гэбэшник. Опустив оружие и глядя вверх. Рядом с ним лежало тело одного из торговцев. Другие трупы лежали у самого дома.

- Ну вылазь! Не бойся, я не враг тебе!

Я не торопился показываться гэбисту на глаза. Мало ли, что при его содействии я избежал угрозы своей жизни. Это еще не было поводом со слезами радости выбегать ему навстречу. Не стоило забывать о Сашке, лежащем в реанимации, и о моем разбитом лице.

- Ну что ты, долго еще будешь в прятки играть? - снова спросил стоящий внизу человек. - Может, спустишься?

- Как только, так сразу! - ответил я.

- Ты не доверяешь мне?

Надо же какая догадливость!

- Напрасно, - продолжал говорить человек внизу. - Наши пути пересекались - это верно. Признаю даже, что невольно причинил тебе кое-какие неприятности...

Вот этого я не выдержал. Ведь наглость какая!

- Ты моему другу пулю в живот всадил, мать твою! Из-за тебя десять человек не спят уже вторые сутки! Ты мне хорошо подготовленную операцию сорвал! Ты мне всю морду разбил! И после всего этого ты говоришь, что причинил мне кое-какие неприятности?

Какое-то время снизу не доносилось ни звука. Секунду или две я думал, что гэбист воспользовался моей словоохотливостью и теперь заходит мне в тыл. Я уже было бросился менять место дислокации, когда снизу раздался... смех. Сначала тихий, постепенно он усиливался и, в конце концов, стал эхом разноситься по пустому дому.

- Что смешного? - крикнул я. Смех прекратился.

- Я просто вспомнил, как ты приложил меня в микрорайоне. Здорово! Давненько мне не напоминали, что я тоже уязвим.

- Я рад, что тебе понравилось. Если хочешь, мы можем повторить.

- Нет уж, благодарю! Тем более, что во вто-

рой раз я уже не куплюсь на этот трюк. А насчет твоего друга - он ведь тоже стрелял в меня.

- Ты первый! - крикнул я.

- Хорошо, хорошо! Пусть так. Я признаю, что кругом виноват, но все-таки попробуй простить меня. Работа у меня такая.

- Знаем мы вашу работу!

- А вот это вряд ли. Даже твой одноклассник, Михалов Николай, не имеет полного представления о моей работе.

- Ты знаешь его?

- Ведь это он послал тебя сюда?

- Откуда ты... - начал я, но вовремя осекся. Ну, Коля! Ну, хитрец! Ладно, мы поговорим с тобой по возвращении.

- Это я попросил его. Мне надоело, что ты гоняешься за мной, как собака за лисой. Тем более, у тебя это хорошо получалось.

- Я из ОБНОНа! - гордо ответил я. Тем же голосом я говорил давным-давно: «Я из 5-го А!», а восемь лет спустя: «Я из пехоты!». Глупо, конечно, и немного по-детски. Но ведь говорят же, взрослые - это большие дети. Особенно мужчины.

- Там, верно, бездарей не держат, - польстил гэбист.

Я не ответил на эту явную провокацию. Некоторое время мы молчали. Я обдумывал ситуацию и решал, что делать. С одной стороны - у меня не было ни одной причины доверять гэбисту, а с другой - ведь Михалов послал меня. Друг детства все-таки, да и мент к тому же.

- Ну что, ты выходишь? - снова крикнул снизу гэбист. - А то я пойду, у меня дел выше крыши.

- Хорошо, выхожу, - ответил я и, проклиная себя за доверчивость, пошел вниз.

Гэбист, я только в этот раз разглядел его, как следует, был невысоким худощавым человеком лет тридцати. Узкое скуластое лицо, густой короткий волос и глаза хищного зверя. Он глядел как-то исподлобья, снизу вверх, отчего создавалось впечатление своего превосходства над ним. Большой рот с узкими губами доброжелательно улыбнулся. В правой руке он держал пистолет, тот самый, что я забирал у него однажды, - узкий, с длинным стволом и длинной же рукояткой.

- Ну здравствуй, человек из ОБНОНа! - улыбаясь, гэбист протянул мне руку, предварительно переложив пистолет в другую.

- Здравствуй и ты, - ответил я на приветствие, но глаз с пистолета не спускал. Гэбист заметил это, ухмыльнулся и, поставив пистолет на предохранитель, сунул его в наплечную кобуру.

- Теперь давай знакомиться. Я Кузьмин Андрей Анатольевич, советник по государственной безопасности регионального...

- Гэбэшник! - перебил его я.

- Да, именно!

- Ну, а я Ставцев Владимир Сергеевич, оперуполномоченный отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков городского ...

- Мент! - закончил Кузьмин.

- Ага, - я посмотрел на него. Он улыбался, глядя на меня, и я вдруг почувствовал, как мои губы самостоятельно растягиваются в улыбку. Потом я засмеялся басом, а хриплый смех Кузьмина вторил мне. Долго мы так стояли, заливаясь смехом и показывая друг на друга пальцами. Сторонний наблюдатель принял бы нас за парочку подвыпивших друзей, которые шли с веселой вечеринки домой, разговаривали и вдруг, дойдя в обсуждении гулянки до пикантного момента, засмеялись.

Хорошо, если бы так и было. Хорошо, если бы мы действительно были друзьями. Хорошо, если бы Саша Новиков не лежал раненый, а смеялся бы сейчас вместе с нами. Но было не так, как хотелось бы. Кто в этом повинен - Бог или Судьба? Кто виноват, что первый раз в жизни тобой увиденный человек, в общем-то симпатичный тебе, всегда будет если не врагом, то противником?

Мы замолчали.

- Ну и, как мы теперь с тобой будем? - спросил я наконец.

Кузьмин пожал плечами. Почесал затылок и ответил:

- Мне бы не хотелось продолжать игру в «казаки-разбойники». А ты как?

Теперь я пожал плечами. Кузьмин продолжил:

- Мне хотелось бы, чтобы ты помог мне.

- Тебе?! Я?!

- Да.

- После того, как ты чуть не убил...

- О Боже! - гэбист поморщился. Потом вдруг распалился: - Если тебе так хочется отомстить, то почему же ты стоишь и болтаешь со мной? Ну? Вот он я! Стреляй! Что же ты стоишь?

- Да ничего! - сила действия, как известно, порождает силу противодействия. Он кричит, и я буду кричать! - Как мне по-твоему поступить? На шею тебе броситься? Ах ты бедный наш! Это не ты скотина, у тебя работа такая!

- Все. Не ори. - Это было сказано так тихо, что я едва расслышал. И кричать сразу расхотелось.

- Я и не ору. Чем тебе помочь?

- У тебя колеса есть?..

- Зачем? - за долгое время работы в ОБНОНе я уже настолько привык к своеобразному жаргону, что теперь не мог понять - зачем гэбисту понадобились таблетки. Отвык-с от гражданки-то.

- Как зачем? - в свою очередь удивился Кузьмин. - А как мы отсюда уедем? На автобусе?

- А-а!.. Да, машина есть. Недалеко отсюда.

- Ну пошли.

- погоди! Ты говорил о помощи. Какого рода?

- Приедем - расскажу. Пойдем.

Я кивнул и, показывая направление, пошел первым.

Скорость он развил огромную. Я даже не думал, что по городу можно летать так умопомрачительно быстро. Огни ночного Благовещенска - горящие еще окна домов, мертвенно белые пятна фонарей - сливались в светящиеся линии. Когда же Кузьмин, почти не снижая скорость, повернул с Театральной на Горького и резина

колес протестующе закрипела, я испугался, забыв, как меньше часа назад я гнал с не меньшей, если не с большей скоростью.

- Слушай, а потише ты ехать не можешь?

Он улыбнулся, наверное, он думал, что весело, но на самом деле получилось зло, и ответил:

- Я ведь русский!

- Я тоже, но сейчас я думаю о смене гражданства.

- Да брось, скорость-то плевая!

Я еще раз глянул на спидометр - может, я ошибся и скорость, действительно, ерундовая. Однако неподкупная стрелка замерла между ста двадцатью и ста тридцатью километрами. Ну если это левая скорость, то я предпочел бы находиться как можно дальше, когда гэбист развернется на всю необъятную ширь русской души.

- Андрей, - подавляя трусливую дрожь в голосе, проговорил я, - по городу максимально допустимая скорость, да и то не везде, сто километров.

- Да? И что, гаишники нас задержат?

- Ну-у, попытаются, - произнеся это, я опять съезжился на сидении.

- Попытка не пытка, - бросил Кузьмин и изобразил позу гонщика из «сверхскоростного ралли»: голова втянута в плечи и наклонена к рулю, руки выпрямлены, побелевшие пальцы сжимают кожаную оплетку. И улыбочка. Не улыбочка, а звериный оскал. - Пусть попробуют!

- Не надо! - твердо сказал я. - Мне еще с ними связываться не хватало.

- Ты же мент! - удивился Кузьмин.

- Да. Но они не менты. Они гаишники.

- Какая разница? - озадаченно пробормотал гэбист, но скорость все-таки сбросил.

Я не стал объяснять ему разницу между милицией и ГАИ. Он бы не понял. Я, пока еще не работал там, где сейчас, тоже этой разницы не видел. Тогда для меня существовала одна милиция - с белыми ремнями, полосатыми палками, свистками и штрафными талонами. Я презирал их тогда, считал людьми, доброго слова не стоящими. Да и как еще относиться к ним, когда при взмахе регулировочного жезла, неважно, прав ты или виноват, коленки начинали выбивать дробь. Только когда бывший курсант высшей школы милиции Ставцев пришел работать, он понял, что бывает и другая милиция.

Машина свернула на неасфальтированную улицу (в наше время это возможно увидеть только в России) и остановилась наконец-то перед небольшим деревянным домом.

- Ну и куда ты меня привез? - спросил я.

- К себе. Здесь можно и поговорить, и выпаться, и... да все что душе угодно!

- Что ж, - я вышел из автомобиля и, хрустнув костями, потянулся. - Выспаться - это хорошо. Вот еще бы пожрать... У тебя есть, что поесть?

- Пойдем посмотрим.

Внутреннее убранство временной резиденции сотрудника органов государственной безопасности не поразило мое воображение ни богатством, ни вкусом. Стены, оклеенные дешевыми обоями, деревянный пол, протертый от времени, печка и закопченный потолок. Я слышал о богатстве сотрудников секретных служб, но Кузьмин не попадал в их категорию. То ли он предпочитал аскетический образ жизни, то ли рассказы о сказочном финансировании гэбистов были сплошным вымыслом.

- Ничего домишко, - вежливо заметил я.

- Ха, да это дыра, каких еще поискать! - засмеялся Кузьмин. - Ты пить будешь?

- Смотря что.

- Чистая, как слеза...

- Буду.

Кузьмин открыл старый-престарый буфет, извлек оттуда початую бутылку водки и стаканы.

- Закуска в холодильнике.

Я кивнул и достал два блюдца - с солеными огурцами и колбасой. Кузьмин в это время разлил по стаканам водку.

- Ну, приступили, помолясь, - сказал и опрокинул содержимое стакана себе в рот. Я последовал его примеру. Следующая минута ушла на закусывание.

- Еще по одной? - Я отрицательно покачал головой. Я люблю выпить, но зачем так гнать?

- Тогда поговорим, - резюмировал Кузьмин.

- Я просил тебя о помощи на стройке. Так?

Я кивнул.

- Теперь я попробую объяснить, в чем эта помощь заключается. Предупреждаю, если ты не хочешь - говори сейчас. Потом будет поздно.

- Угроза?

- Все нет. Просто на карту поставлено очень многое, и твоя, и моя жизнь - две капли в море, по сравнению с этим. Подумай пока.

И я задумался. Крепко так задумался. Задумался о том, что и так уже четыремя колесами влип в эту историю. Что и так уже поздно давать задний ход. Пожалуй, только движение вперед поможет мне выбраться. А может, и не поможет. Но это не важно. Все равно другого выхода я не видел.

- Это незаконно? - спросил я.

- В какой-то мере да. Но то, чем мы будем с тобой заниматься, направлено на благо людей.

«Благими намерениями...» - подумал я про себя, а вслух произнес:

- Хорошо, я согласен.

- Ну и молодец. Давай еще по пять капель?

- Давай!

Мы снова выпили, закусили. Упавшее настроение поднялось еще на пятьдесят граммов. Окружающий мир стал много лучше, и даже бегущий по стене таракан не вызывал у меня отвращения. Еще раз по пять так же, и я уже буду рассуждать - просто ли так бежал этот таракан или у него был какой-то умысел.

- Ну, рассказывай!

Кузьмин кивнул, дожевывая колбасу и начал:

- В вашем городе я выполняю задание, которое является частью проводимой ГБ операции. Что ты знаешь о криминальном мире Дальнего

Востока?

- Ну ты спросил! Я много чего знаю. А что тебя именно интересует?

- Структура, сфера влияния, авторитеты.

- А-а! Знаю! Рассказать?

- Не надо, я все знаю. Я к тому это спросил, чтобы тебе понятней было. Слушай дальше. Последнее время Брюс - преемник Пуделя стал забирать много власти. Когда его влияние распространялось только на Хабаровский край, моя контора не обращала на него внимания. Существование криминальных авторитетов, подобных Пуделю и Брюсу, неизбежно, но бороться с ними, пока они ограничены пределами края или области, это работа милиции. Успешно вы это делаете или нет - это не мое дело. Однако бывает, что в гениальный мозг авторитета забредает гениальная же идея о расширении сфер своего влияния. Так Пудель пытался подмять под себя, безуспешно, правда, Амурскую область. Теперь его преемник и продолжатель благородного дела Брюс сумел распространить свою власть и на Приамурье, и на Приморский край. Понятное дело, когда пахан Хабаровска поднимается так высоко, это не может не волновать комитет.

- Безусловно, — согласился я.

- Поэтому вводится в действие операция под кодовым названием «Плотина». Это уже не первый случай ее применения, такие случаи были и раньше. Суть операции состоит во внедрении сотрудников ГБ в структуру преступной организации и уничтожении ее изнутри.

- И ты один из тех, кто должен внедриться в организацию? Поэтому ты «прессовал» армян?

Кузьмин улыбнулся:

- А еще говорил - знаем мы вашу работу! Ни хрена ты не знаешь. Ну подумай, стал бы я, внедряясь в преступную организацию, действовать так грубо? Да я же следов наоставлял - меня теперь любая собака найдет!

- Тогда я не понимаю, — в недоумении произнес я.

- Ты слушай, а я все объясню. - Тон у гэбиста был несколько покровительственный, но я не обиделся. Впервые в жизни я столкнулся со структурой гораздо более мощной и хитрой, чем милиция. По сравнению с ее делами, грешки моих наркоманов и торговцев отравой казались детскими проделками. Ведь я по мере возможностей уничтожал следствия, они же боролись с самой причиной.

- Понимаешь, для проведения любой операции создается несколько групп. Есть группа внедрения, группа сбора и обработки информации, группа прикрытия, группа чистки, резервная группа и так далее. Каждая из групп занимается исключительно своей, конкретно поставленной задачей и не лезет на территорию действия других групп. Группа внедрения под легендой «своих людей» проникает в синдикат, группа информации служит связистом группе внедрения, группа прикрытия создает сумятицу во время внедрения агентов, группа чистки - физическое уничтожение преступников. Только в этом случае возможно достижение цели.

- А ты в какой группе? - спросил я.

- Прикрытия. Нас всего четырнадцать человек, и все раскиданы по Дальнему Востоку. Задача у нас простая - отвлекать огонь на себя, пока наши коллеги из группы внедрения проникают в клан Брюса.

- Даже ценой собственной жизни! - попытался пошутить я. Кузьмин не принял шутку и ответил серьезно:

- Даже так. - И я понял сразу, что гэбист не треплется, он в самом деле будет отвлекать внимание на себя, чтобы выполнила свою роль группа внедрения. И если понадобится - умрет. И жаловаться не станет.

- А что требуется от меня? - отступить я тоже не собирался, но все мое существо съезжилось в ожидании ответа. Инстинкт самосохранения, что тут сделаешь.

- Ты хорошо знаешь город. Знаешь, кого надо прижать, чтобы среди «уважаемых» людей поднялась паника. Мне нужно, чтобы поднялась паника. Чтобы все внимание переключили на меня.

- Я тоже должен прижимать «уважаемых» людей?

- Дело твое. Тебя без нужды рисковать я не принуждаю.

Какое-то время мы молчали. Не знаю, о чем думал Кузьмин, а мои мысли носились вокруг вопроса - уволят меня из милиции за такую помощь органам госбезопасности или нет?

- Давай еще по стопочке и на боковую, — оборвал мои размышления Кузьмин. - Завтра надо сделать много дел.

Нужных Кузьмину людей я знал великое множество. Но самых «уважаемых» в городе было трое. Я имею в виду настоящих «тузов», а не псевдо-авторитетов, нахватавших денег и теперь содержащих автостоянки.

Один контролировал всю проституцию в городе, второй осуществлял крупнейшие операции с наркотиками в области, а в увеселительных заведениях третьего отмывались все грязные деньги. Всем бы им самое место в тюрьме, но вот беда - не было доказательств. И продолжали они гулять на свободе, гребя огромные деньги. Поэтому мне стало очень хорошо на душе, когда я назвал их адреса Кузьмину.

Первой жертвой он выбрал Артамонова - держателя массажных кабинетов. Жил тот в районе Зейского моста в маленьком трехэтажном особнячке. Вытащить его из дома, полного охраны, было так же просто, как плюнуть в солнце. Гэбист, однако, заявил, что проблем не возникнет. Что ж, организационные вопросы - это его проблемы.

Полдня Кузьмин где-то пропадавал. В три часа дня он заехал за мной (я по-прежнему отсыпался в его доме) и велел собираться.

- Куда? - спросил я.

- Поехали - увидишь, — и, подмигнув заговорщически, он добавил: — Тебе понравится.

Когда мы приехали к дому Артамонова, там уже стояли две пожарных машины, микроавтобус МЧС и «УАЗ» дежурной части. Какие-то люди с приборами в руках ходили во дворе и, навер-

ное, в доме. Пожарники в брезентовой робе курили у растянутых на земле рукавов пожарных шлангов, а дежурный следователь беседовал с персоналом. Хозяина видно не было.

- Нам сейчас надо попасть в дом и каким-то образом вытащить из него хозяина, — сказал Кузьмин.

- А откуда машины? - почти не слушая его, спросил я.

- Одноклашке твоему позвонил. Сказал, что дом заминирован, и попросил хорошо его проверить. Досконально. Пусть поработают, да нам помогут.

- А Артамонов точно дома?

- Точно.

- Тогда пойдем. - Я вышел из машины и пошел напрямик к следователю. Кузьмин шел за мной.

- Здравствуй. - Следователь был молодой, я знал его не очень хорошо. Так, видел несколько раз в следственном отделе, здоровался. Зато он, похоже, много слышал о первейшем из оперативных служб нарушители порядка и кандидате на увольнение.

- Здорово! Ты чего тут?

- Да так, дела. Ты меня не пропустишь в дом?

- Зачем? - Старый или молодой, а следователь есть следователь.

- Мне Артамонов нужен.

Следователь поднял брови. Специальность Артамонова знали многие.

- Ты же вроде по наркотикам...

- Ну да.

- А чего тогда...

- Спросить кое-что у него надо.

- Ну давай.

Я махнул рукой Кузьмину, приглашая следовать за собой, и направился к особняку. Перед самой дверью дорогу мне преградил плечистый здоровяк в рубашке с короткими рукавами. Я ткнул ему в нос удостоверение:

- Я из розыска. Мне нужно поговорить с Артамоновым.

- Зачем? - совсем, как только что следователь, спросил охранник.

- Поступило заявление, что в доме бомба. Я должен выяснить у Артамонова, есть ли у него враги, которые пойдут на это.

- Хозяин не хочет ни с кем разговаривать!

- Тогда мы сейчас уедем. Вызов мог быть ложным, а может, и нет.

Плечистый нахмурил лоб. Это, видимо, означало, что он думает. Я поставил его перед выбором, и ему это не нравилось. И еще ему не нравилось самому принимать решение. Он целую минуту морщил лоб, даже затылок почесал и, наконец, вынес вердикт:

- Пойдемте, я вас провожу, — и пошел первым, показывая дорогу.

Местом, где находился Артамонов, пока его дом осматривали саперы, оказался расположенный на третьем этаже кабинет. Хотя я бы его так не назвал. В моем понимании кабинет - это помещение со столом, кучей книг и бумаг, другими словами - место для работы. Комната же, куда мы вошли, была на две трети занята огромной

кроватью с резными спинками и шелковыми покрывалами. В третьей части комнаты стояло плетеное кресло-качалка, в котором сидел, курил и смотрел в окно молодежавый, но уже седящий человек. Когда мы вошли, он повернул голову. На лице у него была недовольная гримаса.

- Серж, — мягко произнес человек, — я же просил, чтобы меня не беспокоили.

- Простите, но они сказали, что...

- Юрий Владимирович, я из уголовного розыска, — доставая удостоверение и демонстрируя его, произнес я. - Я хотел поговорить с вами о тех людях, которые подсунили вам бомбу.

На лице у Артамонова возник и разросся большой знак вопроса.

- Как, так вы все-таки нашли бомбу? - совсем не мягко и авторитетно спросил Артамонов. - Это правда?

- Да, в подвале, — ответил я, молясь, чтобы в доме был подвал.

Артамонов всплеснул руками.

- Да как же?! Да кто же это?!

- Вот об этом мне бы и хотелось поговорить с вами. - Помолчав, я выразительно скосил глаза на охранника. Сутенер все понял и жестом руки отпустил здоровяка.

- Иди, Серж. Моя милиция меня бережет! - и нервно хохотнул.

Охранник развернулся и вышел, а в лицо Артамонову уже глядели два металлических ствола. Холодных, вороненых, не ведающих ни сомнений, ни жалости.

- Вы что?! - испуганно спросил Артамонов. - Вы что?!

Ни я, ни Кузьмин не ответили ему. Просто стояли и смотрели куда-то сквозь него. До этого момента все говорил и делал я, но когда из-под одежды были извлечены пистолеты, мне не приходило в голову, что же делать дальше. Я даже покосился на Кузьмина, ну и что дальше, мол. Он кивнул - подожди, и сказал, обращаясь к Артамонову:

- Сейчас ты пойдешь с нами. Не вздумай орать - убью. «Быку» своему скажешь, что поехал в милицию заявление писать. Не ляпни чего-нибудь лишнего. Понял?

Артамонов поспешно кивнул. Правильно, не до спора, когда в лицо два ствола смотрят. Кузьмин же, то ли не поверив его обещанию, то ли на всякий случай, вынул из кармана маленькую ребристую гранату Ф-1, вырвал кольцо и, придерживая флажок, велел сутенеру:

- Повернись.

Если при виде пистолетов Артамонов испугался, то с появлением гранаты его обуял ужас. Едва управляя скачущей челюстью, он спросил:

- З-зачем?

- Повернись, я сказал! - прикрикнул гэбист. Нехотя, с трудом переставляя ватные ноги, Артамонов повиновался. Кузьмин подошел к нему вплотную, сунул гранату в брюки, так, чтобы пояс придавливал флажок, и произнес:

- Резко дернешься - граната упадет прямо в штаны.

- А если она сама упадет? - жалобно спросил

ошалевший от страха сутенер.

- Сама не упадет, — авторитетно заявил Кузьмин. — Пошли!

Вышли из дома мы без приключений. Спокойно спустились с третьего этажа, миновали стоящего у двери телохранителя и подошли к нашей машине. Кузьмин открыл двери, помог сесть Артамонову, завел машину. Я уселся на заднее сидение рядом с сутенером. Посмотрел в окно. Молодой следователь все еще брал показания. Увидев меня, он вскинул брови, спрашивая — ну как? Кивком я ответил ему — все нормально. Он сделал мне ручкой на прощанье, и я ответил ему тем же.

Когда машина тронулась, я сказал Кузьмину:

- Слушай, может, вытащишь у него гранату? А то взлетим все на воздух.

- А если он на ходу из машины выпрыгнет? — улыбаясь бросил Кузьмин.

- Да куда он на хрен с подводной лодки денется! — стволом пистолета я пощекотал Артамонову шею.

- Не будем рисковать, — изрек гэбист.

- Рисковать?! — возмутился я. — А сидя в одной машине с человеком, у которого в штанах граната, мы не рискуем?!

- Граната держится очень плотно, — не терпящим возражений тоном произнес Кузьмин. Подмигнул и добавил:

- Я очень хорошо проверил.

Всю дорогу Артамонов молчал и боялся даже пошевелиться. Я его хорошо понимал, не особо поерзаешь с гранатой у задницы. На каждом повороте машины бедняга упирался всеми конечностями, чтобы, не дай Бог, граната не выскользнула из-за пояса брюк. Признаться, я тоже покрылся холодным потом и про себя проклинал Кузьмина за такую «изобретательность». Случись Артамонову не удержаться, всем нам в этой машине пришел бы конец. Причем совсем не такой, который я планировал. Один только Кузьмин был спокоен, как дохлый лев, сидел себе за рулем и что-то насвистывал. Он вел машину за город, за Зейский мост, чтобы там, на лоне природы, спокойно побеседовать с сутенером.

По приезде на дальний от города берег реки произошла маленькая неприятность, которая чуть не сделала мои волосы седыми, а штаны мокрыми. Кузьмин остановил машину вдалеке от дороги, в гуще карагача. Открыл дверь, вышел, обошел автомобиль и без церемоний выволок Артамонова наружу. Что-то железное звякнуло об кузов, и я сразу понял, что это было.

Граната.

Сердце зашло в бешеном ритме, лоб покрылся испариной, а руки, внезапно потерявшие быструю силу, безуспешно пытались открыть дверь. Я хотел было закричать, но тут понял, что уже ничегошеньки не успею. Не то что из машины выпрыгнуть, но и крикнуть.

Тогда я расслабился и стал ждать взрыва. Умирать жутко не хотелось — это просто глупо в двадцать пять лет, но тратить последние секунды жизни на безуспешную борьбу со смертью было еще более глупо. Оставалось только ждать.

Одна секунда, две, три. Вот сейчас — бах! И

все. И не будет больше хорошего парня по имени Володя. Будет только обезображенное взрывом тело, безжизненный кусок мяса. И ничего-то я не успел в этой жизни: ни дерево посадить, ни дом построить, ни сына вырастить. Провел всю свою короткую жизнь, гоняясь за кем-то, стреляя, ненавидя. Я даже не любил, если только не считать любовью пацанячий бред в шестнадцать лет.

«Никакого следа от тебя на земле не останется!» — с горечью подумал я и закрыл глаза.

Четыре, пять, шесть. Взрыва не было. Семь, восемь, девять. Точно не было! Взрыватель, наверно, бракованный. Или флажок не отошел. Всякое ведь бывает. Десять, одиннадцать, двенадцать. По-моему, пронесло!

Тихо, чтобы машина не покачнулась, я открыл дверь, высунул ноги и рывком выбросил себя из салона. Упал на траву, прикрыл голову руками, затих. Больше минуты так пролежал.

- Ты чего? — спросил Кузьмин, стоя надо мной. — Тошнит?

- Граната... — почему-то шепотом поведал я.

- Что? Где?

- В салоне...

- А-а! Ты об этой! Это учебная. Железка. Прости, забыл тебя предупредить.

- Что?! — взревел я, вскакивая на ноги. — Учебная?!

- Ну-ну. Не кипятись, — Кузьмин, смеясь, отступил на шаг.

- Не кипятись?! — я поднял сжатую в кулак руку. — Я тебе сейчас устрою! Не кипятись! Я чуть в штаны не наделал!

- Прости. Ну вылетело из головы! Собирался тебя предупредить и забыл.

- Забыл он! — буркнул я, остывая. Я по натуре человек вспыльчивый, но отхожу быстро. Тем более, что ничего не случилось. Хотя, по-хорошему, дать бы этому гэбисту. Так, чтобы не забывал больше.

- Так граната что, ненастоящая? — поинтересовался уже пристегнутый к дереву наручниками Артамонов.

- Да, — машинально ответил я.

- Уф. — Тело сутенера обмякло и сползло по стволу.

Кузьмин подскочил к нему, схватил за шиворот и влепил ему хлесткую пощечину. Голова его дернулась, глаза открылись, и он осоловело посмотрел на гэбиста.

- Попробуй мне тут кони кинуть — убью! — не очень понятно пригрозил Кузьмин. — Понял?

- Угу, — кивнул Артамонов.

Что было дальше, рассказывать я не буду. Во-первых, потому что я сам толком не знаю, что там произошло у Кузьмина с Артамоновым. Гэбист попросил меня отойти на полчаса, не вмешиваться. Я, понятное дело, спорить не стал и все это время провел на берегу, любуясь, как Зейя неспешно несет свои волны, да кидая в эти волны камни. А во-вторых, рассказывать об этом нет смысла. Ну поиздевался там гэбист, ну напугал сутенера до мокрого пятна на штанах — гэбисты в этом деле мастера, но что тут интересного?

В общем, когда я вернулся с берега обратно, Артамонов был уже без наручников, но и без одежды - в одних трусах. Дорогой костюм, облитый бензином, догорал в пяти метрах.

- Значит так, — говорил Кузьмин, — до города доберешься сам. И если ты, сука, еще раз мне дорогу перейдешь...

- Что вы, что вы! - замахал руками Артамонов.
- Никогда!

- Или мне на тебя пожалуются - я так церемониться с тобой не буду! - договорил гэбист. И добавил свое неперемное: — Понял?

- Да, да, конечно! Спасибо большое!

- На здоровье! - Кузьмин сел за руль и обратился ко мне:

- Ты едешь?

На второго мы убили целых три дня. Сложность заключалась в том, что у него не было постоянного места жительства. В городе он имел четыре крупных престижных ресторана да несколько небольших баров и в них проводил свою жизнь. Я и Кузьмин потратили кучу денег, точнее тратился Кузьмин, объезжая все эти заведения. Там между стопкой и бифштексом мы исподволь, не привлекая к себе внимания, наводили справки о возможном местонахождении Пономарева.

За эти три дня я успел заскочить в отдел и выпросить у Брюханова неделю отпуска без содержания. Он, скрипя зубами, согласился, но предупредил, что почти весь следующий месяц мне придется работать без выходных. Я засмеялся и напомнил Брюханову, что последние три-четыре месяца я все свое свободное время проводил на диване в уголовном розыске.

Кузьмин часто разговаривал с кем-то по телефону, что-то докладывал, что-то спрашивал. После таких звонков он уезжал, потом появлялся в компании подозрительных, с моей точки зрения, людей. Как я понимал, это были местные сотрудники ФСБ, но, Боже мой, как странно они выглядели. Двое были одеты, как бомжи - грязные, вонючие, зачуханные. Если бы Коля Михалов знал, кто ездит в его машине, он горько бы пожалел, что доверил ее мне.

Фээсбэшники работали на Кузьмина, и именно благодаря им мы узнали, где найти неуловимую вторую жертву. Трое модно одетых молодых людей подъехали к резиденции гэбиста на ярко-красном спортивном автомобиле с дверками, поднимающимися вверх. Развязной походочкой они прошествовали через двор к дому, и я, грешным делом, подумал - все, накрыли нас злодеи.

Но они предъявили удостоверения ФСБ, отдали мне клочок бумаги с названием ресторана (Кузьмина тогда не было) и уехали.

А я-то думал, что знаю об этом городе все.

И вот вечером третьего дня мы сидели в баре «Лада» и ожидали появления Пономарева. Кузьмин заказал кучу еды и выпивки, но мы почти совсем не притрагивались ни к тому, ни к другому. Пару раз подсаживались девушки определенной профессии, мы не имели ничего против, но через полчаса они понимали, что здесь

ловить нечего, и покидали наш столик. От нечего делать я занялся одному мне известной игрой - разглядыванием людей. Но не просто разглядывать, а мысленно рядить их в нелепые наряды. Так, одного толстяка преклонного возраста, любезничавшего с симпатичной официанткой, я одел в обтягивающее тело трико небесно-голубого цвета. Официантку, выслушивавшую похабные шуточки толстяка с неестественной, приклеенной улыбкой, я переодеть не стал. Просто представил, что у нее глаза красного цвета, и получилась эдакая обаятельная демоница.

Около двенадцати ночи нам все же повезло. Двери бара открылись, и на пороге появился Пономарев. Мужчина тридцати-тридцати пяти лет, рост средний, телосложение спортивное. Волосы темные, средней длины, зачесаны на левую сторону. Лицо продолговатое, чистое. Одет: темно-зеленый деловой костюм, светлая рубашка, галстук узкий, черного цвета.

- Наконец-то! - прошептал гэбист и, покачиваясь, как крепко набравшийся человек, пошел к вошедшему.

- Михаил! - его радостный рев перекрыл даже громко звучащую музыку. - Миша! Старый ты блудник! Здорово!

Пономарев обернулся и успел только вопросительно сощурить глаза, как был смят железными объятиями Кузьмина, не перестававшего орать что-то радостное. К счастью, Пономарев не так дрожал за свою жизнь, как Артамонов, и не водил за собой телохранителей.

На вопли Кузьмина обернулись все находящиеся в помещении бара. Кто-то сморщился - напился скотина, кто-то понимающе улыбнулся - встретились старые, давно не видевшиеся друзья, но никто не заметил, что встрече этой рад только Кузьмин, с неистощимым энтузиазмом хлопающий Пономарева по спине. Никто также не заметил, как шприц-тюбик воткнулся под лопатку Пономареву и тело того сразу обмякло.

Не заметили этого потому, что встал я. Не просто встал, а очень резко, опрокинув стол, заставленный продуктами на четверть моей зарплаты.

- Суки! - заорал я, и мой рев ничем не уступал голосу Кузьмина. - Деньги сперли! Кто?!

И, не особо раздумывая над тем, кто же все-таки спер деньги, я за шкирку выхватил из-за соседнего столика тощего молодого человека и отправил его собирать мебель по направлению к стойке. Следом за ним, но по несколько другой траектории, последовал тот самый толстяк, которого я мысленно рядил в голубое трико. Хватая за грудки третьего, я заметил краем глаза, как Кузьмин, придерживая обмякшее тело Пономарева, покидает бар.

А ко мне уже бежали люди, и среди них я разглядел профессионального вышибалу - молодого парня в темном спортивном костюме. Я хорошо представлял, что будет дальше. Поэтому, прикрыв лицо и жизненно важные органы, я сжался в комок и стал ждать. Мне повезло, вышибала действительно оказался профессионалом. Он не стал пинать меня на потеху публике, просто

взял за ворот и пояс и вынес на улицу. На выходе он спросил меня:

- Деньги есть?

- Есть! — испуганным голосом откликнулся я. — Сколько?

- Все давай! — безапелляционно потребовал парень. Я безропотно выгреб из кармана все деньги, крупную сумму, врученную мне Кузьминым, и отдал их вышибале. Тот сунул их себе в карман и сказал:

- Чтобы я тебя здесь больше не видел!

- Все понял! — униженно кланяясь, ответил я. Хороший оперативник должен быть хорошим актером.

- Вали, — добавил вышибала и скрылся в баре. А я направился к стоящей неподалеку машине.

- Ну как ты? — поинтересовался Кузьмин, когда я сел в машину. — Никого не убил?

- Да нет. Все ровно. Бока намяли, деньги отобрали и отпустили с Богом. А этот как?

Этот, то есть Пономарев, лежал сзади, уткнувшись лицом в сидение. С виду он ничем не отличался от мертвого — ни движения, ни вдоха. Левая штанина дорогих брюк задралась, обнажив по колено голую ногу.

- Нормально! — Кузьмин махнул рукой. — Покемарит пару часиков и будет, как огурчик.

Я засмеялся. Уж как-как, но, как огурчик, Пономарев себя чувствовать не будет. Наверное, у него будут болеть руки, это почти неизбежно, когда просыпаешься на высоте десяти метров подвешенным за руки к стреле строительного крана.

Это, кстати, была моя идея. Кузьмин как-то вслух рассуждал о том, что сделать с Пономаревым, и мне в голову пришла интересная мысль. Я вспомнил, как пьяный Пономарев, когда его вытащили из-за руля собственной машины, хватал своими связями в милиции. Он говорил тогда, хватая инспектора ГАИ за португепю, что он его сможет взять только, если он, Пономарев, будет висеть на балконе. А я стоял неподалеку и весь этот разговор слышал.

Подходящая для наших нужд стройка находилась в самом центре города. Там полгода назад начали строить высотный дом и, за такой рекордно короткий срок, добрались до четвертого этажа. Несколько осложняло дело присутствие там сторожа, но, если верить Кузьмину, он уже лежал пьяный в своей сторожке. Не без помощи какого-нибудь помощника гэбиста, я думаю. Но даже если сторож нес дежурство трезвым до неприличия, то скрутить его двум здоровым мужикам не представляло труда.

Однако Кузьмин не ошибся. Приехав на стройку и подойдя к вагончику, который использовался в качестве сторожки, мы услышали доносящийся изнутри громкий храп. Дверь была приоткрыта. Заглянув внутрь, я увидел двух человек, мирно спящих на лавке. На столе стояли три пустые бутылки из-под водки.

- Твой человек дело на совесть сделал, — сказал я. Гэбист кивнул:

- В этом деле он мастер. Пойдем.

Пока Кузьмин подключал электроэнергию, карабкался на кран и опускал железный крюк,

я снял с Пономарева всю одежду и связал вместе обе руки. Подвесить же его за руки на крюк и поднять стрелу было делом вовсе плевым. Всего мероприятие с подвешиванием человека заняло у нас не более пятнадцати минут.

- А ведь красиво-то как висит! — сказал Кузьмин, вставая рядом со мной и глядя на качающуюся в воздухе человеческую фигуру.

- Неплохо, — согласился я.

- Знаешь, Володя, иногда я думаю о том, что неверно избрал род деятельности. Лучше бы я стал художником. Я могу видеть то, что другие напрочь не замечают. Вот взять, к примеру, Пономарева. Не всякий заметит ту обреченность в его позе. Ведь как это тонко — на высоте пятиэтажного дома висит человек. Ветер качает его тело, дождь омывает своими струями...

- Стоп, стоп! — засмеялся я. Вот ведь балабол! Почти, как я. — Дождя-то нет.

- Это условности, мой юный друг. Для нас, художников, такие мелочи не имеют значения.

Кузьмин снова встал в позу оратора и уже приготовился продолжить повествование о качающемся теле, но я успел прервать его.

- Хватит ерунду-то молоть. Поехали вздремнем лучше.

За третьего, Сазонова, взялись с утра. С ним все было гораздо сложнее, нежели с первыми двумя. Сутенер да владелец нескольких ресторанов — люди, конечно, влиятельные и богатые, но не как Сазонов. До него им, как мне до пенсии. Этот субъект за счет наркотиков жил, его, гада, наскоком не возьмешь.

Кузьмин опять куда-то смылся. У него это конек был. Вечно исчезнет куда-нибудь на целый день, под ночь заявится и долбит в дверь — ключ забыл. Потом еще полночи планы рассказывает, соображениями делится.

Сидел я сидел, листа два чертиками изрисовал, но так ни до чего и не додумался. От пустоты в голове и от нечего делать я решил позвонить в свою агентуру. Одного стукача я дома не застал, но второй откликнулся сразу.

- Алло, — говоривший находился в явном подпитии.

- Сухарь?

- Да. А кто...

- Это Ставцев.

- О-о, какие люди! Как жизнь, командир?

- Плохо. Информация нужна.

- Чем могу, тем помогу.

- Ты Сазонова знаешь?

- Кого? Сазонова? Конечно, знаю!

- Что именно?

- Занимается наркотой, имеет связи с Брюсом... Слушай, зачем тебе это? Ты ведь его все равно не возьмешь.

- Не хаами. Говори давай.

- А че тут говорить. Я про него знаю то же, что и ты.

- А поточнее сможешь выяснить? Все связи, последние дела?

- За отдельную плату.

- Сухарь, ну ты что такой есть! Разве я когда

за информацию не платил?

- Ну хорошо. Через пару часиков звякни.

- Добро. Пока.

Я положил трубку. В Сухаре я был уверен. Если этот человек берется за дело - положительный результат обеспечен. Он мне помогал уже много раз и цену за информацию, в отличие от большинства осведомителей, запрашивал вполне божескую. Правда, я до сих пор не знал, кто он такой и чем занимается, и это больно ранило мое самолюбие сыщика. Просто однажды в дверь моей квартиры постучал человек и попросил помощи в обмен на информацию. У меня как раз было свободное время, и я согласился. Нет нужды говорить о его деле - просьба была достаточно щекотливая, но под специфику моей работы подпадала. Я закрыл за решетку трех человек (благодарность в личное дело) и приобрел одного очень ценного агента.

Один раз я попросил ребят из розыска последить за Сухарем, выяснить, чем он дышит. Однако, через полчаса в моем кабинете зазвонил телефон, и Сухарь вежливо попросил снять слежку. Иначе он откажется от сотрудничества со мной. Боязнь потерять хорошего осведомителя перевесила любопытство, и я дал «уголовникам» отбой.

После этого я зауважал Сухаря не только как информатора, но и как профессионала.

Спустя минут двадцать зазвонил телефон. Я быстро снял трубку и даже не успел сказать «да?», как услышал голос Михалова.

- На телефоне сидишь? Дожился! Связался неизвестно с кем! Вот так постаревшие оперативники становятся секретаршами, и завизжал противно: - Аллочка, шеф на месте? Это Михалов. Нету, да? Ну ладно, потом перезвоню. Целую ручки.

- Тебе больше делать нечего? - спросил я, когда он ненадолго замолчал.

- Не угадал. За промах - штраф пять баксов. Мне сегодня Кузьмин звонил, просил узнать все про Сазонова.

- И ты узнал?

- Обижает! Я его дело два месяца вел, правда, так у нас ничего и не вышло. В общем, записывай!

Я придвинул к себе чистый лист бумаги и взял ручку.

- Говори!

- Сазонов Владимир Константинович, 1967 года рождения. Образование среднее. Две отсидки. Первая по 146-й старого УК, вторая по 158-й нового.

- Вор!

- Ага. Семейной положение - женат. Имеет двух детей. Один во Франции учится, во втором классе, в школе для очень и очень «одаренных» детей. В последнее время ...

- Стой, а по детям что - все? Эх, важняк! Все выкопал, а про главное забыл.

- Про детей, что ли?

- Ну да, дурило ты картонное. Ищи снова, найдешь - позвони.

- Бакс, ты что - пацана спереть собрался?

- Не знаю еще.

Хотя я все уже прекрасно знал. План родился. Осталось уточнить детали.

- Ну ладно. Ты на телефоне будь - я скоро.

Я положил трубку и, во весь рот улыбаясь, упал на диван. Эврика! Нашел! Я нашел! Ура!

- Ура! - вслух заорал я. В этот момент открылась дверь, и вошел Кузьмин.

- Ты что кричишь? - устало поинтересовался он.

- Я придумал, как Сазонова достать! - восхищаясь собственной гениальностью, сообщил я.

- И как? - оживился Кузьмин.

- Через младшего сына! Похитить его... - Я думал, что сейчас Кузьмин ужаснется глубине моего падения. Ты что, мол, он же ребенок! Как можно?! Но он только покивал головой и протянул:

- А-а-а, - взор его вновь потух. - Я уже думал об этом. Дохлый номер. Он сына на каникулы в Америку отправил.

У меня аж оборвалось что-то внутри. Додумался! Раздухарился, как петух. Думал, самый умный.

- Да не расстраивайся, - сказал Кузьмин. - Придумаем что-нибудь.

- Ты меня еще по головке погладь! - огрызнулся я.

- Ну и дурак! Я тебе серьезно говорю - не бери в голову. Мы эту суку прищучим, дай только время.

- А времени нет. Мне через три дня на работу выходить, - уже более спокойно сказал я.

- Успеем! Давай лучше выпьем!

- Это дело! - оживился я.

Ухнули по паре стопок, и внутри сразу захорошело. Потянуло на отвлеченное. Захотелось съездить на рыбалку или просто на природе отдохнуть. Тем более, что я уже забыл, что это такое. Лежать на берегу, рядом одеяло с едой и выпивкой, а под боком - девушка. Например, Оля из «Али-Бабы». Вообще говоря, пора уже заводить себе постоянную подругу жизни. Чтобы ждала меня дома, когда я прихожу с работы. Чтобы варила борщ и стирала мои шмотки. Чтобы слушала мои речи и по большей части соглашалась. И чтобы не говорила, что я пользуюсь своей работой для прогулок налево. Но увы, где взять время для поисков такого ангельского существа?

- А зря мы не с Сазонова начали, - заметил я, возлежав на диване. Струйка дыма от моей сигареты поднималась к потолку и там создавала красивые фантастические узоры.

- Да нет, не зря, - откликнулся Кузьмин. Он развалился в кресле, подставив под ноги табурет.

- Начни мы с него, не пришлось бы придумывать хитроумные планы. Он не был бы насто-роже, и мы бы его голыми руками взяли.

- Так-то оно так, - согласился гэбист, - но тогда бы мы не подняли такой паники. Сейчас Сазонов напуган тем, что творится в городе, и, уж поверь мне, Брюс уже оповещен об этом. А мне именно это и нужно. Пусть отвлекутся, пусть думают, что на них наехал другой синдикат, или что в их организации стукач. Лишь бы только

отвлеклись.

- Да они и так уже порядком отвлеклись, — сказал я. — Куда уж больше?

- Ты прав, — но сейчас нужно еще показать, что наехала действительно крутая организация.

- И, взяв Сазонова, мы это покажем?

- Да.

- А просто грохнуть его можно?

- По идее, можно, но не желательно. Мы же не убили Артамонова и Пономарева. Мы их просто раздели и выставили на посмешище. Значит, чтобы поддержать установившуюся репутацию, нужно и с Сазоновым поступить так же.

- Слушай, Андрей, а твои коллеги в других городах, ну, которые тоже из группы прикрытия, они тоже «тузов» раздевают?

- Не знаю. Может быть. Знаю одно, они тоже марку держат.

Я глубоко затаился и замолчал. Потом поднялся, подошел к столу, налил себе сразу полстакана водки и залпом проглотил его. Кто знает, может быть, на пьяную голову я придумаю то, до чего не дойду с трезвой. Закусил хрустящим огурцом и вернулся на диван — думать. Но в голову — ни в пьяную, ни в трезвую — ничего не шло. Только крутились обрывки популярных песен, которые я ненавидел всей душой.

А вообще, с какого перепуга я здесь мучаюсь, выдумываю что-то, бьюсь головой о стену? Я же просто мент! Я должен преступников ловить и сажать за решетку, а не раздевать догола и в таком виде заставлять бегать по улицам. Это работа Кузьмина и его соратников — вот пусть и работают!

Но где-то в глубине души я знал, что, несмотря на все эти стенания и жалобы, либо доведу это дело вместе с Кузьминым до конца, либо вместе с ним и помру. Не знаю почему. Загадка русской души, мать ее.

Ровно в двенадцать, ничего не говоря Кузьмину, я взял трубку и отстучал по клавишам аппарата семизначную комбинацию цифр. Послышались гудки вызова.

- Слушаю, — ответил спустя три гудка голос осведомителя.

- Сухарь, это Ставцев. Раскопал что-нибудь?

- Да как тебе сказать... Может, и раскопал. Смотря что тебя интересует.

- Все. Кроме анкетных данных.

- Тогда слушай самую свеженькую информацию. Сегодня лицо, тебя интересующее, в срочном порядке покидает город. Самолетом. Пункт назначения — город Хабаровск.

- Да ты что! — не сумев сдержать разочарования, выдохнул я.

- Тебя это расстраивает? — Сухарь хохотнул. — Тогда добавлю масла в огонь — уезжает он надолго. Прошел слухок, что какой-то псих авторитетов местных заставляет голыми на людях появляться. Вот Сазонов когти и рвет. Хочет, чтобы минула его чаша сия.

- Понятно. Во сколько он уезжает?

- Его рейс отправляется в девятнадцать сорок по московскому времени.

- Что еще?

- Ты не поверишь — ничего.

- Что, совсем? — не поверил я.

- Совсем. Этот хмырь ведет дела так аккуратно, что ты даже со своими полузаконными методами ничего не добьешься.

- Ну ладно, все равно спасибо. Через недельку заскочи ко мне за деньгами. Адрес помнишь?

- Как я могу забыть! Слушай, ответь мне честно на один вопрос, и я с тебя ни копейки не возьму.

- Бескорыстный информатор? Как это редко в наши дни, — не удержался я.

- Так да или нет?

- Ладно, давай свой вопрос.

- Это ты приложил руку к обнажению бледных тел авторитетов?

- Ну, в какой-то мере да.

- Ха-ха! Мне понравилось! Ну тогда счастливо.

- Давай.

Послышались гудки отбоя.

- Кто это был? — поинтересовался Кузьмин, когда я положил трубку.

- Осведомитель. Я его просил узнать про Сазонова.

- И что он узнал?

- Ничего хорошего. Сазонов сегодня вечером улетает в Хабаровск. Напугали мы его. Так что времени у нас нет.

- Это точно? Он точно улетает? — Кузьмин аж вперед подался.

- Точно. Этот информатор меня еще ни разу не подводил.

- Так это же здорово! — воскликнул гэбист, вскакивая с кресла. — Это же то, что нужно!

- Не понимаю, — произнес я. — Что в этой новости такого потрясающего?

- А-а-а, менты! — махнул рукой Кузьмин. — Ни хрена-то вы не понимаете! Привыкли злодеев брать, как в уголовно-процессуальном кодексе написано.

- Не всегда. Только не говори мне, что мы его по дороге брать будем. — Я понял, куда клонил Кузьмин.

- Почему нет?

- Ничего не выйдет. Ты что же думаешь, он без охраны поедет?

- С охраной. Но из машины его достать в десять раз проще, чем из дома или офиса.

- Это еще почему?

- Эх, темнота! Президентом в машинах стреляют при такой охране! А тут какой-то провинциальный наркобарон! Ужели не возьмем?

- Не возьмем, — пессимистически изрек я.

- А ну тебя! Не возьмем — не возьмем! Давай лучше делом заниматься, а не спорить.

- Каким делом? Деревья по дороге в аэропорт подпиливать?

- Дурак! Я поеду своих мобилизую, а ты доставь карту дороги в аэропорт, марку и номер машины Сазонова. Во сколько он поедет?

- Рейсом в девятнадцать сорок по Москве.

Уж и не помню, когда последний раз я надевал форму. Хотя нет, вру, помню. Это было почти месяц назад, на парад в честь 9 Мая. Но в

любом случае, форму я надевал крайне редко и был чрезвычайно этому рад. Нечего оперативнику лишний раз светиться перед народом и потенциальной клиентурой. Из-за редкого использования серо-стальная милицейская форма выглядела совсем новенькой, хотя с момента получения ее на складе прошло уже более трех лет. Отражая свет солнца, блестели офицерские погоны, ярко горели на каждом плече три маленькие граненые звездочки. Правда, вместо парадного ремня я был подпоясан белой портупеей. Довершал это безобразие железный значок с большими буквами - «ГАИ», а с кисти свисал бело-черный, ненавидимый всеми водителями, жезл.

Нарядиться в это уродство меня заставил Кузьмин. По плану его, мол, так нужно. Но зачем рядиться именно гаишником? Машину любой мент остановить сможет. Правда, госавтоинспекцию боятся больше - они, говорят, и у столба требуют объяснений по поводу его стояния на одном месте. Но с другой стороны - Сазонов уже давно перешел границу, отделяющую сильных мира сего от простых людей, а значит, нельзя его судить обычными мерками. Если обычный человек, водитель, проезжает мимо поста ГАИ, он бессознательно, мысленно проверит техсостояние машины и, лишь убедившись, что все в порядке, успокоится. А такие, как Сазонов, размышляют по-другому. Они думают: если я еду на «Мерседесе» последней модели, за рулем личный шофер, а по бокам два звероподобных убийцы сидят, то какое мне дело до гаишников. Ну а прицепятся - червонец им на лапу кинуть.

Я уже говорил раньше, что Кузьмину помогало местное управление ФСБ. Так вот теперь оно помогало и мне тоже. Вместе со мной, у патрульной машины, стоял переодетый в милицейскую форму фээсбэшник Игорь. Парень неплохой для представителя такого ведомства. Кузьмин представил мне его как одного из самых перспективных сотрудников Амурской ФСБ.

До времени «Ч» (так военные называют время начала какой-нибудь деятельности) осталось пять минут. Ровно через пять минут по аэропортовской трассе проедет черный «Мерседес» Сазонова. Надо ли говорить, как я волновался?

По правде говоря, я до сих пор не верил в успех придуманного Кузьминым плана. Как-то фантастично он выглядел. Или, как говорил мой дед, сметан на живую нитку. Того и гляди, по швам расползется. Только последствиями этой недобросовестной портняжной деятельности будет не дырка на штанах, а человеческие жизни. Вечно мы, русские, на «авось» надеемся. Как бы жалеть не пришлось.

Перед началом операции Кузьмин вручил мне маленький сотовый телефон. В случае чего, сказал он, нажмешь кнопку (одну-единственную на корпусе) и доложишь. - А в случае чего? - спросил я. - Да мало ли что бывает, - нехотя ответил гэбист. Позже я вспомню его слова и буду заливать водкой до беспомыслия, оплакивая чужого, но ставшего за короткое время нашего знакомства родным, человека.

- Едут, - произнес Игорь и повторил в рацию: - Объект приближается к первому заслону.

- Вас понял, - прохрипело в ответ. - Работайте по плану.

Я вышел на дорогу и поднял жезл, приказывая черному автомобилю остановиться. Мы специально заняли позицию в полукилометре от знака, ограничивающего скорость. А «Мерседес», это было видно и без радара, скорость превысил.

Правый поворотник «мерса» замигал - ладно, мол, останавливаюсь, и машина затормозила у обочины. Я, не торопясь, гаишники ведь никогда не торопятся, сунул жезл в чехол и пошел к остановившемуся автомобилю. Мой напарник отставал только на шаг.

- Старший лейтенант милиции Ставцев, - представился я, когда затемненное стекло со стороны водителя опустилось.

- Очень приятно, господин старший лейтенант. Чем могу помочь вам? - произнес водитель несколько пренебрежительно, но не нагло.

- Вы не обратили внимание на знак? - спросил я. Игорь пока крутился вокруг машины, выполняя свою часть задания.

- Какой знак? - удивился водитель. Очень честно удивился - он действительно не видел знака.

- Ограничитель скорости. Если вы мне не верите, мы можем проехать и посмотреть.

- Ну что вы, что вы! Конечно, я вам верю.

- В таком случае, позвольте мне взглянуть на ваши водительские права.

- Прошу, - водитель протянул мне пластиковую карточку - права и документы на машину. Добавил, чуть погодя:

- Господин старший лейтенант, попросите вашего сержанта отойти от машины. А то, сами понимаете, машина дорогая. Не дай Бог, что случится.

- Игорь!.. - окликнул я фээсбэшника. Он поднял голову. Кивнул, все, мол, и отошел от «Мерседеса».

- Вы его простите, - делая вид, что изучаю права, сказал я. - Сотрудник молодой, а тут машина такая. Заинтересовался.

- Нет, нет. Все в порядке.

Еще некоторое время подержав документы, я отдал их водителю.

- Счастливого пути! - и даже руку к козырьку приложил.

- А штраф? - удивился водитель.

- Да ладно, на первый раз прощаю.

- Хм, - еще больше удивился водитель. Постоял еще немного, а потом, бросив - «Спасибо!», - рванул машину с места.

Мы с Игорем провожали автомобиль взглядом до тех пор, пока он не скрылся из виду.

- Ну что? - спросил я. - Начали?

- Ага, давай. - Игорь из-за пазухи достал маленькую черную прямоугольную коробочку пульта управления, зачем-то перекрестился и нажал одну из двух кнопок.

Жаль, мы не могли видеть того, что произошло вслед за этим. Наверно, это красиво, когда у

быстро едущей машины отлетает колесо. Игорь уверял меня, что пассажиры не пострадают. Миллиграммы взрывчатки только сорвут гайки со шпилек, говорил он. И если водитель не совсем дурак, у него будет около двух секунд, чтобы сбросить скорость прежде, чем колесо покатится своей дорогой.

- Первый этап операции прошел нормально, — доложил Игорь по рации. — Как понял?

- Понял. Работаем по второму этапу.

По второму, так по второму. Наша с Игорем работа на втором этапе сводилась к медленному продвижению в район аварии. Чтобы, когда Кузьмин с фээсбэшниками начнет захват, мы не дали никому уйти.

- Чисто сработали! — похвастал Игорь, садясь за руль.

- Ой, не хвались раньше времени! — сказал я, усаживаясь рядом. Откуда мне было знать, что мои слова окажутся пророческими.

По дороге к месту я спросил у себя: почему гэбист с ментом сами работали по запугиванию местных авторитетов, когда в области есть целое управление ФСБ? Почему местные фээсбэшники только поставляли информацию да исполняли второстепенные роли? Может быть, да что там! — скорее всего эта организация, особенно ее руководители, хорошо грелась на махинациях мафии. А если так, то не оплошность ли со стороны Кузьмина надеяться на поддержку сотрудников конторы? И не сидит ли сейчас за рулем человек, которому суждено выстрелить мне в затылок?

Игорь повернул голову и поймал мой задумчивый взгляд.

- В чем дело, напарник? — С самого начала операции он называл меня напарником.

- Да нет, ничего, — ответил я и перевел взгляд на дорогу.

По плану Кузьмин и два сотрудника ФСБ должны были ждать машину в трех километрах от нас. Чтобы, когда на «мерсе» отвалится колесо, подъехать и, изображая простых русских ребят, предложить помощь. И в тот момент, когда охрана расслабится, надавать всем по башке и похитить Сазонова.

Я говорю — сплошной детский сад! Кузьмина прощало только то, что времени на подготовку более основательного мероприятия совсем не было.

Подъехав на место крушения «Мерседеса», мы увидели разбитый корпус дорогого автомобиля, три или четыре тела (я тогда не успел посчитать), лежащих в лужах крови, ползущего Кузьмина (живучий тип) и трогаящуюся с места машину ФСБ. В руке у Кузьмина был его узкий пистолет, я его называл шпионским, и он, не прекращая, стрелял из него по желтому «Москвичу».

Не знаю, увидел он нас, услышал или просто почувствовал, но, едва патрульная машина остановилась, он прохрипел:

- Сазонов... Взять!

А «Москвич» уже уходил, набирая скорость. Я выскочил из машины, из-за беспорядка на дороге мы не могли ехать, и побежал за «Москви-

чом», паля из ППО.

Первый магазин, а там было целых двадцать патронов, я выстрелил безрезультатно, только зацепил очередью капот уходящей машины. Второй магазин попался с характером. А может, у меня просто руки дрожали? И только подлый магазин скользнул на свое место, за моей спиной что-то ухнуло. Сильно так, аж уши заложило. В следующую секунду «Москвич» вздрогнул и, окруженный клубами огня, полетел вверх. Чтобы вскоре упасть обратно на асфальт, но уже не красивой каплевидной машиной, а искореженным куском металла.

Я оглянулся. Рядом с бело-синим автомобилем стоял Игорь и опускал дымящийся ствол одноразового пластикового гранатомета. Где он его взял?

- Ты че, дурак? — тихо спросил я у него.

- Так ушел бы... — растерянно пробормотал фээсбэшник.

- А как ты отписываться будешь? В черте города из граника лупить! Крышу снесло, что ли?

- Да я подумал...

- Да это уже по..й, что ты там подумал! — перебил его я и, опустив пистолет, побрел к Кузьмину.

Он умирал. Это было видно сразу. Три пули насквозь прошили ему грудь, с каждым толчком сердца из трех дырок выходила жизнь. Удивляло, что он жил до сих пор.

- Не план... а залепуха... — прошептал он. Видно, пробило легкие, и он почти не мог дышать.

- Я тебе говорил.

- Я знаю... Они не ... поверили... палить начали... сразу двоих... из ФСБ...

- Ты доложил? — вдруг дернулся он. Я положил руку ему на плечо.

- Щас доложу.

- Доложи... — и Кузьмин умер. Гэбист несчастный! Вечно всю работу на ментов сваливает!

По щеке, щечка кожа, что-то пробежало. Я поднял руку, чтобы согнать букашку, но палец ощутил только влагу. Я плакал. Как мальчишка сопливый. Да по кому? По человеку, которого знал всего неделю. Да так и не узнал. Мы же с ним ничего, кроме стрельбы, не делали. Ан, все равно плакал. Не рыдал, но слезы остановить не мог.

Маленький телефон для доклада. Он знал, на что шел. Знал, что план — порнуха, и все равно шел. Дурак? Герой? А мне сказал — мало ли что?

Я нажал кнопку, единственную на корпусе. С полминуты ничего не происходило, потом раздался писк, и чей-то голос спросил:

- Что?

- Кузьмин погиб. Задание выполнено.

- Принял. А кто говорит?

- Никто. — Черный прямоугольник упал на асфальт и захрустел под подошвой. Пошли они все!

Задание выполнено. Серый асфальт, кое-где почерневший от крови, неживые тела незнакомых людей, горящий «Москвич» и молодой фээсбэшник с теперь уже бесполезной трубой гранатомета. Интересно, оно того стоит?

ЭПИЛОГ

- Ну, скоро они? — ни к кому не обращаясь, спросил Павел.

- Не нервничай, — сказал Николай. — Сказано же, они подъедут в одиннадцать сорок пять. Старик очень пунктуален.

- Это приведет его к смерти! — дурашливо подняв указательный палец, воскликнул Павел.

Николай хмуро покосился на него, шутку не поддержал.

Они стояли на крыше АмГУ. Забрались туда, представившись администратору пожарными инспекторами. С собой они принесли тяжелый чемодан. Теперь его содержимое — простой механизм, состоящий из длинного ствола, штатива-треножника, затвора с ударником и мощного оптического прицела, собранное в одну из самых мощных снайперских винтовок в мире, стояло между ними. Ствол был направлен на дверь трехэтажного особняка, находящегося в трех с половиной километрах от здания АмГУ.

Павел заглянул в глаз оптического прицела, потом на дисплей электронных часов и хмыкнул.

- Три минуты осталось.

- Да вон они, едут уже, — Николай махнул рукой в сторону проходящего мимо университета шоссе. Павел взял бинокль и навел его на дорогу.

- Точно они! Боевая готовность — две минуты! — и, опустив бинокль, придвинулся к винтовке.

Отведя затвор, он опустил в патронник длинный, почти в двадцать сантиметров, патрон с острой пулей и мягко вернул затвор в переднее положение. Досылатель уперся в патрон, зацеп выбрасывателя зацепился за кольцевую проточку гильзы, трехгранный ударник замер напротив капсуля. Оружие было приведено в полную боевую готовность.

- Подъехали! — сообщил Николай, следящий за белым «Мерседесом» Брюса.

Павел прикинул глазом к прицелу и увидел, как из машины вышли два «цербера» в черных костюмах. Один из них держал в руках маленький короткоствольный автомат.

- Ух вы, мои маленькие! Как же я вас заждался! — бормотал Павел, крутя настройку прицела.

Второй телохранитель, тот, у которого не было автомата, открыл заднюю дверь «Мерседеса» и

помог выйти из машины самому крупному авторитету уголовного мира Хабаровского края и Амурской области по кличке Брюс. Худой старик кивнул телохранителю и, опираясь на трость, пошел к особняку.

Дверь дома открылась, и на бетонное крыльцо вышел молодой человек. Увидев старика, он улыбнулся, развел руки в стороны и направился ему навстречу.

- Стреляй! — прошипел Николай, но Павел продолжал поглаживать пальцем спусковой крючок.

- Не мешай работать мастеру, Коля, — тоже шепотом попросил он. — Я люблю делать свою работу красиво. — И пробормотал себе под нос: - Встреча отца и сына. Как это трогательно.

Сблизившись с молодым, старик левой рукой обнял его и трижды коснулся вялыми губами его щеки. В этот момент Павел плавно потянул спусковой крючок.

Бах! Пуля калибром 14,5 миллиметра покинула ствол, за полторы секунды пролетела три с половиной километра и ударила Брюса между лопаток. Пробив тщедушное старческое тело, она вошла в тело молодого, попав ему точно в сердце. Два обнявшихся, но уже мертвых тела отца и сына упали на землю.

Павел убрал палец со спускового крючка, поднял с груди бинокль.

Николай хлопнул напарника по плечу:

- Ну ты, действительно, мастер! Одним выстрелом двоих!

Павел, не отвечая, смотрел в бинокль на трупы у крыльца, на бестолковую пальбу охранников.

- Слушай, а может, и телохранителей убрать? — сказал он наконец. — А то палят куда попало, идиоты. Еще попадут в кого...

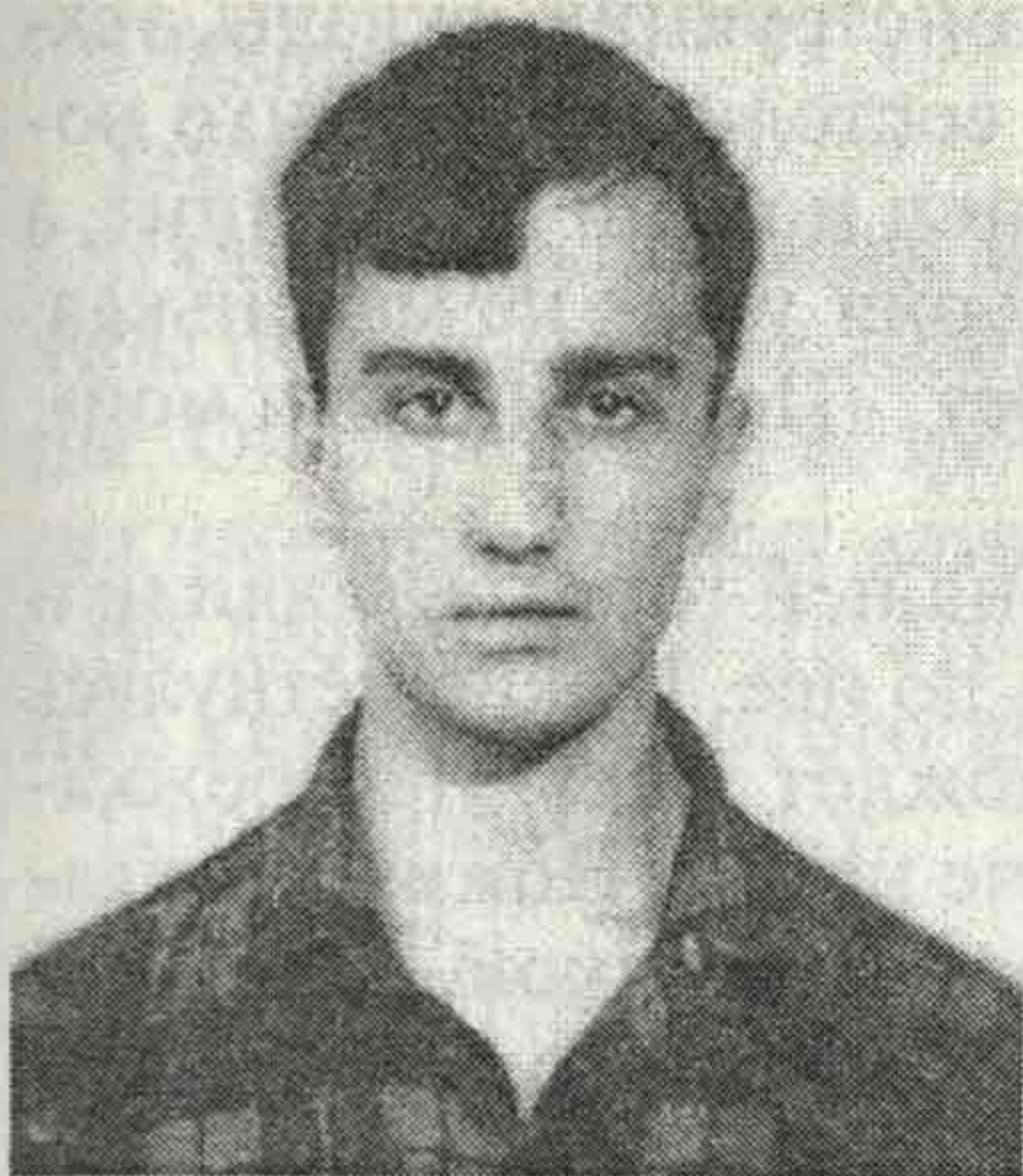
- На них приказа нет. Пусть живут.

- Тогда уходим?

- Уходим.

За минуту разобранный винтовка заняла свое место в чемодане, все следы пребывания людей на крыше были уничтожены. Сами люди спустились с крыши, попрощались с администратором, заверив того в отличном противопожарном состоянии здания, и покинули университет.

Так операция «Плотина» вступила в завершающую стадию — чистку.

Антон Геут родился в 1976 году. Этим летом закончил Хабаровский государственный педагогический университет, призван на срочную службу в армию. Его первые рассказы печатались в альманахе «Приамурье» за 1997 год.

РАССКАЗ

БОГИ

I

Сначала мерзнешь, сильно мерзнешь. Минут двадцать идешь пешком по звонким от холода темным улицам. Убеждаешь себя, что в автобусе будет лучше, но в автобусе твое скукоженное тело расслабляется, обманутое разницей температур, пытается уснуть и скоро опять мерзнет. Ты придерживаешь заплечную сумку «SPORT» между ног и смотришь на стекло автобусного окна. Стекло покрыто инеем. Ты бодро дышишь, пытаешься разогнать кровь и согреться, но теряешь остатки тепла с каждым выдохом.

Сквозь иней стекла уходящие назад фонари проявляются пятнами - желтыми и голубыми. Одно, второе, третье. Холодно. Протереть стынущим пальцем в рукавице окошечко в инее и подсмотреть черную ночь, празднично подсвеченную снизу гладким светом и гладкими авто. Огни машин на дороге перемигиваются с окнами вон тех теплых домов. Город.

Собравшись с духом, совершаешь пересадку. Тебе везет, и ты сразу почти попадаешь в медлительный и пустой трамвай. Здесь мерзнуть до конечной. Только не садись (расслабишься) и покажи проездной румяно-веселой кондукторше. Улыбается пьяненько, хорошо ей.

Болтаешься вместе с вагоном еще четверть часа. Потом снова на своих двоих. Вышел: около ночного магазина стоит джип, из-за тонированных стекол слышна музыка, вернее, забой ударников. Обошел джип. Интересно, что у тебя больше всего мерзнут трицепсы рук.

Мимо магазина, заборов, темной деревянной церкви. Мимо тусклого от мороза лая цепных собак, по улочкам частного сектора идешь и торопишься. Обжигаешь нос холодным воздухом, подскальзываешься на укатанном снегу этих улочек. Местами, у заборов и оград, чернеют бревна и вынесенная на дорогу зола.

Ноги в валенках разогреваются первыми, за ними - все тело. Направо, налево, направо, направо, налево, наискосок налево, направо - через двор детского реабилитационного центра. Место, где мучаются дети, оставшиеся без семей или «с проблемой в развитии». Не только дети, конечно. Наверняка здесь есть еще люди, которые хотят им помочь, которые думают, что хотят им помочь, и которые просто живут за их счет. Ну, да наше дело - через двор пройти. Проходим.

Уже поздно, подъездные ворота центра на замке - значит, через дырку в заборе: путь нации. А ты отогрелся уже, коли язвись! Чтобы не зазнавался, спотыкаешься и катишься под гору, загребая снег рукавами, валенками и воротником. Так изящно сегодня ты совершил обычный спуск, коротким путем к заводу металлических конструкций.

Докатился до нижней подъездной к заводу дороге и спугнул заиндевший микроавтобус. На приличной скорости вильнув в сторону, тот гукнул и пропустил по себе отражения фонарей, туманно оранжевые по серому: черные буквы «ТОУОТА». Посмотришь на крупные звезды и подумает: колючий снег, однако; холодно, однако; зима, однако... Так себя развеселишь, встанешь, встряхнешься и дальше пойдешь. В воротах территории завода поднырнешь под шлагбаум, почувствуешь, что промок до поясницы, и, как та лошадь до дому, веселее пойдешь: уже близко. Идешь через территорию завода, который «при Советской власти гремел на всю страну» (знакомый бич рассказал), между тяжестью корпусов и разваливающимся забором, вдоль которого - кучи чего-то ребристого и объемного под снегом.

Вчера ездил к себе в контору предупредить, что опоздаешь выйти на свою смену. Ты работаешь сторожем на базе строителей, куда теперь и добираться. Контора эта частная, вернее, ак-

ционерное общество на двух владельцев-родственников, один из которых директор. Вчера встретил там Коляна из другой смены, тот рассказал, что Николаич (директор) еще не оправился от ограбления, приезжал на базу пьяный с охотничьим ружьем и мужиками. Устроил там следственный эксперимент. Связал Кузнецова из смены, попавшей под ограбление, как тот рассказывал его связали, и бросил на топчан. Кузнецов - когда-то капитан-афганец, а нынче спившийся беспокойный человек со сломанным носом, - показывал, как он дополз до сейфа и, упираясь в него спиной, поднялся на ноги. Верхняя дверка всегда открыта, о ее край «подследственный» перетер, второй уже раз, веревки. Тогда, в ночь ограбления, он сразу выскочил из сторожки и перекатом ушел к забору, перелез и побежал, громя железом, по железнодорожным платформам, стоявшим на путях рядом. Когда приехала милиция, никого уже не было.

Это тогда. В этот раз пьяный директор выгнал его из сторожки, не дав одеться, увел за территорию в овраг и, наставив ружье на переносицу, в последний раз попросил сказать, кого тот «навел на базу». Неплохая картинка: замерзающий, с перевязанной головой (ударил пистолетом, говорит, что ТТ) Кузнецов, не знающий, как убедить, и пьяный, безнадежно орущий директор со взведенной вертикалкой. Один заряд он уже выпустил в сторожке: выбил ямку в потолке...

Теперь налево. В тыл заводу, через подъездные железнодорожные пути. Поворот этот на небольшом холме, и у тебя принято тут оглядываться. За спиной плоское зарево города. Множество светящихся точек, упорядоченных темными силуэтами: толпа домов, и от нее, покато до сопки, - долина, изрезанная дорогами, автозаправкой, заводами. Одна из сопок, дальше влево, прячет в темноту кусанный бок - следы карьеров. Между ней и заводом стоят цистерны в ярких кругах фонарей и причудливо высвеченных насыпей. Еще влево по оси - составы на путях у завода. За этими составами вплотную завод нашей базы. Его не видать пока, а вот вышку РБУ, крыши складов и сторожки видать. РБУ - это, кажется, разливная бетонная установка. Хотя ты гуманитарий и за точность не ругаешься, но бетон там точно делается. Только почему на базе темно? Часов пять уже как стемнело, а прожектор не работает.

Где-то рядом завывала собака. Заходишь за состав, спотыкаешься о шпалы, идешь до калитки. Предупредил же вчера. Неужели бросили все так? А чего удивляться? Собака выла. Луна смотрела в узкий коридор между вагонами и белым забором из ребристого железа. И на том спасибо. Идешь уже мягко, нащупывая правой рукой нож в кармане, левой прижимаешь к себе сумку. Калиточка открыта, тропиночка на взгорочек, ныряешь под кабель-кабелечек, что свисает между РБУ и забором - оглядываешься. Все тихо: пустырь за РБУ, сама РБУ, песок перед ней,

разные строительные конструкции, склады, технический лом разного состояния - все тихо ночует под снегом. Снег под ногами не скрипит, а трещит. Ну-ну, территория у нас не маленькая, и треть забора отсутствует. «Поглядим, сын мой», - сказал поп...

А свет-то в сторожке нашей горит. Оставили и ушли? Метров тридцать до нее. В окне метнулась тень. Ага. Сумочка подождет здесь. Перебежками, почти в лоб, да иначе никак. Ножичек-складешок, но с бритвенной заточкой, хороший ножичек, с фиксатором. Вплотную подобрался, заглянул в окошко. Осторожно, успокойся, подыши. И кто у нас там? Громко упала сосулька. Ты присел и снова заглянул. Внутри, у печки, подняв крышку, что-то нюхал в кастрюле кто-то черно-патлатый, бородатый, в засаленном сером пиджаке, мешковатых джинсах и босой. Вася явно склонен к полноте. На столе, перед окном, раскрытая книга. Патлатый обернулся беспокойно, и ты увидел миндалевидные глаза. Дядя немаленький... Ладно, насмотрелся, пошел за сумкой. Напарника, видать, нового поставили.

Подергал, белая слабенькая дверь в дощатую пристройку к бетонной двухкомнатной кандейке заперта. Ишь ты, застраховался, - а прожектор не врубил...

Ты найдешь сумку, вернешься и, перед тем, как зажечь прожектор, прислушаешься. Собаки что-то не видать. Кандея находится в вершине угла, по длинной стороне которого ты пробирался сюда, а короткая сторона угла заканчивается воротами - двумя железными рамами на петлях наваренной на них сталистой сеткой. Эта короткая сторона - торец территории базы. От него она как бы вспухает, немного дергано, и опадает закругленно пустырем, не до конца огороженным (резервная производственная территория). Дорога от ворот на территорию базы выглядит в темноте таинственно-мутной. Ты включаешь прожектор (над единственностью которого так потешались менты после ограбления) - и дорога сразу становится черным провалом. Почувствовал зябкую сырость по спине. Сушиться надо.

Теперь колотишь в дверь кулаком и думаешь, что правильно менты смеялись: один прожектор, нет сигнализации, нет телефона - до ближайшего бегом больше десяти минут, - рядом никого или объекты с пьяными и перепуганными сторожами. За дверью настороженно скрипнула вторая, утепленная дверь, и после паузы:

- Кто?

- Открывай, сторож пришел...

Крючок откинулся, ты дергаешь дверь и мимо нерешительной фигуры прорываешься к теплу. У стола бросаешь сумку, сразу раздеваешься и к печке. Вот это замерз! Накатывает расслабуха. Между окном и дверью столы буквой «Т», ножка которой упирается в стену, по ее сторонам массивные кресла с педалями (списанные из парикмахерской). Привычно заняв ближнее к двери, внимательно смотришь на напарника:

- Напарник?

Замаялся: ну... да.

Пухловат, розовощек и чернобород, передние зубы подгнивают, улыбается мокро. Тонкие пальцы. Он перетащил второе кресло из-под окна и сел напротив. Между нами оказалась книга. Текст - по две колонки на странице, такое оформленные книги и вид этого дяди напоминают...

Протягиваешь руку:

- Андрей.

- Дима. - Прохладное суетливое пожатие.

- Верующий?

- Да... Да, знаешь, верующий.

- Какой конфессии?

- Церковь Последнего Завета, слышал?... Виссарион, Город Солнца?..

- Слышал. - Но тебя интересует в данном случае профпригодность. - Слышал. А, если что, палкой по голове ударить это не помешает?

Снова некоторое замешательство. Понял, закивал головой, потом замотал:

- Нет, нет, не помешает. Но, я думаю, Бог не допустит.

- Дай Бог... - Ты откинешь голову на спинку кресла, на потолке небольшая трещина, как слюну, выпустила нить паутины. Пыль. Вот таким макаром ты познакомишься еще с одним идиотом в своей жизни.

II

- Прихожу как-то утром в воскресенье - знаешь, да, что по выходным мы сутки стоим? - мой напарник еще не подошел, а мужики с той смены рассказывают, как им менты устроили развлечение на целый день. Тут рядом шоссе проходит, по его обочине нашли в овражке труп, женский, без одежды. А тогда потеплело основательно: ну, снег подтаял - и заметили. Милиция по звонку приехала. Кто звонил - естественно, ждать не стал. А место пустое, искали понятых, зашли к нам на базу. Наших-то как раз двое. Рассказывают, в снегу лежала - почти не разложилась, больше объединенная. Воронья вокруг много собралось. Лицо все изгрызанное, но на пальцах ярко-красный лак сохранился - молодая наверняка была. Врач ментам сказал - около двадцати шести лет. После того случая мужики чуть собак наших не постреляли - они тогда дня четыре жрать отказывались, вот мужики и стали бояться, что к человечине привыкнут, а жизнь невеселая у них, у собак, голодные постоянно. Кормить же нечем. Обедков мало и денег нет ни у кого. Тебе сказали, что три месяца задолженность у нас?

Я потянулся в кресле, пошевелил ногами на столе. Печка ровно гудела, тепло в кандейке. Скоро топить РБУ, и перед этим развлечением на морозе сидеть здесь было уютно. Вспомнилось лицо Сереги из той смены, что была в понятых: удовольствие получал от рассказа, пред-

ложил сходить, посмотреть на место.

- После того уже, чуть подальше отсюда, сгорел дом и шесть человек в нем. Два мужика, три бабы и девочка. Говорят, странно сгорели. Да это ерунда! Вот недавно, уже тут, неподалеку, водила поздно возвращался со своей базы. Так его сначала застрелили из двустволки, потом голову отрубили. До сих пор не нашли - кто... Так что места у нас веселые, мне нравится: просторно, тихо, воздух чистый. Тишина - это, наверное, главное, что мне здесь нравится.

Дима слушал, неуверенно улыбаясь, кивая и поглядывая на свою книжечку. Вот так и получается, что предупреждаешь контору о том, что опоздаешь из-за своей практики в школе - я же учусь в педуниверситете на четвертом курсе, - а они возьми и подкинь напарника, взамен Дениса, почему-то пропавшего. Напарничка начальство послало хоть и повыше меня ростом, да вида ненадежного. Еще и в Виссариона верует. Приветтики. Пока я, значит, с детьми возился в связи с подготовкой к Историческому Балю (что-то вроде шоу со всеми натяжками школы: воспитательной, развивающей и обучающей), Николаич его сюда на «Ниве» своей привез, заодно и дорогу показал, чтобы не плутал.

- Так, говоришь, директор сам уголек к РБУ таскал?

- Угу.

- Совсем дела, видать, плохи, - я улыбнулся поднявшему глаза Диме. - Еще пожалеешь, что нанялся. Я давно уже, кроме авансов, ничего не видел. И сколько ведер натаскал Николаич?

- Четыре. Кажется, четыре.

- Значит, еще четыре надо, - я снял затекшие ноги со стола, сунул их в тапки и, обойдя Диму, пошел в левый, дальний от двери угол. Там, на отработавшей газовой плитке стояла магнитола. Настроил радио на «Европу плюс», рекламу «магазин цветов - это безудержное, яркое разнообразие цветов» сделал потише, чтобы в уши не лезла. Дима, забравшись с ногами в свое кресло, клонился над книгой. Рядом с магнитолой вдоль пыльной стены стоял импровизированный топчан из старых и разных диванных подушек. Над ним небольшое окно с листом шифера в нем вместо штор. Окно выходило на прилегающий к базе пустырь (и заглянуть в него снаружи было просто). Дальше в углу стояла печка. Над ней нависал внушительный водонапорный бак голубого цвета. Система отопления здесь была продумана отлично, даже ТЭНы встроены в трубы. Тепло. У входной двери железный голубой шкаф. Еще шкафы по левой от двери стене, там же сейфы. Один открытый. Я представил, как Кузнецов перетирал два раза веревку. Между топчаном и столом, за которым мы сидели, стоял еще длинный и узкий стол. Все это дело освещала одна трубка лампы дневного света. Резковатый свет. Я снова обошел Диму и глянул под стекло на столе, усаживаясь в свое кресло. Под стеклом график дежурств. Забыл, как твоя фамилия, напарник. Берзер.

Кроме того, что Дима этот рыхлый и верую-

щий, он еще и относится к тем подозрительным людям, которые в первые же пятнадцать минут рассказывают о себе чуть ли не все. А вторые пятнадцать минут смотрят на тебя нежно, готовясь признаться в долгой дружбе.

Правда, Дима предложил не долгую, а вечную, и не дружбу, а жизнь в свете Последнего Завета. Этого я и боялся. Поэтому ответил ему, как всегда в таких случаях, - жестко и в том же русле, то есть цитатами из Библии и других священных писаний. Мол, сами с усами и дороги знаем. Оппонент оказался слабохарактерным и быстро отступился. Речью он явно владел недостаточно. Я вспомнил Таньку, однокурсницу: со смехом рассказывала, как встретила в парке трех кришнаитов - молодых и свежее испеченных. Они ее попытались приболтать уверовать в Кришну. Но логикой и знаниями она владела лучше и через полтора часа вялого спора уговорила их выбросить «дурь» из головы. Вообще эти слюнявые уговоры с логическими (логическими!) доказательствами действуют удручающе.

А рассказать он мне порядочно успел. Жили в Магадане, еврейская семья, поступил в Хабаровский мед сравнительно легко: дедушка, тогда еще живой, - известный профессор, чуть ли не завкафедрой. Отучился педиатрии шесть лет, причем умудрился побывать в армии (на Камчатке артиллеристом), но эту тему он скоренько пробежал. Интернатуру не прошел, хотя устраивали. Всю жизнь был озабочен поиском истины, - это моими словами, - поэтому остальное не было особенно важным.

По порядку я, наверное, напутаю, но побывал он в очень многих духовных и интеллектуальных течениях. Мистик и метафизик, медитатор, буддист и всякого рода эзотерик (по книгам устрашающей величины а ля Блаватская, Рерих, Андреев), йог - сравнительно долго, с путешествиями и показательными выступлениями. Искал и спасал от НЛО, ушу занимался.

В данный момент ему двадцать девять, живет с мамой-папой, младшим братом, верит в Виссариона и пытается оправдать свое существование перед родителями, (как я понял), то есть сидит передо мной на производственном посту.

Во мне вдруг пробудился исследователь:

- Дима!

Он оторвался от Завета и улыбнулся, склонив к правому плечу голову.

- Если у вас второе явление Христа свершилось, значит, и Антихрист побывал или есть еще?

Пожал плечами, кивнул, повторил все вместе.

- Кто?

- Ну... как... Ленин... Да, Ленин.

- Ленин? - я удивился. - Может, Сталин, все больше крови попускал?

Дима замялся, открыл и закрыл Завет:

- Нет... Ну... Да... Нет - Ленин.

- Ясно. - Я помолчал. За окном взлаяла собака. Кажется, несерьезно, - проверять было лень. Время еще есть, фантастику читать неохота...

Дима на фантастику мою посматривал свысока, а зря - у каждого свой опиум.

- Есть у тебя что-нибудь вкратце по вашей теме? Только вкратце! Познакомиться, а, Дим?

Он, конечно, резво подорвался к своему поношенному светло-серому пуховику. Из его глубин извлек бледную брошюрку. Дал и долго суетливо усаживался, поглядывая на меня. Умиляется, черт.

Похоже, что компьютерная распечатка:

ученик Виссариона

- Сергей Чевалков -

лекция

г.Ногинск, Московская область

сентябрь 1993 г.

Минут через десять чтения стало понятно, что это еще один угол зрения на вечность. Много понравилось, особенно непреложный принцип свободы выбора. Позабавил язык. Потом я насторожился логикой изложения и дошел до такого абзаца:

«Таким образом, понятно, что люди - это, в общем-то, огромная плантация по возвращению вот этой уникальной духовной ткани. Как рассада выращивается, которая потом должна будет распространена во всей Вселенной. У каждого будет свой участок творения, свой мир, в котором он будет подобен тому, кем сейчас является Бог-Сын около Земли. Согревая все, гармонизируя, приводя в новые качественные состояния. Но чтобы это делать дальше уже, люди должны взрасти сначала, силу творения набрать, гармонию эту найти, как должно все происходить».

Я стал рассматривать Диму: извольте - передо мной бог сидит, ни больше ни меньше.

Отбросив брошюру, я взял со стола свой нож. Раскрыл, полюбовался. Он у меня всегда под рукой - обычно на столе лежит на всякий случай. Ладно, сколько ни оттягивай, а РБУ топить надо. Не дай Бог, вода в котле замерзнет - вся зарплата на покрытие убытков пойдет. Дима читал «талмуд». Я встал и подошел к печке. Из кучки дров - в прошлом хорошей десятисантиметровой рейки - выбрал ровноволокнистый обломок и стал его щепить ножом, присев на корточки. Дима оглянулся беспокойно и вернулся к чтению. Почти через минуту он произнес:

- Угу. - Помолчал. - Ухм, угу-угу... иду.

- Да сиди пока, я щепок поболее наберу...

- Ага, - он соскочил с кресла и пошел к вешалке у магнитолы, одеваться. Я натянул валенки, оделся и затянул пояс. Ветра еще.

Угольные ведра стояли тут же у печки. Дима схватил их и рванул на улицу, споткнувшись о что-то перед второй дверью. Сторожка, по правде, днем была чем-то средним между кабинетом начальника базы и курилкой, а вторая комната (симметричная в плане) представляла собой бытовку без совмещения профилей.

Я вышел вслед за Димой. Он уже успел сделать несколько шагов к угольнику и повернулся ко мне, улыбаясь:

- У-ух, погодка! Красота! - Мокроватая у него

все-таки улыбочка.

Ответил ему ветер, сыпанув снега прямо в лицо. Из-под колесного трактора вылезла Белка, худющая дворняга, постоянно вынашивающая потомство, поскулила, вертя хвостом. И спряталась. Где-то еще прятались от холода две морды. Когда, уже вне света прожектора, мы подошли к угольнику, я сказал, что углем дышать моя очередь, и влез в старый вагон. Быстро надолбал смерзшегося угля, просеял через сетку от кровати и набрал два ведра. Затомившийся было Дима вытащил их и понес к РБУ.

Я заготовил еще три, потом просеял побольше угля и остановился, когда начал задыхаться. Пальцы замерзли. Глаза хорошо освоились с темнотой. Без напряжения видел уже внутренности вагона-угольника. Во внешней стенке на уровне глаз было окно. Я сплюнул в него угольную пыльцу, вязавшую слюну во рту. Луну заслонили тучи, пейзаж был мрачноват. Неожиданно в него врезался свет фар. Кто-то свернул с шоссе на нашу подъездную дорогу. Проехав придорожную рощицу, машина погасила огни. Смутный силуэт белой легковушки замер недалеко от ворот. Метров за тридцать пять.

Дима поставил ведра, взял полные и унесся снова к РБУ. Я не спеша, поглядывая в окно, набрал ведра, дождался Диму с пустыми ведрами и набрал еще только одно.

- Дима! - тот улыбнулся и потянулся за ведрами. - Залазь сюда.

Он неловко просунулся под поперечным швеллером ободранного бока вагона.

- Видишь?

- У.

- Пошли уголь в сторожку занесем, а потом разделимся: я топить, ты посматривать. Пустое ведро оставим.

Дима посмотрел еще и полез обратно. Отнесли уголь. Я вручил ему текстолитовую дубинку для смелости и поставил его в тени у забора:

- Как увидишь движение в нашу сторону, ничего не делай, не шуми, просто тихо, но быстро беги ко мне. Там разберемся. Понял? Сразу ко мне. А я быстренько растоплю и вернусь. Ничего наверняка не будет. Но лучше подстраховаться.

Я пошел топить. Торопился, поэтому казалось, что все медленно делается. Щепы и дров на растопку я принёс с собой. Выгреб золу, заложил бумагу, щепу - зажег, подождал, подбросил дров, закидал их все. Разгорелось. Лопатой нашвырял угля под завязку. Оставалось немного. Где-то выла собака. И казалось, что кто-то смотрит в спину. Бывает.

Около сторожки с надрывом залаяла Белка. Я хлопнул дверцей печки и побежал туда. Чтобы Белка так лаяла!.. Я раскрыл на бегу нож, взял его в правую руку, отвел ее назад. Плохо, что ноги в валенках. Пробежав мимо куч песка, бетонных плит, складов, я увидел: освещенный прожектором, с палкой под мышкой, нахолившись, стоял человек. Вокруг него, припадая к земле, с лаем металась Белка, а Бим и Старик

выражали недоумение. Не веря себе, я подошел. Дима как-то напряженно стоял и смотрел в одну точку. Я прошел мимо, подошел к забору. Машина на месте. Внутри мелькнул огонек - зажегалка, наверное. Я сложил и убрал нож.

- Ладно, пошли греться. Это, наверное, с бабой балуются.

Может, с бабой, может, коноплю курят, может, по вене дурь гоняют, может, все вместе. Мы зашли в тепло. Стали раздеваться. Сердце у меня успокаивалось после рывка.

- Перекусим?

- А? Угу, давай, - он подошел к внешнему окошку, заглянул за лист шифера.

- Да не волнуйся. В любом случае, мимо нас не пройдут, если что. Изолируют... Так что расслабься.

Я достал пачку сосисок (американский фунт), булку хлеба и пачку чая. Где-то был сахар здесь. Чайник как раз закипел, я его поставил на печь еще перед выходом за углем. Дима перенес свою кастрюлю с плиты на стол, открыл: жидко сваренный рис. Он занялся досаливанием, а я пошел заваривать чай. Заглянул в печь, надел рукавицы, подкинул дров, кочергой сдвинул кольца плитки и засыпал сверху угля: совсем прогорела печка. Заварил чай. Сполоснул кружки. Вода у нас стояла тут же, в двух молочных бидонах. Я налил кипятку и поставил кружки на стол. Расположились мы на своих местах. Дима придвинул к себе кружку и стал есть рис. Я открыл сосиски:

- Ешь.

- М? У- у, - отрицательно помахал головой.

- Вегетарианец, что ли? - Совсем неудивительно. Покачал согласно головой.

- Чай-то все будешь?

Он покивал еще:

- Да, спасибо.

Я налил ему и себе заварки, придвинул к нему сахар. Дима осторожно набрал две столовые ложки, размешал и, пока я делал то же самое, отхлебнул, обжигаясь:

- У-у! У, красота какая! Хороший чай, спасибо. Спасибо.

- Да ладно, перестань, - я отрезал местным дряхлым ножом хлеба и протянул ему.

- А. Спасибо-спасибо. Будешь рис?

- Немного, - я зачерпнул ложкой. С сосиской, хлебом, да еще сладким чаем получалось неплохо. Последний раз, наверное, «мясо» ем. Тоже пора в вегетарианцы подаваться. Занимать уже не у кого.

Я посмотрел на своего патлатого напарника и вспомнил фигуру в лучах прожектора:

- Йог, говоришь?

Он улыбнулся извинительно, мол, было. Что-то вспомнил и стал рассказывать. Начало я пропустил: обжегся чаем.

- ... был у нас... Федор - продвинутый довольно. Собрал нас всех зимой утром на стадионе. Разделись все до трусов, девушки до купальников, и побежали. Он командует: «Медитируйте!». Мы медитируем. Только холодно. Мерзнет все. Тут он,

видать, сам не выдержал и загнал нас в гараж какой-то... Потом побежали одеваться. И бегом по домам. А мне в институт надо. Занятия уже идут. Прибегаю без шапки, на лицо сосульки свешиваются, а мне: «Дима, да ты что? Как можно!». У-ух, - он засмеялся.

Смешно.

III

Все-таки растеплилось. Зима в скором темпе истаяла. Сегодня суббота - у нас суточное дежурство. Через окно липло еще низкое послеобеденное солнце. Я метался от двери к стене мимо печки и от стены к двери: плохо. Было очень плохо.

Денег по сю пору нет. Контора явно разоряется, а бросишь - заработанного не получишь. Так хоть надежда есть. Жрать нечего. Мать в долгах. Звездочка, светившая в самые трудные времена, вдруг погасла и оказалась оптическим обманом. И уехала. Без надежд. Пусто. От друзей ничего, и учеба не ладится. Какая учеба на фоне выживания?! Хорошо, проездной льготный. А то как бы до работы добирался?

Дима сидит на корточках возле кресла. Читает и хмыкает. То залезет с ногами своими босыми и, естественно, грязными, в кресло, то встанет рядом с креслом у окна. Но обязательно с книгой. За месяц я уже привык и вопросов типа: «Что он на заднице не сидит?» себе не задаю. Геморрой, наверное. Йог.

Кстати, напарник мой не только читает. Поскольку я насмеяться не люблю и редко перебиваю, он стал много говорить. Происходит это обычно так: наткнется на что-то в своем Завете, что напомнит знакомую тему, и включается. Как и в этот раз.

Дима начинает рассказывать про очередное чудо.

Дверь - стена, стена - дверь... В двух местах пол скрипит на разные лады (зависит от погоды и времени года). Если это раздражает, надо ходить чуть наискосок. Дверь - стена...

«Не знаю, как ты сегодня будешь, не знаю ...» - Это было как раз после второго вооруженного ограбления базы... Дима мой тогда первый раз прогулял. Директор метался мимо меня, что-то закрывая и проверяя:

«... не знаю. РБУ мы протопили, закроешься и сиди. Мы сегодня с ружьем и автоматом тут сидели - ждали. Да спугнули, заметили только, как в окно кто-то заглянул. И выскочили, да поздно: успели убежать, суки.»

Директор, Николай Николаевич, - человек представительный. Оправдывает собой тип начальника, но фигуру и силу, сколько я мог заметить, сохранил замечательные. Голос он имел мощный:

«Сегодня мы никак не можем остаться, да может, и не полезут», - он суетнулся и вставил в окно лист шифера: «Всегда так ставьте». - Бы-

стро огляделся через меня:

«А кто твой напарник?»

«Да Берзер.»

«Разберусь, где его носит. Работнички», - он, не глядя в мою сторону, оделся и на ходу, через шапку накидывая красный шарф, пошел к выходу. Я вышел за ним. Погода стояла ясная и тихая. Бледное небо темнело. Он взял за дуло «Калашник», прислоненный к стене, и пошел к «Ниве».

«Давай. Удачи!» - не оборачиваясь. Я смотрел, как он подошел к машине и открыл дверцу. Что-то сказал водителю, бросил автомат на заднее сиденье и, оставив дверцу распахнутой, вернулся:

«Что у тебя? Денег нет?»

Я кивнул. Он, все так же не глядя на меня, вытащил из дубленки бумажник. Протянул мне сотню. Я взял молча. Вашими щедротами ...

«Нива» выехала за территорию. Николаич закрыл ворота, сел в нее и уехал. Я присел на скамью рядом с дверью в кандейку. В стороне у сложенных одна на другую бетонных плит, покрытых снегом, копошились собаки. Похоже, скисший борщ делили. Верховодила, как всегда, Белка. Прогнанный ею Бим подошел ко мне, поскулив на всякий случай. Над правым ухом бурела рана. Бурела и воняла. Это еще урок мужиков за человечинку не зажил. Видать, убить хотели. Но дворняги живучи. Хотя, конечно, в этом деле лучшая собака - человек.

«Что смотришь? Нет ничего.»

Безрадостный конец зимы оставил только одно чувство - усталость. Бим отмахнулся досадливо хвостом и снова полез к соблазнительному борщу на затоптанном снегу. Авось кость достанется.

Я пошел внутрь. У печи стояли ведра с углем, рядом - аккуратно сложенные дрова. Ишь, работа какая небывалая. Так мы и не узнали, что ты там хранишь в своих складах, начальник. Все это похоже на «конкурентную борьбу». Я выбрал из печи горячую золу в пустое ведро, вынес, высыпал, посмотрел, как тает под ней снег. Вернулся, подбросил на оставшиеся угли дров. Пока разгорались, взял в углу швабру, прикинул свой размер и отломал ударом ноги себе палку. На хват удобна, только легковата. Наверное, быстро сломается. Да, если что, надолго и не понадобится. Покрутил палочку, поделал выпады, разогрел кисти. Пойдет. Прислонил ее у топчана. Дрова растрещались, и я загрузил печь углем. Усталость уже начинала раздражать. Включил ТЭНы, отопление. Замерзнуть не должен. Выключил магнитолу, сходил, включил прожектор, заперся на крючок, положил рядом с дверью текстолитовую дубину, вырубил свет в комнате, чтоб меня никто не видел, а я всех. Вроде все. Я лег на топчан, воткнул в рядом стоящий стол нож, так, чтобы схватить первым же движением. На стол положил нунчаки. На торцах сложенных рядом палок складывалось пожелание: «Ни пуха, ни пера».

К черту. Все - обложился. Пора спать.

Да, утух я тогда влет. Проснулся, помню, в отличном настроении. И через полчаса пришла смена. За эти полчаса снова затопил печь и сидел, любовался ножом. «Made in China». Ручка украшена с двух сторон изображениями дракона, заточка под бритву, небольшой. Лезвие сантиметров одиннадцать. Но связано у меня с ним много. Радио я к тому моменту включил и посреди одной песни дурашливый голос спросил: «Саломынка, да-а?». Я сжал нож полным хватом:

«Да, на х..!»

... Дверь - стена... Дима все вещает. Чего я только не узнал за этот месяц. Как он побывал в долине гейзеров, какая там «ух, красота», и в гору какую-то он лазил с йогами (с минимумом пайка), причем своевременно пошедшие сезонные дожди чуть было не погубили их, а он с девчонкой оторвался от группы. Устали, видите ли, погоды ждать, корешки кушать. Всем повезло тогда. Больше всего, конечно, рассказывал про Сибирь, Байкал, озеро Тиберкуль - те места, где осела община Последнего Завета; про гору и строящийся на ней храм с на руках доставляемыми туда материалами. Там, конечно, «ух, красота», причем много раз «ух, красота». Чувствуются по его словам, космические законы, карма чуть ли не на глазах свершаются, ну и т.п. Естественное разделение и противостояние с «аборигенами». Там староверы, в основном. Дима рассказал смутно (обычная манера), как какие-то неофиты-горожане влезли с гоголом в почитаемую местную речку и как самому Виссариону пришлось замирать. Это я себе живо представлял. Его собственные восторги все не запомнились. Бессловесное умиление преобладало. Особенно когда дело касалось самого Виссариона. «Я сижу с детьми играю... а Он как зайдет... я как заплачу от первых слов, как побегу не знаю куда...». Мучился он, бедный, пытаюсь мне благодать-то описать. Я не смеялся.

Раз сказал он мне и про то, что его беспокоило сейчас. У него была невеста, о которой он говорил очень осторожно. Он часто ездил к ней в дом инвалидов. Звали ее Ольгой, и мечта их была - пожениться и в перспективе уехать в общину, как это постепенно делали все адепты, что меня очень занимало (нет дыма без огня). Пока же его большой мечтой было жить в однокомнатной - его, как он полагал, - квартире в центре города и заниматься ремеслом. Естественно, родители квартиру сдавали, а не оправдавший надежд тридцатилетний сын жил с ними и братом-старшеклассником в одной квартире. Судя по частым оговоркам самого Дмитрия, он был головной болью семьи. Даже тетя, живущая у них дома со своей семьей в ожидании документов на пути с Камчатки в Израиль, имела с ним разговор. Дима улыбался смущенно. Я понял, однако, масштабы сцены с подключением мамы. В прошлое дежурство Дима взволнованно сообщил, что «мама сказала: к концу месяца квартира будет его», но я уже знал, что эта фраза периодически звучит на протяжении двух лет.

И было это не только из-за того, что старший сын перестал подавать надежды, тут было что-то неясное для меня, связанное с невестой. Почему-то она не нравилась родителям, и они не хотели, чтобы она прописывалась в этой квартире.

Дима мечтал:

- Квартира однокомнатная, конечно, гм. Но там есть такая ниша - большая. Главное, пандус есть у подъезда. Я хочу мастерскую там сделать и работать с деревом. У нас в гараже станок дедушкин есть. Ух! - он рассмеялся, наклонив голову. - Ха-ароший станок! И ребятишек приводить, учить работать руками и так ...

- Что так?

- Разговаривать с ними, помогать. Часто же надо на вопросы кому-то ответить. Ну, и ... - он замялся.

Я вспомнил подаренную мне деревянную шкатулку «правда, не обработанную еще». Вспомнил и озлился. И ты туда же, в душеводителя. Ну, веришь ты, ну, твоя это социальная ниша, ну, и занимайся собой! Куда! Всяк пастухом себя мнит.

... Стена - дверь...

Шло занятие по методике преподавания мировой художественной культуры (МХК). Я сидел за партой и смотрел в окно. Деревья в рамке обреченно блестящих домов. Обреченность многоцветия осенней волнуемой красоты. Красота последних дней, когда знаешь, что они последние...

От импрессионизма запотевших окон оторвал преподавательский голос:

«Я лечила женщину, которая умерла...»

Картофельное лицо методистки МХК было сладким. Теперь оно еще и улыбалось:

«Я не знала тогда, что ее нельзя было лечить...»

Я внимательно вгляделся в разорванный шов блузки, распертой ее дряблым туловищем.

Еще одна.

«Она совершила грех против космической любви. И можно было только разделить последствия, но не вылечить, да. Я тогда недолго жила в Иркутске (я вам говорила, что у меня там внучка заболела), и там я прошла некоторые духовные практики...»

Пришлось насторожиться. Только что по желанию наших восторженных девочек, проводивших на этом занятии макет школьного урока, вся группа впала в медитацию «на две-три минуты» под звуки колоколов энного собора. Звук был плохим. Злились, смеялись и благоговели почти все с закрытыми глазами. Позади всех блаженно закинула голову методистка. Отвела с закрытых глаз липкую прядь. Цвет пряди - грязно-стальной.

После она исполнила номер: «Я видела красноватую земную энергию страстей, стоявшую над вами облаком. А потом, когда зазвучали колокола, в потолке как бы открылись двери, и эта краснота стала втягиваться туда».

Когда в процессе ее болтовни у меня резко заболела голова над левым ухом, я уже испугал-

ся, обвел себя воображаемой чертой: я в этом ничего не понимаю, но как-то надо защищаться от этих...

«Можно, я еще посмотрю, как там у вас с этой энергией?» - спросила экстрасенс у группы.

«Конечно, конечно!..»

«Пожалуйста!..»

Мама дорогая! Как я испугался! Моментально дополнил мысленный круг до полного шара, целиком меня закрывающего. Это уже похоже на насилие.

«Нет, не вся всосалась. Слишком много ее в вас.»

Бабушку понесло: будьте такими, делайте так; смотрите третьим глазом (научу); нельзя детей делать циниками, они должны чувствовать... Что бы я отдал в споре, что у вас, Нина Александровна, на уроках дети считают дырки в вашей одежде.

Другая преподавательница мировой художественной культуры, тоже прошедшая «определенные духовные практики», рассказала, как на уроке в пятом классе «выявляла деток». Научила наскоро технике виденья третьим глазом и думала, что увидят «что-то» двое-трое. Двое-трое не увидели. А все остальные очень ярко что-то увидели. Я не скажу о детской дискриминации, но когда прозвенел звонок, один мальчик не мог встать и лег на парту: спать.

Интересно, знают родители, что делают с их детьми, обучая прекрасному?..

- Ты понимаешь, что детям для развития, даже духовного, вначале (вначале!) хватит просто уважительного созерцания произведений искусства? А кому дано раскрыться - раскроется! Эти кулики берут на себя слишком много, всучивая техники работы с энергетикой неразвитым, несформированным душам!

Дима удивленно на меня посмотрел, не понял, покивал и снова нырнул в «Завет».

Дежурство потянулось дальше. Так же пыльно и настырно в окно смотрело солнце. Разнобойная капель, долбя подоконники, подчеркивала тишину вокруг. Иногда на территории завода что-то железно скрипело или коротко грохотало. Весна уже закрепилась на тающем снегу, и солнце садилось долго. Я выспался на диванных подушках, забросанных старыми телогрейками, снял с подушки, пахнувшей солидолом, свою футболку (пойдет в стирку), потянулся и встал.

Дима, затеявший ужин, минут десять из-за этого суетившийся, сейчас склонился над своим рисом. Обычно ничего больше у него не было.

- Возьми чай.

- А? Ага, ага. Спасибо.

Я потянулся еще раз. Дима, оглядываясь и возвращаясь к рису, говорил:

- С добрым пробуждением. С добрым... Добрый вечер...

- Спасибо. Что, топить часа через два пойдем?

- М-м, угу-угу, надо, да, - он пошел заваривать чай. На раскрытом «Завете» осталась рисинка.

Я представил, как к нам кто-то врывается вот в этот момент. По отношению к двери я стою за длинным столом. Значит, надо включать дурака и идти на сближение. А там - как повезет. Главное, сблизиться, дальше нам помогут условные рефлексы, как учат в школе. Правда, самим рефлексам в школе не учат.

Дима сделал себе чаю и блаженно фыркал. Я тоже себе налил и сел на свое место, согревая кружкой руки.

- Хороший чай, ух, хороший. Спасибо, спасибо...

- Дим, ты говоришь, больше ста сорока конфессий в городе?

- Угу, зарегистрированных.

- И все в этом Братстве кучкуются?

- Не все, но много. Пытаются объединиться, или убеждают друг друга... - Он заулыбался, и щеки, красные поверх бороды, двинулись как-то. - Вчера Вера на собрание приходила (она живет с моей девушкой в доме инвалидов), просила денег на дорогу. Уфф. Ух.

- Что, не дали, но перешли от слов к делу?

Он улыбнулся снисходительно. Я спросил:

- А куда ей?

- У нее жених под Саратовом, ждет ее, а она заняла все свои деньги кому-то, и тот ее надул.

- Что, найти не может?

- А не знает, кто это.

Я рассмеялся:

- Дали денег?

- Немного.

- И часто вы там друг другу помогаете?

Дима не ответил.

Я проследил белым взглядом трещинку на белой стене, у которой стояла печь. У конца трещины возле плинтуса откололась штукатурка, кусок лежал тут же. Все правильно, с той стороны тоже печь, а дымоход общий - в этой стене. Стена, значит, дышит, потому и трещина по свежей побелке.

Дима протянул мне поляроидную фотографию.

- Это Ольга, моя невеста...

Я посмотрел и не удержался от вопроса:

- Сколько ей лет?

- Сорок два, - Дима грустно улыбнулся.

Она сидела в инвалидном кресле и улыбалась.

- А что с ней?

- Полиомиелит, знаешь?

- Знаю, - я вернул фото. - С родителями знакомил?

Дима нахмурился:

- Знаешь, Ольга такая, что ух... Чуть что, и... Мне знаешь, как попадает? Ругается на меня, что я не думаю о будущем там, рассеян, разное... Да, я привозил домой. Отца не было, а мама... Ну, мама - слабый человек, у нас с ней разные интересы. Я ей пытаюсь иногда что-нибудь объяснить.

- Сколько она тебе обещает квартиру отдать - почти два года?

- Да. Да, да, знаешь, гм, проблема. Она не хочет, чтобы я Ольгу туда приводил. Но это ничего. Я ей, Ольге, сказал, что все нормально. Че-

рез две недели заберу ее оттуда...

- Что, мать согласна?

Он замялся:

- Ну, если не получится, квартиру сниму или комнату - вот зарплату дадут, и буду ежемесячно снимать.

- А жить на что? Ты сейчас зарабатываешь только на квартиру, и то, если тебе повезет платить ежемесячно за нее. Чем кормить будешь?

Дима остановился, потом улыбнулся мне примиряюще:

- Все будет хорошо, все к лучшему, - убедил себя и, отдалившись взглядом, стал медленно говорить, зля меня все больше:

- Квартира там хорошая, будем жить с Ольгой. Ребятишки приходить будут. Дерево... Собрания будем устраивать, круг. Я так мечтаю, что у нас ребеночек родится, буду его воспитывать, рассказывать про Виссариона, с деревом работать научу...

Я даже чаем плесканул на стол. Убрал руки со стола и воткнулся глазами в Диму. Этот божок без средств к существованию хочет, чтобы ему родила сорокадвухлетняя женщина, да еще инвалид! А он блажил дальше:

- Знаешь, там у нас, в Сибири, мно-ого детишек. Мы же туда и уедем. Все наши туда уезжают. Там уже есть детские садики, школы свои. Я надеюсь на лучшее. Ольга, после того, как поверила в Виссариона, книжки почитала, видео посмотрела с Виссарионом, проповеди там, ответы многие, - после этого стала несколько шагов

делать у себя по комнате. Представляешь? Мы с ней очень ребеночка хотим. Хотя бы одного. Одного, да, одного.

Он что-то вспомнил:

- А знаешь, когда мы с ней на собрание приходим, я ее на коляске завожу, на нас все так смотрят... Смотрят, ух ...

Он еще говорил, а у меня перед глазами женщина - измученная болезнью, жизнь прожившая в доме инвалидов при живых родителях. Ее надежда и этот - пухлый, в затертом пиджаке. Я спросил:

- Скажи честно, Дима, ты готов вырастить и воспитать ребенка - ты так этого хочешь?

Он, честно смотря в глаза, сказал:

- Нет. Знаешь, нет, наверное. Мне часто Ольга говорит, что я сам как ребенок и ...

Я не дал договорить и, изо всех сил сдерживаясь, спросил:

- И хочешь детей?..

Он помолчал и тихо сказал:

- Зачем ты так?

Я стал краснеть и растерялся:

- Ладно, прости...

Дима отрешенно и как-то горько покачивал головой.

- Прости, Дим, не обижайся, я не хотел...

Он улыбнулся.

И мы пошли топить опостылевшую бетонную установку. Скоро бросим это занятие. Теплело с каждым днем.

Галина ТАРАСОВА

Галина Михайловна Тарасова родилась в г. Свободном Амурской области. Большая часть ее сознательной жизни прошла в Иркутской области. Была медицинским работником, затем 20 лет преподавала в школе.

Как самодеятельная художница, начиная с 1971 года, многократно участвовала в выставках, в том числе всесоюзных и всероссийских. Ее работы - вышивка, вязание, корнепластика - высоко оценены специальными дипломами Союза художников СССР.

С 1987 года живет в Благовещенске, преподает рукоделие в частной школе № 2. Последние полгода пишет своеобразную «книгу воспоминаний» - точнее, это циклы коротких рассказов о пережитом, увиденном, услышанном. Часть из них мы и предлагаем читателю.

ЖИТЕЙСКАЯ МОЗАИКА

Истории с именами

Умный был парень Велька...

Однажды, когда молодые родители выбирали помудрёнее имя своему первенцу, бабушка припомнила и рассказала интересный случай из своего детства.

В сороковых годах в Печорской школе Республики Коми вместе со мной учились дети оленеводов-коми и дети русских строителей-железнодорожников. Детей других национальностей было мало и они не запомнились.

У русских-то имена совсем простые, за редким исключением. Помню одного мальчика, которого угораздило родиться в день заключения Пакта с Германией у оч-чень идейного папаши. И тот сдуру обозвал его Адольфом в честь того исторического события. Этого бедного мальчика во время войны с фашистами ребята колотили нещадно. А ведь помочь-то было нечем: имя давалось по закону один раз. Но я не об этом имени вспомнила...

Большинство имён коми не только трудно запоминаемы, но и трудно произносимы для русских. Отчества так вообще неповторимые. Ну, разве можно запомнить такие имена: Тынатваль Вуквутагиновна или Емрыкаин Иргутыгинович? Поэтому их переделывали, как удобнее. Но у моего одноклассника Вельки имя было простое и отчество русское: Иванович. Это когда-то его дед с беглым русским Ванькой подружился в тундре и назвал Велькиного отца именем друга.

Велька рос хорошим парнем. Он любил всем во всех делах помогать и всему учиться. Поэтому окружающие его любили. Да и родился он не в тундре, а в поселковом роддоме. Так уж получилось, что ребёнок не захотел родиться в яранге. А пожелал, чтобы папаша сразу же показал ему русский посёлок со всякими диковинными для тундры штуками, ещё в животике у мамы захотел всему научиться... Такой уж был этот Велька!

Естественно, что в школе он с самого первого класса стал отличником. Поэтому свидетельство об окончании семилетки директор школы должен был вручить ему первому из всех выпускников. Так уж было заведено, что на выпускном вечере учеников впервые называли по имени — отчеству.

Мы все легко вздохнули, когда долгие и подробные напутственные речи закончились, и нам собрались выдавать эти свидетельства. Директор назвал фамилию любимого всеми нами Вельки. Мы радостно захлопали в ладоши и стали внимательно слушать, что же директор школы Вельке скажет... А директор-то говорит так громко: «Поздравляю Вас, дорогой *Велосипед* Иванович!...»

Бедный Велька, то есть Велосипед Иванович, закричал дико и убежал в тундру к своим оленям. Больше мы его не видели. Но вспоминали... Особенно когда появилась песня и мы её маленько переделали: Паровоз — хорошо, паровоз — хорошо, Велосипед — хорошо, а олени — лучше!... Хороший был парень Велька, но убежал сдуру. Подумаешь: в день его рождения Велькин папа-оленовод впервые в жизни увидел удивительную штуку — велосипед. Он ведь мог и не такое увидеть, да ещё не так удивиться!

Учились же в нашей школе русские: Идея Пьянова и Ленинира Кукишева, Энгельсин Дер-

гунчиков и Владлен Живодёров, Искра Бандюгина и Ревмира Дуракова, Электрина Мошонкина и Юнона Синеносова... Удивление Велькиного отца — оленевода понятно, а русских-то что удивило, когда они давали своим детям новомодные имена при таких исконно русских фамилиях?!

Велька запросто мог бы назвать своих детей так, чтобы имена хорошо звучали и с таким отчеством. Например: дочка — Машина Велосипедовна, а сын — Трактор Велосипедович...

Отличник, а не додумался!

«Отдай хоть мебель!..»

Я точно не помню, в каком именно городе Иркутской области случилась данная история. Главное, это доподлинный факт. А, поскольку такое могло произойти в любом из бурно росших в шестидесятых годах городов, то, предположим, что это было в Братске.

Как грибы росли новые семьи в молодом, но всемирно известном своей ГЭС, городе. Домов строили очень много, но всё же за создававшимися семьями не успевали. Одна молодая семья рабочих-интеллигентов, состоящая из трёх человек, жила в общежитии и стояла в очереди на получение квартиры. По братским меркам долго стояла. После каждого распределения семья оказывалась не то семнадцатой, не то восемнадцатой. И никак не могла продвинуться вперёд. В застойные времена такое часто бывало. Застой — во всём застой... Чтобы сдвинуть с места свою застывшую очередь, супруги решили родить ещё ребёнка. Совершенно неожиданно для них появились две девочки...

А случилось это событие в преддверии приезда на Братскую ГЭС Фиделя Кастро. Тогда все громкоговорители на ГЭС без передышки транслировали песню Пахмутовой:

Куба — любовь моя! Остров зари багровой ...

Песня летит над планетой звеня:

Куба — любовь моя !...

И папа трёх ребятшек наплевал на родную почтовую связь и задумал диверсию! Взял да и отправил заграничное письмо со своим личным посыльным проводником прямо в Москву, в кубинское посольство, самому Фиделю. Так, мол, и так: родились у меня две дочки, а назвал я их Фиделиной в Вашу честь и Раулиной в честь Вашего брата. Приглашаю Вас на крестины.

... Во - наш нахал-то! А, ихний-то, Фидель вежливый такой: телеграмму прислал. Правительственную! Поздравляю, мол, весьма тронут. Если позволит регламент, обязательно, приеду... Вот ведь какой оказался вежливый к трудовому человеку! Такой нашим пример показал, что они все, вплоть до Самого Главного, настолько вежливыми стали, что и слов нет... И квартиру семейству Фиделины с Раулиной мигом дали, трёхкомнатную, солнечную, да ещё и на втором этаже с телефоном и мебелью. Вот это была

Вежливость с большой буквы!

Не предполагали тогда все, что не позволит регламент Фиделю Кастро в гости к Фиделиночке с Раулиночкой сходить... Неловко, конечно, вышло... Но регламент есть Регламент.

Ну, а наши-то, вежливые такие, пришли к Фиделинке с Раулинкой в гости, выпили для приличия, закусили... Да и говорят папаше, мол, отдай хоть мебель, что ли! Но трижды родитель, наученный всем своим бывшим общежитием, нагло соврал, что ему лично Фидель просил передать, что скоро его брат, Рауль Кастро, приедет на знаменитую Братскую ГЭС посмотреть... Может его регламент позволит ему на Раулиночку взглянуть...

Удар-то ведь ударом отбивается... И всяк своим умом живёт: назвал двойняшек по науке и теперь не знает скуки.

Жили два соседа

Жили — были два соседа, дружили крепко. Оба друг другу не раз жизнь спасали в Гражданскую войну... Вместе демобилизовались, рядышком построили свои дома, одновременно женились и сыновей умудрились враз на свет произвести... Забор соседи поставили общий вокруг обеих усадеб, а между собой не загораживались... Разделили землю поровну и на меже, поближе к домам, посадили маленькое грушевое дерево. Под ним поставили столик и две скамейки, чтобы вечерами за самоваром посидеть всем вместе... А в самом конце усадьбы сделали над общей выгребной ямой, простите за натурализм, туалет с отдельным входом для каждой семьи. Там же рядом, на меже, посадили ореховое дерево. Оно должно было прикрыть эту постройку от посторонних глаз и украсить вид усадьбы. К тому же, орех не даёт никаким деревьям расти с собой рядом, а глушит их своими корнями. У туалета ему было самое место. Межа служила общей тропинкой в это сооружение...

Шло время, деревья подрастали, а вместе с ними росли первенцы соседей. Были у тех соседей и другие дети. Но по обычаю родовые дома всегда оставались за старшими сыновьями. О них я и хочу рассказать. Родители этих соседских сыновей-первенцев как-то быстро умерли от болезни один за другим. Согласно их последнему желанию похоронили всех рядышком, как они и жили...

Сыновья обзавелись своими семьями. Но надо же было такому случиться, что жёны повздори-

ли между собой, а затем и мужья — их защитники — переругались... От одного слова — да навек ссора... Недаром говорится, что ночная кукушка дневную перекукует...

От орехового до грушевого дерева поставили забор. Столик со скамейками сломали... Пошёл спор за орех и грушу. Спилить их не хотели мужья. Это, всё-таки, была память о родителях, да и деревья хорошо плодоносили... А новым ореховым деревьям места другого не было... Делёж груш и орехов поровну почему-то жён не устраивал... Ребятишки их тоже не дружили друг с другом. Каждый норовил пораньше обобрать спорные деревья и с недозрелыми плодами... Конца краю этой вражде не было.

Пока один из мужей не нашёл выход... Он угостил соседскую трёхлетнюю девочку недозрелыми сливами и дал попить свежего молочка. А когда угощение подействовало, и девчушка побежала в туалет под орехом, спросил, есть ли у неё бумажка. Ребёнку было некогда долго разговаривать с подобревшим вдруг дяденькой-соседом. Поэтому, не раздумывая, она взяла у него кусочек газеты и по назначению его использовала.

Сосед достал этот газетный обрывок, приложил к написанному заранее доносу и отнёс куда следует... Отца этой трёхлетней девочки посадили по известной в те годы 58-й статье за антисоветское воспитание детей: на газетке-то был портрет товарища Иосифа Виссарионовича Сталина!

Бдительному соседу в знак поощрения разрешили перенести забор на один метр вглубь территории врага народа... Жену и малых детей осуждённого приютили у себя дальние родственники из глухой деревни...

Опустевший дом и уменьшенную усадьбу отдали в знак поощрения другому: секретному сотруднику — сексоту — так тогда такие коротко назывались... Но новосёлу очень не понравились размеры его новой усадьбы, особенно по сравнению с соседской...

Жизнь продолжалась. История тоже.

За что?

Садовый автобус был переполнен. Две недели шли дожди, а картошка — основной продукт питания современных пенсионеров — требовала окучивания. Поэтому в первый погожий день все двинулись из города на свои садовые участки. Пригородного рейса в зону отдыха у Владимировки никак не могли открыть, отдыхающая молодёжь отпихивала немощных стариков и первой брала штурмом салон рейсового автобуса №105. Кондуктора в битком набитом автобусе не успевали за короткое время обилетить отдыхающих, и многие из них ездили бесплатно... Бесплатно проезжали и бомжи, которых развелось порядком в наши дни.

На последней городской остановке, на мосту через Зею, стоявших у дверей пенсионеров ут-

рамбовали. Первым втиснулся основательно пьяный бич, заросший грязью и щетиной, с неистребимым запахом пота, алкоголя и табака... Счастливо и дурашливо он навалился на двух бабок — пенсионерок. Тем попросту некуда было переставить ступню, не то что отойти... Одна из них сказала другой, что мужикам бы шары залить, остальное для них не существует. Вторая добавила, что за водку они всё готовы отдать...

Бомж вдруг дико заорал: «Выпустите меня!» — и дёрнулся к ближним автобусным дверям. Потом развернулся и рванулся по ногам и сумкам пассажиров к первой двери у кабины водителя автобуса. Там он стал колотить кулаками по стеклу и кричать, чтобы водитель открыл ему двери, так как он забыл свою сумку. Но автобус шёл по мосту, за ним была вереница машин, ни о какой остановке речи не могло быть. Тогда бомж с неистовой силой раздвинул руками дверь и вознамерился выскочить на ходу.

Перепуганный водитель притормозил, бомж чуть ли не вывалился под колеса, вскочил и побежал назад к только что оставленной им остановке... Выбежал с моста, глянул на то место, где ожидал автобуса — и не увидел своей позабытой полиэтиленовой сумки. Упал и умер.

В сумке, скрытой от глаз за полосатым ограждением дороги, была *непочатая* бутылка водки...

Се ля ви...

Два бичующих мужичка подрядились строить садовую беседку одной бабусе.

Один из мужичков был очень работающим. Любую мужицкую работу умел делать припеваючи. И хотя от водки никогда не отказывался, но ползающим на карачках бабуся его не видела... Был крепкого телосложения, с хорошо развитой мускулатурой, и на лицо не урод. Вдобавок имел миролюбивый характер...

Хотя бабуся и вычитала из медицинской статистики, что из сотни алкоголиков только четыре имеют силу воли избавиться от тяги к пьянству, а из своего житейского опыта знала, что только один из этой сотни мог на всю жизнь «завязать» и стать высокоинтеллектуальным человеком, она всё равно не считала этого Работающего пропащим для жизни. И бабусе было непонятно, какая такая нелегкая занесла его в приятели ко второму её работничку...

Тот второй был низенький, щупленький, вороватый и ленивый до одури. Работать он патологически не хотел. Об интеллекте говорить не имеет смысла. У ленивого работничка сохранились только сиюминутные интересы: выпить и закусить, потом поспать. Это был бомж со стажем. На бабусин взгляд, его, скорее всего, ожидала кончина от этой беспробудной пьянки. Цирроз печени, отравление каким-либо водочным суррогатом, избиение за воровство — в любом случае итог один: вечный сон под чужим забором.

Большиничные истории

Кошке игрушки, а мышке - слёзки

Работа у них шла весьма интересно. С утра Ленивый принимал озабоченный вид перед бабусей. Начинал усиленно тараторить и создавать видимость работы. Суетливо собирал щепки для своей печурки, весьма сосредоточенно завёртывал сигарки для себя и для напарника. Выпрямлял покосившийся на заболоченном участке столб, не делая при этом даже малейшей попытки укрепить его. Сортировал гвозди. Через каждые 10-15 минут спрашивал у Работящего, не хочет ли тот чаю.

Работящий затёсывал бревно. И просил Ленивого помочь поднять его и подержать, пока тот пришьёт. Ленивый быстро и безошибочно выбирал легкий конец, хватался за него и ждал, пока Работящий положит бревно на нужное место. Потом слегка придерживал, ожидая момента, пока тот приколотит его хотя бы одним гвоздём и тотчас бросал держать. К тому времени, когда Работящий пришивал бревно на совесть, Ленивого уже близко не было. Иногда Работящий бросал работу и шёл искать Ленивого. Но чаще плевался, высказывался - и продолжал работать один.

Беседку поставили. Бабусе она понравилась. Хозяйка посадила вокруг неё лимонник и местный виноград... Было куда спрятаться и от солнца и от дождя.

Целый год она этих работничков не видела.

А следующей весной в садах вновь появился Работящий. Он по-прежнему с охотой работал, ни от какого дела не отказывался. Просил бабусю привезти ему хоть старые газетки почитать. Читал быстро, беседовал с ней на любые темы. Так же иногда норовил выжать из посмеивающейся про себя бабуси денежку на опохмелку. Никаких перемен ни в лучшую, ни в худшую сторону в его жизни не произошло...

А вот про своего бывшего напарника он рассказал кое-что неожиданное для повидавшей всего собеседницы.

Во-первых, тот ещё жив и здоров. От его физиономии теперь можно прикуривать, такая у него ряха стала красная и круглая.

Во-вторых, живёт он постоянно на городской свалке, в отдельной землянке - ему тамошние старожилы выделили для жилья хорошее место... Он обустроился, прикормил пару бродячих собак для охраны общественного добра.

На свалку вывозят не только городской мусор, но и продукты с просроченным сроком реализации. Не все они испорчены вконец. Бомжи собирают съедобные на их взгляд продукты, например, свиную китайскую тушёнку в жестяных банках, везут в город, где продают оптом своим знакомым по цене вдвое дешевле магазинной. На вырученные деньги покупают одежду, — впрочем, и вполне пригодной одежды на свалке тоже хватает.

Одной только водки нет, ею и запасаются в первую очередь. Но не только ею. По мере необходимости заказывают по телефону... девочек. И тех привозят к ним (а значит, и к нашему Ленивому) на свалку из города. На такси!

Се ля ви...

У моих приятелей появился в квартире котёнок Барсик. При встречах бездетные супруги взахлёб рассказывали про Барсика всякие новости, консультировались, как его правильно содержать и воспитывать. Все были вполне довольны друг другом, когда приключилась эта история.

Кошки - ночные животные. Им по ночам положено ловить мышей. Но мышей в квартире не было, и Барсик начинал бегать и прыгать сам по себе, тренировался, наверное. Он запрыгивал на ковры, занавески и на спящих хозяев, пугая их. Поэтому хозяевам посоветовали хорошо поиграть с котёнком на ночь, потом покормить его, чтобы он спал всю ночь. Так и повелось в доме: набегавшийся и накормленный маленький хищник стал спокойно спать до самого утра.

Но один раз забыли про это, разделись и совсем уже было собрались спать, как котёнок стал прыгать шальным мячиком по квартире. Пришлось хозяину встать поиграть с малышом... Он играл с котёнком привязанной на шнурке бумажкой. Барсик весело гонялся за ней, крался, прыгал, ловил, кувыркался. Супруги смеялись от души...

Вдруг котёнок увидел снизу в широкой штанине «семейных» трусов хозяина ещё одну болтающуюся «игрушку», подпрыгнул и вцепился в неё зубками и коготками. Хозяин взвыл, отшвырнул котёнка так, что тот залетел под комод... Перепуганные супруги вызвали скорую помощь...

Выпало это в моё дежурство. Я приехала. Посмотрела. Ничего страшного не случилось: поверхностные царапинки. Посоветовала промыть место укуса марганцовкой... И сходить к врачу, если будет что-то беспокоить. Перепуганный пострадавший спрашивал, не отразится ли это на его дальнейшей семейной жизни. Больше его ничего не интересовало... Успокоила, как могла, и уехала. Слышала только, как он говорил своей жене, что убьёт Барсика, если та его сейчас же не унесёт из квартиры.

Недели через две у супруги был день рождения. Пригласили и меня. Когда почти все гости разошлись, откуда-то появился Барсик, запрыгнул к хозяину на колени и стал мурлыкать свою песенку... Я засмеялась: «Простили тебя, шельмец!» Хозяин взъярился на супругу: «Всем разболтала!» — «Как это — всем?» — не поняли мы с приятельницей. А когда разобрались — покатились со смеху.

Оказывается, он в тот раз настолько испугал-

ся за свой детородный орган, что не узнал меня в медицинском халате. И это после трёхлетнего нашего знакомства! У страха-то глаза велики...

Похоже, что Барсик тогда испугался не меньше: три дня хозяева не могли найти котёнка в однокомнатной квартире. Покушать и в туалет он выходил только тогда, когда в квартире никого не было. За это время от царапинок и следа не осталось... На четвёртое утро проснувшийся хозяин увидел котенка, спящего на своих домашних тапочках, и сердце его смягчилось... И то верно, что не всякая вина виновата...

Как придать остроту совещанию

В пятидесятые годы вопрос о предотвращении беременности перед здравоохранением не стоял. Государство было заинтересовано в увеличении народонаселения.

Мать четверых детей, медсестра единственной в посёлке участковой больницы, слёзно упрашивала врача сделать ей медицинский аборт... Та категорически отказывалась: « Не могу, для тебя это уже опасно. Нельзя их столько делать... Пусть муж предохраняется...» Но муж считал это ущемлением своих супружеских прав... Круг замкнулся.

Зарёванная медсестра пришла домой. Чтобы отвлечься от горьких мыслей, решила погладить бельё. Белья было маловато... На глаза попались смятые брюки супруга, которые тот всегда гладил сам: так уж повелось с самой их свадьбы. Но медсестре надо было занять себя делом... Перед утюжкой решила на всякий случай проверить карманы брюк. И из маленького кармашка выпал начатый пакетик с единственным презервативом...

Многодетная мама опешила: «Меня для своих детей не бережёт, а какую-то любовницу...» И, потеряв разум от гнева, натёрла презерватив поправшейся на глаза сухой горчицей с обеих сторон, вложила снова в пакетик и сунула туда, откуда он выпал... Не успела отдышаться и подумать о последствиях, как явился муж... Жена окаменела от ужаса.

Но муж не обратил ровно никакого внимания на душевное состояние супруги. На ходу сказал, что торопится на совещание, придёт поздно, передел брюки и ушёл...

В голове у несчастной женщины билась только одна мысль: «Узнает — убьёт! Что будет с детьми?» Побежала на скорую, потом к врачу-венерологу домой: «Спасите, не выдайте ради детей...» И врач-венеролог, и дежурившая на скорой фельдшер сами имели и детей и мужей. Успокоили: «Ради четверых детей не выдадим!».

И не выдали.

Ну, а накал и острота позднего «совещания» превзошла все ожидания... для обоих «совещавшихся».

Вот уж точно — и смех, и грех!

Цена жизни...

В онкологии готовили к повторной операции пожилую женщину. Лицо её, измождённое страданием, носило следы былой красоты и ухоженности. Родственников у больной не было. Детей она не рожала, чтобы не испортить свою фигуру, да и не хотелось ей себя хоть в чём-то ограничивать. По этой причине и мужа с ней не уживались. Ибо на одной постели и прочих удовольствиях семейную жизнь не построишь. Всё уходит: молодость и красота, развлечения и бурные страсти... Остаются дети, память о наших делах и слова, которые мы кому-то сказали в добрый или недобрый час...

Больную раздели, попросили снять с себя все драгоценности. И сказали, что их надо по описи положить в больничный сейф. Но больная, сняв украшения, достала из-под подушки полиэтиленовый пакетик с другими своими ценностями, сложила всё вместе. И взяла в операционную, решив, что там будет сохраннее.

Медсёстры переложили больную на операционный стол и стали её готовить. Пакетику с драгоценностями не было места. Около оперируемого живота он мешал бы хирургам, у груди помешал бы делать внутривенные уколы, у изголовья помешал бы анестезиологу, следящему за пульсом и артериальным давлением.

Больная попросила медсестру взять и сохранить её ценности... Та не смогла отказать. Одинокую женщину было жалко — шансов на благополучный исход операции, на которой та настояла, практически не было. Медсестра завернула пакетик в стерильную салфетку и... бросила под свой операционный стол рядом с тазиком, куда во время операции бросаются использованные инструменты и салфетки.

Продлить жизнь больной не удалось... Опустошённые нервным напряжением, хирурги ушли.

Пакетик с ценностями медсестра понесла к заведующему отделением. Тот приказал сделать опись вложения и сдать всё в комиссионку... Через год, с великим трудом, операционная сестра отыскала осевшую безымянную могилу бывшей первой красавицы и поставила на вырученные за драгоценности деньги чугунную оградку и простой бетонный крест с заранее заказанной табличкой...

И все забыли про покойницу. Ещё через год в онкологическом отделении сотрудники к слову припомнили этот случай, но имя и фамилию их бывшей больной так и не смогли вспомнить. Операционная сестра ушла на пенсию, спросить было не у кого... Да и никого это особенно не интересовало.

То ли жил человек, то ли не жил...

Жажда жизни

Ольга Петровна работала участковым врачом в городской поликлинике. По субботам участковые дежурили по очереди: летом, в отпускное время, в северном городе оставалось немного народа, поэтому дежурства выпадали полегче. Однажды участковый врач с соседнего терапевтического участка попросила Ольгу Петровну навестить её хроническую больную, сообщив, что, если нет новых жалоб, выписывать ей никаких лекарств не нужно.

Ольга Петровна довольно быстро управилась со всеми вызовами и успела домой к обеду. Дети налили ей в тарелку сваренного отцом рассольника. Хозяйка помыла руки и села к столу. Поднесла полную ложку ко рту ... и положила её обратно. Еда в горло не шла. Ольга Петровна встала из-за стола, придержала за плечо вставшего за ней мужа: «Кушайте, я попозже...» Сама прилегла в другой комнате на диван. Как только дети поели, встревоженный муж поспешил к своей супруге. И та начала ему шопотом рассказывать... про хроническую больную с соседнего участка.

Молодая замужняя женщина заболела внезапно после ареста своих родителей. Ноги отказались двигаться. Муж отвёз их маленького сына к своим родственникам, посвятив всё своё время заболевшей жене. Врачи, консультировавшие больную, перепробовали все известные им лекарства и методы. Но положительных результатов не было, и медики оставили свои попытки. Предписали ей покой и постельный режим... Когда началась Великая Отечественная война, мужа взяли на фронт, и он погиб... Больной женщине переоформили её маленькую пенсию по инвалидности на пенсию по утере кормильца.

И жизнь пошла своим чередом... За больной стали ухаживать баптисты, которым она отписала свой большой дом в наследство и позволила вести у нее свои воскресные службы. Единственный сын вырос, не зная даже о существовании родной матери. Женщина радовалась тому, что он жив-здоров... И сама не хотела быть молодому человеку в тягость. Мышцы лежачей больной, не имевшие физической нагрузки, атрофировались. Остались кожа да кости. Обездвиженные суставы начали срастаться, как врачи говорят, образовались контрактуры. Ни ноги, ни руки женщина не могла разогнуть. Карие глаза, опущенные длинными густыми ресницами, смотрели спокойно и ясно. Больная слушала радио... и пила таблетки корня жизни - женьшеня. Жизнь оставалась за окнами её дома...

Длилась эта болезнь уже... тридцать девятый год!

Родом из детства

Живая вода

В городе было много заводов и всяких там котельных, которые столбами пускали в небо разноцветные дымы. Вода на речном водозаборе была насыщена солями всей таблицы Менделеева. Медицинская статистика ежегодно отмечала рост страдающих отложением камней в почках и желчном пузыре.

В одной семье начали болеть бабушка, отец и двое детей-школьников. Многоопытный дед, грибник и рыбак, настоял на том, чтобы домашние употребляли питьевую воду из родника, бьющего из-под земли круглый год за дальней горой. Ходу от асфальтированного шоссе было не так много, отец работал шофером на дальних рейсах и всегда, возвращаясь в город, проезжал мимо того места. Так что особых проблем требования деда не вызывали.

Воду привозили в больших широкогорлых металлических канистрах. Она была чистойшей и необычайно вкусной. Использовали её только на питьё. Чай заваривался исключительно ароматным и густым. Но все домашние предпочитали пить родниковую воду не кипячёной. Дед называл её живой водой. И правда — через пару месяцев все болящие домочадцы стали терять свои камешки и песочек...

Дед поднимался раненько с прекрасным настроением. Умывался и выходил по давней деревенской привычке глянуть на погоду: он был прекрасным метеорологом и по каким-то мельчайшим признакам умел её «унюхать». Его прогнозы всегда были безошибочны. Потом дед садился в своё любимое кресло-качалку, неторопливо выпивал кружку родниковой воды и до общего завтрака консультировал детей и внуков, собирающихся на работу, в школу и детсад, как им сегодня следует одеться.

Однажды привычный ритуал был нарушен. Дед, как всегда, сходил и определил предстоящую днём погоду. Приготовил себе кружку воды из канистры и уютно устроился в своём любимом кресле. Мечтательно прикрыл глаза и отхлебнул водички... Глаза его удивлённо расширились, он прислушался к себе, сморщился и сорвался со своего кресла в туалет. Там он долго отплёвывался и возмущался. Выскочив оттуда, дед открыл одну канистру, понюхал воду, потом он открыл вторую и тоже понюхал...

Сердитым окриком он созвал внуков и выстроил их перед собой. «А ну, признавайтесь, чья это работа?!» Удивлённые внуки никаких таких грешков за собой не чувствовали. Все, как один, смотрели невинными глазками. Прибежавшие на разборку дети — родители дедовых внуков — тоже

смотрели удивлённо. Дед приказал принести кружки и велел всем пить воду из первой канистры.

Родниковая вода пахла... копчёной рыбой. Никто ничего не понимал...

Дальнейшее разбирательство выявило виновницу: младшая девочка опустила копчёную сельдьку в канистру с дедовой *живой* водой, чтобы рыбка ожила и поплавала... Им в детском саду читали сказку про живую воду. Девчушка захотела всего-навсего осуществить сказку на практике.

Вылечила

Маленькая девочка Лена простыла, и мама стала закапывать ей капли в нос. Эта процедура особого восторга у нее не вызывала. Лену уговорили тем, что через неделю у неё день рождения, а к больной гости не придут и подарков не принесут. Капельки помогли: к своему четырёхлетию малышка была здорова. Маленький пузырёк с пипеткой так и остался стоять в стакане на подоконнике...

Уставший папа вернулся с дальней поездки домой и прилёг отдохнуть. Лена соскучилась по папе и решила его разбудить. Но папа сказал, что болеет, лёг на спину и стал спать дальше. Дочка походила - походила около него и решила его вылечить, чтобы он встал с дивана. Взяла свои капельки, отвинтила крышечку и попробовала воспользоваться пипеткой. Сноровки не хватило, тогда она все остатки лекарства прямо из пузырька вылила папе в нос...

Папа вскочил. Вылечила!!!

Синий дым Китая

Психологи говорят, что основные знания об окружающем мире ребёнок получает до трёхлетнего возраста. Ребёнок жадно усваивает основные понятия и надолго их запоминает. Причём он запоминает их так, как воспринял впервые. Детские заблуждения выкорчёвываются с великим трудом. Долгое время одна девочка считала, что слова «Дождик моросит» означают имя дождика: Моросит. Есть же Дед Мороз! Так почему же не быть Дождику Мороситу?

«Тайга глухая» в её представлении была глухой бабушкой по имени Тайга. Ведь у соседей была коза Манька, поросёнок Борька и собака - лайка Тайга. У других соседей была глухая бабушка. Когда девчушка пела песню про бродягу, то она так и представляла, как глухая бабушка Тайга укрывает одеялом бродягу...

В отдалённом посёлке прошёл фильм «Интердевочка». Семья героини фильма была как две капли воды похожа на некоторые поселковые семьи. Ничего особо нового из этого фильма

подростки не узнали. И даже название фильма не вызывало никаких вопросов: интердевочка — это интернатская девочка, то есть девочка, обучающаяся в школе-интернате...

Один мальчик, который жил в пограничном Благовещенске, пел песню про любимый город так:

«Любимый город — синий дым Китая...»

Во всём нужна сноровка...

В те времена, когда домашних телевизоров ещё в помине не было, в кинотеатрах прошёл фильм про какого-то героя-одессита, умевшего мастерски сплёвывать через золотой зуб. Дворовые мальчишки мигом стали ходить по-одесситски: руки в брюки и плевать по геройски. Вполне естественно, стали устраивать дворовые и уличные соревнования на дальность и точность плевка...

К великому позору мальчишек, дальше всех в цель сплюнула маленькая настырная девчонка. Росла она вместе с братьями, поэтому ни в чём не уступала мальчишкам. Впрочем, она и девчонкам не собиралась ни в чём уступать: она дольше всех прыгала на верёвочке и дольше всех подбрасывала фанеркой самодельный воланчик — пробку с птичьими пёрышками... У её любимого старшего брата было кредо: если что-то делать, то делать лучше всех... или не делать вовсе!

Дворовый вожак был уязвлён победой девчонки. Но поколотить её не мог, братья у неё были старше и сильнее его... Думал - думал пацан и придумал такое соревнование, в котором девчонка уж точно не смогла бы победить: он объявил, что теперь мальчишки будут соревноваться... кто дальше пописает!

Многоочковый (многоместный) туалет с перегородкой на мужское и женское отделение был в конце большого двора. Мальчишки дружно собрались и по команде группами писали на противоположную стенку, кто выше помочится... Девчонки были в курсе событий и после соревнования тайком заглянули в мужской туалет посмотреть на побеленной стенке высоту мальчишеских спортивных достижений.

Настырная девчонка решила, что побьёт все их рекорды. И стала тренироваться.

Через три дня все девчонки пошли к рекордсмену - вызывать его на соревнование. Мальчишки хохотали до упаду!

В женский туалет пустили рекордсмена и двух судей - мальчишек. Девчонок набилось битком... Кончилось это полным побитием мужского рекорда... и безмерным удивлением отца настырной девчонки, который заметил подозрительный визит в женский туалет мальчишек в сопровождении девочек.

Впрочем, рекорды всегда вызывают удивление простых смертных... А удивляться особо и нечему — всё дело в упорных тренировках. Надо просто съесть побольше арбузов и хорошо прогнуться всем корпусом назад! Да ещё поднатужиться изо всех силёнок...

УЧИТЕЛЬСКИЕ ИСТОРИИ

Анкетирование

В шестом классе учился маленький белобрысенький пацанчик Виталька. Ростиком он едва доставал до подмышек самому маленькому мальчишке в классе. Его мама работала старшей горничной в гостинице для иностранцев, чем Виталька очень гордился.

В те далёкие времена, когда все учащиеся ходили на уроки в школьной форме, Виталькина мама отхватила для сына у какого-то иностранца большой красивый дипломат и джинсы. Это был потрясающий прикид: штаны были несколько раз подвёрнуты внизу, а дипломат шаркал по полу в коротких Виталькиных руках.

Смотреть спокойно на такую чарли-чаплинскую одежду не мог ни один учитель... Но для Витальки и его мамы это было очень престижным. Должен же ребёнок хоть в чём-то чувствовать своё превосходство над остальными ребятами!

Виталька не только отставал в росте от своих сверстников, но и плохо учился. К пятому классу он читал по складам. Учительница начальных классов махнула на него рукой и ставила ему не вызывающий нареканий со стороны начальства «тройку».

Новая классная руководительница научила пятиклассника читать быстро. Но писал он настолько неразборчиво и безграмотно, что понять смысл написанного было весьма трудно. Преподавательница русского языка обычно исправляла ошибки лишь в первых четырёх строчках написанного Виталькой диктанта - на большее у нее просто сил не хватало.

В шестом классе, когда девчонки обнаружили, что на свете существуют представители противоположного пола, им захотелось с ними поближе познакомиться. И каждая уважающая себя девица завела себе толстую тетрадь анкетирования.

В тетрадках были самые разные вопросы, касающиеся вкусов и склонностей представителей сильной половины человечества. Спрашивалось, какой мультик, какая певица или певец нравится, что больше всего анкетированный любит поесть, какой цвет человеку приятен и т.д. и т.п. Анкеты заполнялись, естественно, во время уроков...

Учителя ругались, отбирали эти вопросники, писали замечания в ученических дневниках и ставили неуды по поведению... Но «инфекция» ползла по всем подростковым классам...

Одна такая тетрадка — разумеется, не подписанная для безопасности фамилией владелицы — попала в руки классной руководительницы —

и та решила познакомиться, на каких проблемах зациклились её подопечные...

Почерк «модника» Витальки ей был знаком, как свои пять пальцев... На глаза попался вопрос: хочешь ли ты дружить с девочкой?

Что ответил крупными каракулями Виталька, не поддавалось прочтению.

Заинтригованная классная понесла тетрадь учительнице русского языка, более привычной к почерку неповторимого писателя диктантов.

Та повертела тетрадку, подумала и, расшифровывая букву за буквой, выписала на листочек: «и с е с в и н а»... Несколько раз покатала это слово на своём безукоризненном русском языке и перевела с Виталькиного на общепринятый: «естественно»...

Вполне исесвина, сверхмодный Виталька не мог отставать от других и тоже хотел дружить с девочкой! А что в этом особенного?

Живи как люди!

Случилось это в первые послевоенные годы. К сожалению, педикулёз тогда был обыденным явлением. После медицинских осмотров в школе многим мальчикам предписывали постричься наголо, а девочкам бесплатно выдавали воющее зелёное мыло для мытья волос. Но пользы от этого было мало... Длинные косички девченок были постоянной заботой матерей, бабушек и старших сестёр. Если домашние осмотры проводились не реже двух раз в неделю, то результаты были ощутимы...

У Люси при медосмотрах никогда не находили живности в волосах. Она была чистюлей. Классная руководительница и школьный фельдшер всегда ставили её в пример остальным ребятам.

Очередной осмотр прошёл как обычно, Люсю опять похвалили. Но после него девчонка пришла из школы весьма расстроенной: голова у неё ужасно чесалась... Она расплела свои косички и прочесала волосы частым гребешком - ничего не вычесалось. Мама посмотрела ей голову, и ничего не нашла. Пришла старшая сестра, посмотрела и тоже ничего не нашла... Голова продолжала чесаться. Девчонка так и сидела с распущенными волосами и чесала голову обеими руками. Ничего другого делать она не хотела.

Отец, весь вечер наблюдавший возню домочадцев около дочкиных волос, рассердился. Он приказал дочке заплести косички и не чесать голову. Но девчонка упёрлась на том, что по её голове бегают вошь.

Рассерженный отец поставил перед ней будильник и сказал, что если она поймает свою живность за полчаса, то он даст ей сто рублей - огромные по тем временам деньги. Но если не поймает, то он острижёт её «под мальчика».

Девчонка взялась за дело с удвоенным старанием — и через пятнадцать минут выловила-таки свое насекомое.

Отец ошалело обвёл всех глазами... и выложил

обещанную сумму. Мать заругалась на него и отобрала у дочки деньги, пообещав завтра купить килограмм хороших конфет. Назавтра чай с конфетами пили все домочадцы. Голова больше не чесалась. На следующем медосмотре волосы Люси были снова без гнид и без живности...

И тут одна из ее школьных подружек с рёвом заявила, что это неправда, что этого не может быть, потому что она в прошлый раз сама посадила вошку в Люськины волосы. «У всех есть, а у неё нету!!!»

Поросёнок за партой

Уроки рисования класс Валентины Николаевны очень любил. Она умела учить ребятшек не только владению карандашом и кистью, но и пониманию прекрасного...

Беда была только в том, что класс оставлял после себя очень много мусора. Эскизы рисунков делались на клочках бумаги, которая потом выбрасывалась, парты были испачканы краской, стружки от затачиваемых карандашей валялись повсюду... Валентина Николаевна жалела каждую минутку урока и не могла тратить время на уборку рабочего места. Чисто не там, где убирают, а там, где не мусорят.

Она вспомнила, что во время её учёбы у них преподавал репрессированный выпускник революционной Академии художеств, который на уроке по мере необходимости ставил на самодельный подиум чумазую глиняную свинку. Это было сигналом проверить порядок на своём рабочем месте. Иначе в конце урока кого-то могли объявить свинюшкиным наследником — поросёнком. Действовало это очень эффективно.

Валентина Николаевна нарисовала чумазых поросят на отдельных картонках и стала ставить их на парты грязнуль... Если рабочее место после этого становилось чище, то и поросёнок ставился чистенький — для напоминания. Подействовало это на класс мгновенно. Вопрос об оставленных грязных рабочих местах в пятом классе больше не всплывал...

Однажды Валентина Николаевна попробовала закрепить приобретённый опыт на уроке черчения. И семиклассники... украли у неё всех, и чистеньких и чумазеньких, поросят!

Потом признались, что взяли их «как сувениры».

— Уж больно они симпатичные!

По стопам учительницы

Не верьте учителям, когда они говорят о том, что у них нет любимчиков! Безусловно, все учителя стараются строить свои взаимоотношения с учениками на принципах справедливости. Но справедливость и любовь — это две большие разницы, как говорят в Одессе и по телевидению в джентльмен — шоу...

У Дарьи и учительницы рукоделия частной школы любовь была взаимной. Впервые встретились они в начале Дарьиного второго класса. Учительница тотчас выделила девочку из среды одноклассниц за её непоседливость и понятливость. Декоративно-прикладным искусством учительница занималась не меньше полувека. За ее плечами была не одна персональная выставка и не одна сотня учениц... Её работу в своё время описывали в газетах и снимали для передач телевидения.

Начиная преподавать в частной школе, она сделала небольшую выставку, чтобы заинтересовать учащихся.

На восьмилетнюю Дарью выставка работ учительницы произвела впечатление, и она тут же решила, что станет «популярной рукодельницей». Всё лето девочка старательно готовила свои работы и в начале третьего класса сделала-таки свою первую персональную выставку. Школьную выставку маленькой художницы торжественно открыли, и весь день нарядная девчушка сама себя носила на руках...

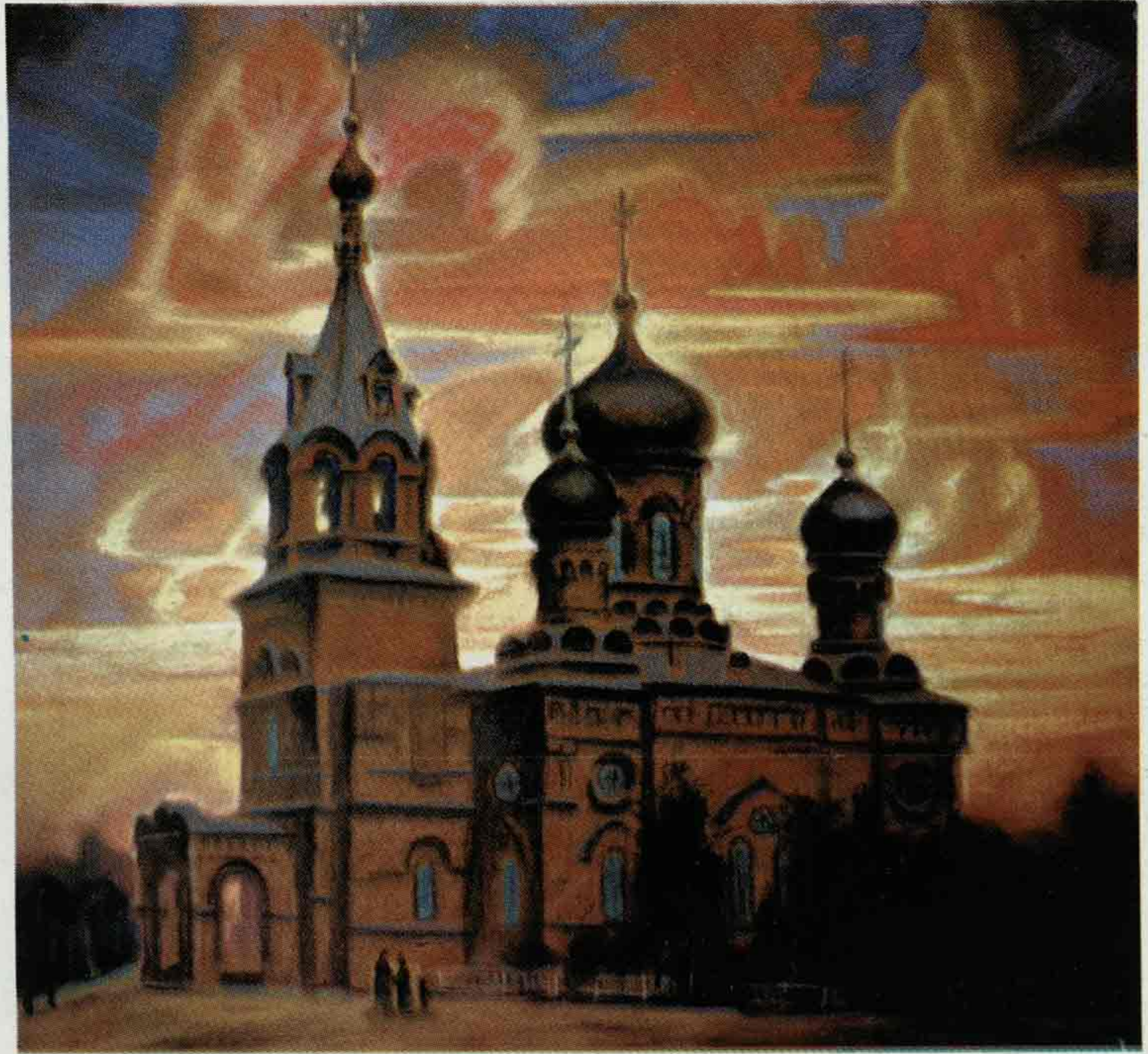
К концу третьего класса на общешкольной декоративно-прикладной выставке Дарьиных работ было в два раза больше, чем всех остальных работ вместе взятых...

О Дарьиной выставке была небольшая заметка в детской областной газете «Калейдоскоп». Дарья прочла её и поинтересовалась, сколько таких газет было напечатано. Учительница нашла тираж газеты — 6 тысяч экземпляров — и ученица осталась вполне довольной. «Всё! — сказала она — Я теперь популярная!»

В третьем же классе Дарья обнаружила, что её любимая учительница умеет абсолютно (!) всё делать... и в том числе писать короткие рассказы. Вечером девочка позвонила пожилой преподавательнице домой и... прочла только что сочинённую ею сказку по телефону! Ждать следующего урока у неё не было терпенья.

Ученица шла по стопам своей учительницы — и наступала ей на пятки!

20-00

“Вознесенская
церковь”.
Бумага, пастель.

“Мой дворик”.
Картон, масло.

НОВАЯ ЦЕНА	
20	00 к.

Дата	№ к.в.

обложки - “Шадринский собор”. Бумага, пастель.

50-60

